детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

1/2004

Айзек АЗИМОВ

пустяк

Искатель, 2004 №1

Айзек Азимов, Евгений Ледянкин, Светлана Славная, Боб Грей, Александр Юдин

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2004. № 1
Содержание:
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Айзек АЗИМОВ. ПУСТЯК
Евгений ЛЕДЯНКИН. СУДЬБА
Светлана СЛАВНАЯ. ДЕВУШКА С ГАНТЕЛЯМИ
Боб ГРЕЙ. ОСОБЫЕ УСЛУГИ. МИСТЕРА БАЛДМЭНА
Глава 1. Смерть вне очереди
Глава 2. Опыт прошлого
Глава 3. Главная роль
Глава 4. Ценный «источник»
Глава 5. Посол с полномочиями
Глава 6. Девушка без вызова
Глава 7. Заказчик
Глава 8. Старшая сестра
Глава 9. Слуга трех господ
Александр ЮДИН. КАЛЛИКАНЦАРЫ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно; с 2003 года выходит непериодически.

FB2 книгу сделал mefysto

ИСКАТЕЛЬ 2004
№ 1

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

1/2004

1 (300)
2004

*

© «Книги «ИСКАТЕЛЯ», 2004

Содержание:

Айзек АЗИМОВ
ПУСТЯК
рассказ

Евгений ЛЕДЯНКИН
СУДЬБА
рассказ

Светлана СЛАВНАЯ
ДЕВУШКА С ГАНТЕЛЯМИ
рассказ

Боб ГРЕЙ
ОСОБЫЕ УСЛУГИ
МИСТЕРА БАЛДМЭНА
повесть

Александр ЮДИН
КАЛЛИКАНЦАРЫ
повесть

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сотрудники редакции от всей души поздравляют вас, наших преданных читателей, с Новым 2004 годом и желают крепкого здоровья, успехов и благополучия!

Вы, наверное, заметили, что оформление обложки журнала «Искатель» значительно изменилось. Хотелось бы услышать ваше мнение по поводу нового дизайна.

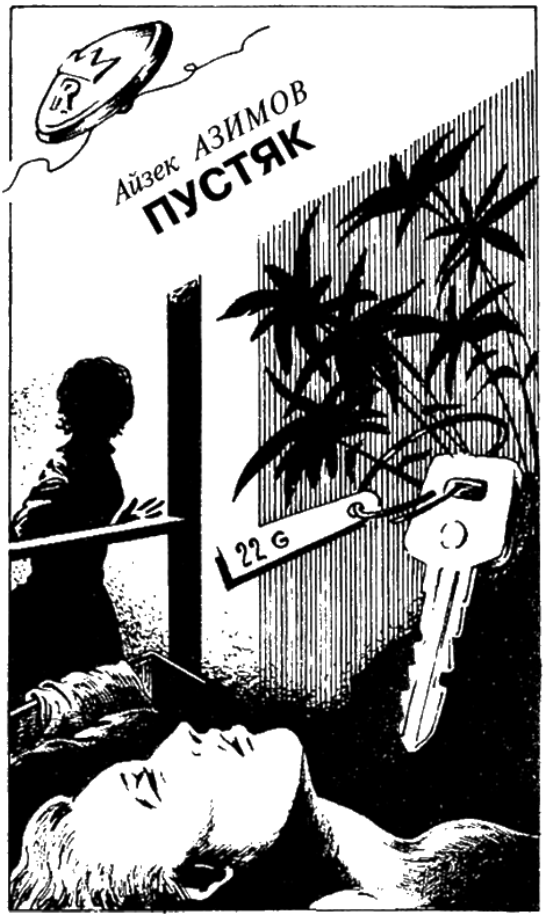
В ближайших номерах вас ждут встречи с новыми произведениями Анны Малышевой, Керен Певзнер, историческим расследованием Андрея Шарова «Кумир эпохи» (о загадочной смерти поэта Байрона). Порадует своим новым детективным романом и наш постоянный автор Станислав Родионов.

В последнем номере журнала «Детективы «Искателя» напечатан захватывающий роман Насти Громовой, написанный в духе Дарьи Донцовой, «Не доводите женщин до бешенства».

Не пропустите!

Айзек АЗИМОВ

ПУСТЯК


Айзек АЗИМОВ
ПУСТЯК
22 G

Миссис Клара Бернстайн перешагнула за пятьдесят, а температура воздуха — за 90 градусов по Фаренгейту. Работал кондиционер, но, охлаждая квартиру, он не мог все-таки избавить от невыносимой духоты.

Миссис Хестер Голд, поднявшись к Кларе на двадцать первый этаж из своей квартиры 4-С, изрекла:

— На моем этаже прохладнее.

Ей было тоже за пятьдесят; крашеные светлые волосы не молодили ее ни на один год. Клара пожаловалась:

— Подумаешь! Я спокойно могу переносить жару, а вот с этим «кап-кап» не могу примириться. Слышишь?

— Нет, — ответила Хестер, — но я могу себе представить. Мой мальчик Джо потерял пуговицу от рукава блейзера. Заплатил за него 72 доллара, а без пуговицы теперь этот блейзер никуда не годится. Такую великолепную пуговицу не удосужился пришить вовремя.

— Ну, это не проблема. Оторви с другого рукава, пусть носит без пуговиц.

— О нет, блейзер сразу потеряет вид. Просто если пуговица слабо пришита, зачем ждать, пока она потеряется, надо тут же ее пришить. Парню

уже двадцать два года, а все еще ничего не смыслит в простых вещах. Бродит бог знает где, дома почти не бывает, возвращается когда захочет…

Клара нетерпеливо прервала ее:

— Неужели ты не слышишь, как наверху капает? Пойдем со мной в ванную. Раз я говорю капает — значит, капает.

Хестер последовала за ней, прислушалась. В тишине ясно раздавалось: «кап-кап-кап».

— Ну прямо пытка водой, — пожаловалась Клара. — И так три ночи подряд.

Хестер поправила огромные слегка затемненные очки, словно это помогло бы ей яснее услышать звуки капанья, и подняла голову.

— Пожалуй, капает из квартиры 22-Г, где живет миссис Маклэрен. Я знаю ее. Добрая женщина. Если ты постучишь к ней и скажешь, в чем дело, она ведь не укусит тебя.

— Да я не боюсь ее, — продолжала Клара. — Стучала уже раз пять, но никто не ответил. Звонила по телефону — не поднимают трубку.

— Значит, она уехала. Сейчас же лето, все куда-то уезжают.

— А если она уехала на все лето, то я должна все лето слушать это капанье?

— Обратись к менеджеру.

— Да у этого идиота нет ключа к ее хитрому замку, а он, конечно, не будет взламывать дверь из-за пустяка. Между прочим, она вовсе не уехала. Я знаю ее машину, она стоит в гараже.

Обеспокоившись, Хестер предположила:

— Она могла с кем-нибудь уехать.

— Ну это же миссис Маклэрен! — фыркнула Клара.

Хестер нахмурилась:

— Допустим, она разведена. Что в этом страшного? Ей всего тридцать или тридцать пять, и одевается она очень модно. Что ж тут плохого!

— Я, конечно, не могу видеть, что происходит там, наверху, но ведь все слышу.

— А что ты слышишь?

— Шаги, шум. Она прямо надо мной, и я даже знаю, где ее спальня.

Хестер съязвила:

— Не будь такой старомодной. Она живет, как большинство теперь. Это ее личное дело.

— Хорошо, но она постоянно пользуется ванной и не закрывает кран. Почему? И к тому же не пускает к себе. Уверена, что ее квартира обставлена в пошленьком французском стиле.

— Ошибаешься, дорогая, у нее самая обыкновенная квартира и много цветов.

— А ты откуда знаешь?

— Я помогаю ей. Она одинока и время от времени куда-нибудь уезжает, и тогда я поливаю ее цветы.

— Вот как? А сейчас она говорила тебе, что собирается уезжать?

— Нет.

Клара откинулась на спинку стула, спросила:

— В таком случае, у тебя должны быть ключи от ее квартиры?

— Да, но я не могу туда войти.

— Почему? Ведь ее нет дома, значит, ты должна полить цветы.

— Она не просила меня об этом.

Клара предположила:

— А вдруг она больна и не может открыть дверь?

— Ерунда. Телефон рядом с кроватью. Когда ты ей звонила, она взяла бы трубку, как бы плохо себя ни чувствовала.

— А если у нее инфаркт? Послушай, а может быть, она мертва, поэтому и кран не закрыт?

— Глупости, она молодая женщина, и у нее не может быть инфаркта.

— Не ручайся. При ее образе жизни… А вдруг ее убил поклонник? Ты должна обязательно к

ней войта.

— Но ведь это же незаконно.

— С ключом-то? Если она уехала, ты не можешь допустить, чтобы ее цветы засохли. Ты их польешь, а я закрою кран. Что ж туг такого! А если она мертва, разве можно позволить, чтоб она лежала там столько времени?

— Она не мертва, — ответила Хестер.

Однако спустилась на четвертый этаж за ключами.

— В холле никого нет, — прошептала Клара.

— Ш-ш-ш, — предупредила Хестер. — А что, если она внутри и спросит: «Кто там?»

— Скажи, что пришла полить цветы, а я попрошу ее закрыть кран.

Ключ бесшумно повернулся в замке, и Хестер, затаив дыхание, приоткрыла дверь, затем постучала.

— Никто не отвечает, — нетерпеливо прошептала Клара и широко распахнула дверь.

— Даже кондиционер не работает. Все нормально.

Дверь за ними закрылась.

— Ох, какая духота! — проговорила Клара.

Они осторожно пошли по коридору. Направо пустая кладовая, пустая ванная… Клара загляну-

ла туда — тахо.

— Вероятно, в спальне.

В конце коридора налево была гостиная, там Хестер обычно поливала цветы.

— Да, их нужно полить, — подтвердила Клара, — а я пойду в спальню.

Она открыла дверь и остолбенела.

Ни движения, ни звука, рот широко открыт…

Хестер остановилась сзади. Нестерпимо душно.

— О Господи!

У Клары перехватило дыхание.

Простыни валялись в беспорядке. Голова миссис Маклэрен свесилась с кровати, а длинные волосы рассыпались по полу, на шее синяки, рука неестественно подвернута.

— Мы должны позвонить в полицию, — заторопилась Клара.

Вдруг Хестер неуклюже бросилась вперед.

— Ничего не трогай! — предупредила Клара.

В руке Хестер сверкнула медная пуговица ее сына.

Перевела с английского Таисия Локтина

Евгений ЛЕДЯНКИН

СУДЬБА

Евгений ЛЕДЯНКИН
СУДЬБА
МЧС

Когда Наташа поняла, что самолет падает, ее охватил ужас. Она оцепенела, и в голове молоточком стучала мысль: «За что? Почему я?»

Все то недолгое время, что самолет падал, перед Наташей кадр за кадром возникала цепь тех случайных событий, которые привели ее в самолет. Не случись хотя бы одного из них, все было бы иначе.

Все началось с того, что Наташа, несмотря на сильнейший насморк и температуру, решила не брать больничный. Одна мысль о том, что нужно будет приходить в поликлинику и высиживать огромные очереди вместе с бабками, которые ходят по врачам именно из-за возможности посидеть в очереди и пообщаться с себе подобными, заставила ее накапать себе в нос «Пинасола», выпить таблетку аспирина и отправиться на работу.

На работе поздравляли Ленку Снигиреву с днем рождения. Приняв подарки и распив положенную в таких случаях бутылочку, Ленка подсела к Наташе и заныла донельзя противным голосом:

— Ну Натусь, ну давай поменяемся, ты мне свой июль, я тебе свой апрель. Мне во как надо!

У Ленки были секретные неприятности с ее перманентно меняющимися женихами, о ко-

торых, впрочем, знал весь отдел. Вот и теперь ей для решения ее проблем нужен был отпуск именно в июле.

Наташа тоже хотела отдохнуть именно в июле. На даче у нее было очень уютно, она любила и лес, и речку, и все, что в них растет и плавает. Но Ленка ныла до того занудно, что Наташа, проклиная свой мягкий характер, согласилась. «В конце концов, — решила она, — возьму числа с двадцать пятого. Весна теплая, земля уже просохнет, огородом займусь».

Обрадованная Ленка, чтобы не дать Наташе возможности передумать, заставила ее написать заявление и сама отнесла его в отдел кадров.

Проборовшись весь день с насморком, Наташа мечтала об одном — домой, к телевизору. Но не тут-то было. Ленка, чувствуя себя обязанной, подхватила Наташу под локоток и потащила к себе домой на вечеринку. Наташа отбивалась как могла, но Ленка пообещала накормить ее своими фирменными пирожками, которые ей почему-то всегда удавались. Против пирожков Наташа не устояла и поплелась вслед за именинницей, подозревая, что Ленка заставит ее делать салат, который сама она готовить не любила и не умела.

За столом было шумно и весело. Рядом с Наташей сидел двоюродный Ленкин брат, веселый и красивый парень. Слегка опьянев, Наташа развеселилась. Она смеялась над Мишкиными шутками, танцевала с ним и с удовольствием принимала его ухаживания. Но когда ухаживания перешли все рамки дозволенного, Наташе пришлось превысить пределы самообороны.

Скандал, конечно, можно было бы замять, тем более что Мишка попытался все обратить в шутку. Но Наташа не пошла на это. Она никогда не смогла бы объяснить даже себе самой, почему вместо того, чтобы пойти на примирение, она добавила к пощечине тарелку с салатом и, схватив куртку в охапку, выбежала на улицу.

Если бы она этого не сделала, она никогда бы не оказалась в этом дурацком автобусе и не попала бы в аварию.

Впрочем, автобус был не дурацким, а самым обыкновенным. И ехал он нормально, не гнал, не спешил. Но для того чтобы не попасть в аварию, этого мало. Нужно еще, чтобы другие водители не мешали тебе добраться до места назначения.

Откуда взялась эта «Тойота»? Очевидно, водитель был либо пьян в стельку, либо купил права одновременно с автомобилем. По крайней мере,

он выехал на перекресток на красный свет, не снижая скорости. Шофер автобуса инстинктивно крутанул баранку, и автобус, казалось, ушел от столкновения.

Шофер уже мысленно поздравил себя с тем, что не попал на «бабки» за разбитую иномарку, как тут подвернулся ехавший по соседней полосе «КамАЗ», который и врезался автобусу в бок прямо напротив того места, где сидела Наташа.

Удар был не очень сильным, но стеклам этого хватило, и они дружно влетели внутрь салона. Один из осколков довольно серьезно располосовал Наташе кисть руки. Наташа удивилась больше, чем испугалась. Она до этого была твердо уверена, что автомобильные стекла при ударе разбиваются в мелкую крошку.

Если бы мимо не проезжала «скорая», Наташу бы могли отправить совсем в другую больницу и она не встретила бы Зыкова, который работал хирургом и дежурил именно в этот вечер.

Зыков обрадовался Наташе так, как будто она пришла к нему в гости. Впрочем, рану он ей обработал очень и очень профессионально. Но пока руки выполняли свой долг, язык выполнял свой. В результате Наташа, которая начала потихоньку приходить в себя, была посвящена в то, что не да-

лее чем в следующую субботу состоится встреча выпускников их класса.

Наконец Наташа распрощалась с Зыковым, который пообещал зайти за ней в субботу, и поехала домой. Когда она приехала, родители уже спали и некому было причитать и вздыхать над порезанной рукой и испорченным отпуском. Наташа быстренько разделась, нырнула в кровать и тут же уснула. Последней мыслью была мысль о том, завела ли она будильник.

Время до следующей субботы прошло незаметно. Ленка, обидевшись на Наташу за Мишку, не замечала ее, зато раззвонила по отделу о том, что Наташа испортила ей день рождения безобразной пьяной дракой.

— А я, дура, с ней еще отпуском поменялась! — с горечью добавляла Ленка.

Слух рос, тем более у Наташи была перевязана кисть руки, и вырос до того, что якобы Наташа отмутузила двух здоровенных мужиков и травмировала при этом руку.

Разговоры шли в двух направлениях:

первое — девки пошли, пьют больше мужиков, да еще морду им бьют. На ком, скажите, жениться?

второе — мужиков нормальных не осталось,

все пьянь и похабники, замуж выйти не за кого.

Впрочем, оба направления сходились в одном: в тихом омуте черти водятся.

Наташу эти разговоры коробили, но что-либо выяснять и тем более оправдываться она не хотела. Это было ниже ее достоинства, хотя и обижало до слез.

В таком вот разобранном состоянии Наташа ехала домой. И тут судьба дала ей шанс. Ее окликнули в толпе, и она с удивлением и радостью узнала в окликнувшем своего однокурсника Вадика Баранова. Он под руку с роскошной девицей выходил из магазина. Девица оказалась его женой и открытой и веселой девушкой.

После сумбурного обмена приветствиями, Вадик спросил:

— Ты сейчас, собственно, где?

— А вот здесь. Вон в том доме.

— Ты что, инженеришь? С твоей-то головой?

— А кому она нужна, голова моя?

Вадика толкнула в бок жена. Он посмотрел на нее и задумчиво произнес:

— А это идея. Вот что, рыба ты моя. У меня своя фирма. И мне сейчас нужен человек для работы как раз по нашей специальности. Придется побегать, но ты, по-моему, на подъем всегда была

легкая. Оклад — двести пятьдесят баксов.

— Сколько?

— Еще плюс бесплатные обеды. И кроме работы участие в банкетах, презентациях, пикниках и т. д. Согласна?

— Ты еще спрашиваешь!

— Тогда пиши мой телефон. Записала? Звони завтра в два. Ровно. Приедешь, обговорим детали. Ну все. Ты, кстати, где обитаешь? Тебя подвезти?

И надо же было быть такой дурой, чтобы отказаться. Неудобно ей, видите ли, стало затруднять своего благодетеля. А напросись она в машину, не пришлось бы ей ехать на метро. Да еще бежать по эскалатору, чтобы успеть вскочить в вагон одновременно с закрывающимися дверями. Как будто это последний поезд и других уже не будет.

В вагоне обращала на себя внимание парочка, которая обнималась и целовалась у всех на виду с таким жаром, что все отводили глаза и смотрели куда угодно, только не на влюбленных.

Наташа повесила сумку на сгиб руки и уткнулась в книжку. Парочка пристроилась рядом, и Наташе приходилось удерживать свой взгляд на книжке, чертыхаясь и думая: «Почему неудобно всем окружающим, а не этим озверевшим от нежности друг к другу молокососам?»

Наконец парочка очнулась, сообразила, что надо выходить, и рванула из вагона, сметая все на своем пути. Наташа неодобрительно покачала головой и снова уставилась в книгу.

Пропажу записной книжки она обнаружила на следующий день на работе. Наташа тут же вспомнила парочку и от отчаяния чуть не заревела. Пропал такой шанс. Ладно бы там деньги были! Так нет, ни рубля. Зато в книжке были все телефоны. Теперь шанс найти Вадика был не то что нулевым, он опустился до отрицательных величин.

Тем временем подошла суббота. Наташа проснулась утром и вспомнила о встрече выпускников. Вообще-то, идти ей не хотелось. Друзей у нее в школе не было, если не считать первых двух классов. Но потом подружка Света переехала в другой район, а с другими девочками дружба не получилась.

В детстве Наташа была, что называется, серой мышкой, сидела сбоку и прилежно училась. Годы шли, мальчики мужали и с интересом рассматривали одноклассниц. Наташа не поймала ни одного взгляда! Да и то правда, кому нужна мышь? Так что с мальчиками она тоже не дружила и общалась лишь по необходимости. Или

когда они начинали флиртовать с ее соседкой по парте Викой Бубновой, по прозвищу «Буба», которая перешла в их школу в десятом классе.

Вике досталось от природы много. К выпускному классу она выглядела так, что на пляж с ней Наташа ходить отказывалась наотрез. Если даже на субботнике рядом с Викой, одетой в старенькую куртку и джинсы, невозможно было стоять, чтобы не ощутить своей ущербности в смысле внешности, то что тогда говорить о купальнике?

Но Вика была девушкой не только красивой. Кроме конечностей и других атрибутов женской красоты, природа снабдила ее чисто женским умом и практицизмом. Она умела ладить со всеми. Никто ни разу не испытал после общения с ней чувства обиды.

Вика правильно рассудила, что в жизни может пригодиться любой человек, любое знакомство. И она решительно сблизилась с Наташей, сделав это с достаточно корыстной целью, поскольку Наташа по дружбе оказывала ей всестороннюю помощь во время контрольных и в выполнении домашних заданий.

Девочек можно было назвать подружками. Они ходили друг к другу в гости и покорили обеих мам. Мама Наташи была очарована обхо-

дительностью Вики, а Викина мама считала, что умненькая Наташа — это именно то, что нужно ее дочке в выпускном классе.

Они вместе ходили в кино, знакомились с мальчиками. Правда, у Наташи никто не пытался взять телефон. Это уже потом, в институте, когда у природы дошли руки и до Наташи и она округлила на ее фигуре все то, что и должно иметь округлость, у нее появились настоящие ухажеры. Были даже такие, кто метил в женихи. Но Наташа закомплексованно считала, что ребят больше интересует не она как человек и девушка, а то, что она называла сопутствующими обстоятельствами — прописка, жилплощадь, дача и т. д. Это сильно осложняло ей жизнь. Внутри был какой-то барьер, она тушевалась, деревенела и никак не могла через него переступить. Эта закомплексованность приводила к тому, что ухажеры отставали и переключались на более живых девушек, благо на курсе их было пруд пруди.

И что интересно: как только ухажер переставал быть ухажером и становился просто товарищем, снова к Наташе возвращалась ее жизнерадостность и легкость в общении. Постепенно у нее сложился имидж очень милой и хорошей девушки, но, к сожалению, безнадежно фригидной. Ее

очень жалели и ценили как товарища, верного и надежного.

Так что Наташа с большим удовольствием отправилась бы на встречу с институтскими друзьями, чем с одноклассниками.

Позавтракав, она приняла решение не ходить. Но не тут-то было. Вечером в дверь позвонили, и в квартиру ввалился Зыков.

— Ты еще не готова? Давай мигом!

— Слушай, Зыков, я, наверно, не пойду.

— Я тебе дам «не пойду»! Пять минут на сборы, внизу машина ждет!

— Какая машина?

— Зеленая. Как доллар. И знаешь, кто за рулем? Буба!

— Буба?

— Буба, Буба. Она теперь у нас крутая, крутее не бывает.

— Не крутее, а круче.

— Зануда. Давай быстрее одевайся — и мухой вниз. Я пошел.

Встрече с Бубой Наташа противиться не могла. Она быстро оделась и спустилась вниз. Подруги обнялись, расцеловались, отвергнув попытку Зыкова присоединиться к поцелуям, и уселись в машину.

— Ну, как ты, где ты?

Вика за рулем смотрелась солидно.

— Я замужем, уже два года. Сижу дома, обеспечиваю мужу уют.

— А кто у нас муж?

— Волшебник, конечно. Бизнесмен, как у нас принято говорить — «новый русский».

— Короче, олигарх! — Расположившийся сзади Зыков тоже хотел поговорить.

— Зыков, помолчи. Конечно, не олигарх. Но человек небедный. Отели, рестораны, недавно казино открыли. А ты где?

— Я там же. В институте своем.

— А они еще не накрылись?

— Не все. А куда мы едем?

— В кабак.

Зыков снова встрял:

— Кстати, кабак Викин. Ей муж подарил.

— Не трепись. Муж, действительно, на паях владелец кабака. Но не более. Нам выделили зал. Будут только наши.

— Стой, а деньги?

— Не бери в голову. Моя идея, я и приглашаю.

Наташа откинулась на спинку сиденья и задумалась. Это нереально. Ее школьная подруга — и жена миллионера! Хотя, если поразмыслить, все

жены миллионеров были чьими-то школьными подругами.

На вечере было весело. Так бывает всегда, когда встречаются люди, связанные детскими воспоминаниями. Это относится и к более пожилым, а что взять с двадцатипятилетних?

В конце вечера за Викой заехал муж. Она представила его — Олег, — чем вызвала бурную реакцию класса, так как все помнили, что первую Викину любовь звали тоже Олегом и учился он в параллельном классе.

Вика предложила Наташе подвезти ее домой. За ними увязался Зыков. В машине Вика предложила:

— Ты говорила, у тебя отпуск скоро? Мы с Олегом как раз собираемся в Сочи. Олег там новый отель открывает. Поехали с нами. Поживем, отдохнем. Море холодное, зато бассейн есть. Позагораем.

— Не, мне это не по карману. Я лучше на дачу.

— По какому карману? Я же тебя в гости приглашаю. Олег там делами будет заниматься, а мне что, одной сидеть? Фигушки!

Наташа нерешительно протянула:

— Это ж надо успеть собраться, билеты, то, се…

— Не боись, подруга, это не проблемы.

Короче, уговорили быстро. Когда Наташу высадили возле ее дома, Зыков неожиданно тоже вылез, чем вызвал кучу шуток на этот счет со стороны Вики, и взял Наташу под локоток.

— Погоди. Дело, конечно, твое… В общем, Олег этот — браток, причем авторитетный.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. И Вика знает. И, более того, помогает дельными советами.

Если бы Наташа посмотрела на Зыкова, то увидела бы, что он трезв и серьезен. Наташа этого не сделала. Она смотрела на свои окна — ей хотелось домой.

— Не болтай ерунды, знаток. И не распускай сплетен. Завидуешь наверно?

— Дура. — Зыков повернулся и зашагал к автобусной остановке. Наташа посмотрела ему вслед.

— Нет, не может быть. Ерунда какая!

Дома сначала опешили от решения Наташи ехать на курорт. Но тот факт, что приглашает Вика, туг же успокоил родителей. Они порадовались за Наташину подружку и затаили надежду, что, может быть, Вика устроит Наташу на более денежную работу.

Больших денег нам не надо, рассуждали они, но тысяч семь-восемь — это то, что нужно.

Наконец настало время уезжать. Все хлопоты взяли на себя Вика и Олег, и от Наташи требовалось только не опоздать.

Неожиданности начались в аэропорту. Вика спохватилась, что забыла дома билеты на самолет. Олег без единого слова упрека исчез, а Вика пояснила Наташе:

— Сейчас все устроит. Это же не муж, а старик Хотта-быч.

Наташа решилась.

— Слушай, а правда, что про Олега говорят?

Викины глаза сверкнули сталью, но тут же смягчились.

— Зыков напел что-нибудь? Слышит звон, да не знает, где он. Ну кто в нашей стране, занимаясь бизнесом, не общается с криминалом? Это называется «иметь крышу». А Зыков… Словом, как в том анекдоте: то ли он украл, то ли у него украли.

Тут вернулся «Хоттабыч» и потащил девушек на посадку.

В самолете Наташу охватили смешанные чувства. С одной стороны, у нее не было причин в чем-то подозревать Вику, с другой… Сейчас, конечно, многие наживают огромные состояния… Но чтобы честным путем… Да в столь молодом

возрасте…

От этих мыслей Наташу отвлек чей-то вскрик. Она огляделась по сторонам и поняла, что самолет падает. Ужас охватил ее всю, от головы до пят, и душил до самого удара о землю.

— Ну что ж, поработали вроде неплохо.

Старший ангел прошелся по комнате и одобряюще улыбнулся двум практикантам.

— Вы уверены, что все пассажиры этого самолета — люди с черной аурой и отрицательной энергетикой?

— Конечно, других мы туда не отбирали. Впрочем, можно еще раз сверить списки. Вот. Орлов Михаил Петрович. По его вине должен был произойти взрыв бытового газа, в результате чего погибли бы шесть человек, а еще двое остались бы калеками. Джаев Борис Борисович. Должен был сбить в пьяном виде на машине беременную женщину с годовалым ребенком в коляске. Сиротин Юрий Борисович. Авария на стройке, семнадцать трупов. Головлева Елена Петровна, медсестра в поликлинике, ошибка при анализе крови — восемь человек больны СПИДом. Калинина Виктория Александровна и Калинин Олег Сергеевич — организаторы крутой банды, серия убийств, взрывов, мошенничество и вымогатель-

ство. Силаева Наталья Павловна…

— Стоп! — Старший ангел остановил практиканта — Наталья или Наталия?

— А какая разница? — растерянно пробормотал тот.

— А вот какая. Наталья — это одно. А в самолете — Наталия. Наталия Силаева вместе со своим мужем Александром Кругловым усыновит и воспитает двенадцать прекрасных детей, один из которых станет лауреатом Нобелевской премии. Остальные тоже не посрамят своих приемных родителей. Прочь с глаз моих!

— Мы сейчас, мы все исправим. — Практиканты мгновенно испарились.

Саша Круглов, спасатель из МЧС, разбирал останки самолета. Он откинул большой кусок обшивки и увидел Наташу. При ударе тело абсолютно не пострадало, казалось, что девушка просто спит.

У Саши защемило сердце. Он никак не мог привыкнуть к этой стороне своей работы, не то что Серега Котов, зачерствевший после первой чеченской компании и теперь спокойно жующий бутерброд рядом с самым обезображенным телом.

Они положили девушку на носилки и потащи-

ли к автобусу. Вдруг Саша, шедший сзади, встал как вкопанный.

— Ты чего? — дернулся Серега.

— У нее ресницы дрогнули.

— Да не может быть, понесли.

— Опускай. Опускай, тебе говорят!

Они опустили носилки, и Саша наклонился к Наташе, чтобы проверить пульс и дыхание. Но не успел он прикоснуться к девушке, как ее глаза широко распахнулись и она вздохнула полной грудью.

Светлана СЛАВНАЯ

ДЕВУШКА С ГАНТЕЛЯМИ

Светлана СЛАВНАЯ
ДЕВУШКА С ГАНТЕЛЯМИ
6
21
50
50

Девушки, милые, не увлекайтесь гантелями! Сила женщины — в ее слабости. Таков закон жизни, а нарушать законы опасно. Если уж вам так приспичило заняться своей фигурой, начните бегать вокруг дома. Делайте это в утреннее время, смотрите под ноги и держитесь подальше от подворотен — оттуда может выскочить собака, машина и даже маньяк. Умение бегать пригодится всегда, захоти вы сбежать от поклонников или, напротив, загнать в угол экземпляр, пригодный для строительства супружеского счастья. Но если вы увидите гантели — умоляю, закрывайте глаза, прячьте руки за спину и удирайте, удирайте!

Впрочем, этак вы шлепнетесь уже через два метра. Ладно, откройте глаза. Взгляните на эти злосчастные гантели. И знайте: с них-то все и началось.

Я не пыталась стать сильной женщиной. Просто прочла в журнале статью о том, как можно с помощью упражнений для мышц груди увеличить ее объем, и, вдохновившись, решила заглянуть в спортивный магазин.

Стояло замечательное жаркое лето. У меня начался отпуск, и из всех забот осталось лишь сдать экзамены в автошколе. В ГИБДД я права оплачу, и — загорать! Самое время заняться своим внеш-

ним видом.

Гантелей в магазине предлагалось великое множество. Проявив самокритичность в оценке своих физических возможностей, я выбрала парочку по полтора килограмма и еще парочку по два, «на вырост». Подхватила компактный пакетик и собралась бежать дальше, рассчитывая по пути на свой последний урок в автошколе успеть завершить пару-тройку доотъездных дел.

Как бы не так! Мои симпатичные, разноцветные гантельки составили в общей сложности семь полновесных килограммов. Я перекладывала пакет из одной руки в другую, закидывала его на спину, пыталась нацепить через плечо на манер сумки… Ручки пакета угрожающе напрягались, и пришлось признать: если не сдамся я, то порвутся они. Сократив намеченный ранее маршрут, я поехала прямиком в автошколу.

До начала занятий оставался еще час. Сочувственно взглянув на мою ношу, секретарша открыла учебную аудиторию. Я с облегчением шагнула в класс, и тут… Неизбежное свершилось: пакет лопнул, и гантели дружно посыпались мне на ноги. Охнув, я села на пол. Ну вот, пыталась стать спортсменкой, а превратилась в инвалида!

Шустрые гантельки успели раскатиться далеко,

в поисках последней пришлось даже заползти под парту. У стены белел бумажный конверт. Прихватив его с собой, я выбралась из-под парты и отряхнулась.

Пухлый и твердый конверт был заклеен, но не подписан. «Отдам его секретарше, пусть повесит объявление о находке», — решила я и стала соображать, куда бы теперь пристроить свои гантели. К моему великому облегчению, они поместились в сумочку. Правда, закрыть ее уже не получалось, но, согласитесь, это все же лучше, чем идти к метро с гантелями в кулаках. Повеселев, я взяла конверт и направилась к секретарше, но она успела куда-то исчезнуть. Что ж, отдам его после урока. Я вернулась в класс и углубилась в решение экзаменационных задач, пытаясь определить, кому из нарисованных участников дорожного движения следует отдать преимущество при прохождении перекрестка, если руководствоваться не только личными симпатиями.

Постепенно начал собираться народ. Прибыл преподаватель. Ломать головы стали коллективно.

Надо сказать, последний урок прошел на удивление успешно: мое мнение об организации дорожного движения разошлось с общеприня-

тым всего пять раз. Окрыленная, я попрощалась с сокурсниками и помчалась к своему инструктору по вождению. Пухлый конверт, о котором я начисто забыла, остался лежать в не закрывающейся сумочке вместе с затаившимся на время спортинвентарем.

Скажу честно, с инструктором мне повезло, хоть поняла я это и не сразу. Высокий, худой, в круглых очках, поначалу он испытывал панический ужас, садясь рядом со мной в машину, постоянно хватался за руль и жал на тормоза. «Никогда не научусь ездить, если вы будете все время мешаться! — возмущалась я. — Нужно ведь понять, как машина реагирует на мои действия!» — «Я тебе расскажу, как она среагирует на такие действия», — стонал инструктор, держась за сердце. «С его здоровьем было бы лучше в дворники пойти», — думала я раздраженно. Но постепенно мы друг к другу привыкли и даже исполнились взаимной симпатии. Инструктор поверил в мои способности и перестал бледнеть на поворотах, а я была ему благодарна за отличную школу.

Так вот, в тот день мы колесили по окрестностям, повторяя наезженные маршруты.

— Хорошо тебе, скоро на море окажешься, — вздохнул инструктор, вытирая платочком взмок-

ший от жары лоб. — Пить-то как хочется…

Он обернулся, потянувшись к лежащей на заднем сиденье бутылке «Кока-колы». Краем глаза я увидела обгоняющий нас джип. Джип метнулся прямо передо мной и затормозил. Заорав, я вжала в пол оказавшиеся под ногами педали. Наша восьмерка взвизгнула и застыла. Инструктора резко качнуло, он ударился головой о переднюю панель и начал медленно сползать вниз.

Из джипа вышли двое. Направились к нам. «Сейчас достанут оружие», — подумала я отрешенно, но не угадала. Снова завизжали тормоза, и прямо за нами остановилась машина ГИБДД. Дверцы распахнулись, доблестные защитники правопорядка высыпали на улицу и… кинулись дубасить ребяток из джипа! И те и другие сражались не по-детски. Ничего не понимая, в состоянии, близком к истерике, я завела машину и рванула вперед. Машина дернулась задним ходом и влепилась в автомобиль ГИБДД. Видимо, я пережала рычаг переключения передач. Я лихорадочно засуетилась, исправляя положение, и снова рванула — вперед, в переулок, еще в один, выскочила на улицу и помчалась, сама не зная куда. Лишь бы оказаться подальше от джипа и его пассажиров.

Инструктор после удара о панель вел себя подозрительно тихо. Даже не стонал. Ну не мог же он окочуриться от одного лишь моего торможения!

— Виктор Иванович…

Ответа нет. Я чуть скосила глаза. Машина тут же вильнула. Судорожно вцепившись в руль, я выровнялась и перевела дух.

Надо бы где-то остановиться. Сбросив скорость, я заметила впереди съезд во двор.

Инструктор лежал в неестественной позе, продолжая упираться головой в переднюю панель. Крови почти не было — так, ссадина у виска; но его вид мне совсем не понравился. Непослушными руками я немного откинула спинку кресла и, набравшись мужества, рывком переместила его в более человечное положение.

Инструктор даже не пикнул.

— Виктор Иванович, миленький… — заскулила я, пытаясь сообразить, где полагается щупать пульс. «Рот в рот», — стучала-в голове дурацкая фраза.

Пульс я все-таки обнаружила. И так обрадовалась, что чуть не заревела. Живой! Нужно срочно оказать ему первую помощь. Наверняка у него в машине есть аптечка, мне только что рассказывали об этом на уроке теории. Но что я буду с ней

делать, если из лекарств знаю лишь аспирин и зеленку? Нет, лучше как можно скорее отправить его в больницу. Вызвать «Скорую»…

Стоп. Ведь бандиты из джипа направлялись к нашей машине. Не знаю, чем насолил им мой инструктор, но в больнице они вполне могут его добить! Я читала, у них с этим просто. Что же делать?

Я задумалась. Потом обшарила карманы Виктора Ивановича и забрала у него все документы. Сдам его в больницу инкогнито. А чтобы не объяснять, каким образом инструктор в учебной машине мог оказаться без документов, да еще в столь плачевном состоянии, довезу его до больницы сама, брошу машину где-нибудь неподалеку и скажу охране на входе, что обнаружила какого-то потерпевшего. Пусть потом сами разбираются.

Достав из кармана на дверце карту дорог, я углубилась в составление маршрута. Больница находилась недалеко, но пробираться к ней следовало переулками, в объезд вероятных постов ГИБДД. Ведь я только что разбила их служебную машину, а теперь к тому же собираюсь колесить по городу без прав! Конечно, со мной рядом находится инструктор, но он в совершенно нерабочем состоянии…

Пристроив карту на сиденье рядом с Виктором Ивановичем, я достала из сумочки гантель и прижала страничку, чтобы она не закрывалась. Итак, благие цели оправдывают риск. Вперед, к больнице!

Надо сказать, я даже не представляла, насколько отличается местность от своего изображения на карте. Мой четкий и ясный маршрут менялся раза четыре, потому что нужные улицы оказывались совсем не там, где я ожидала их увидеть, а некоторые из них я вообще не смогла идентифицировать, так как не обнаружила указателей. Один раз инструктор начал было постанывать, но я тормознула, проскочив поворот, и он снова отключился.

«Бедолажка! — думала я сочувственно. — Может, гуманнее сразу добить его гантелькой, чтоб не мучился?»

В конце концов на одной из развилок моя восьмерка лихо влетела на улицу с односторонним движением, и идущий мне в лоб автомобиль отчаянно замигал фарами.

Все. Приехала. Задним ходом я сдать не сумею. Разве что попробовать развернуться?

Я попробовала. И успешно перегородила всю улицу. Собачья жизнь…

— Девушка, вам помочь? — раздался над ухом низкий мужской голос. В окно заглядывал полный брюнет лет тридцати пяти.

— Дайте-ка я сяду за руль.

Я молча повиновалась. Брюнет быстро сладил с моей восьмеркой и пропустил наконец собравшуюся пробку.

— Вам, я так понимаю, в больницу? — кивнул спаситель в сторону неподвижного инструктора. — Пересаживайтесь ко мне, подвезу.

— Лучше его лишний раз не трогать…

— О, верно. Тогда позвольте мне снова сесть за руль.

— Спасибо, я сама. — Брюнет почему-то раздражал.

— Напрасно отказываетесь… Ладно, я вам сейчас объясню дорогу, а сам поеду следом. На всякий случай.

И мы тронулись кортежем: впереди я, следом брюнет. Вот и поклонничка себе подцепила…

То ли он хорошо объяснил дорогу, то ли я неожиданно успокоилась, но мы чинно приближались к больнице.

Впереди показалась машина ГИБДД. С расквашенным носом. Неужели та самая, мною покалеченная?!

Сейчас меня остановят, оштрафуют, потребуют водительские права… А прав-то и нет! И теперь уже никогда не будет…

Брюнет повел себя отважно и неординарно. Он рванул на обгон и врезался со всей дури в злополучный автомобиль ГИБДД. Вот вам и поклонничек! Это ж как надо было влюбиться…

Не теряя времени, я тоже рванула вперед. Больница близко. Последний поворот, последняя улочка…

Посреди улицы стоял грузовик с арбузами. Водитель курил рядом. Ну уж нет, снова искать объезд я не согласна!

— Будьте так любезны, дайте мне проехать! — начала я, выскакивая из машины.

— Сейчас проедем, — ухмыльнулся водитель, шагая навстречу, и вдруг, подхватив меня на руки, в мгновение ока запихнул в грузовик. Дверцы захлопнулись…

…Я тряслась в грузовике с арбузами, размышляя о превратностях судьбы. Это ж надо умудриться за какой-то час разбить машину ГИБДД, ввергнуть в коматозное состояние инструктора по вождению, подцепить отчаянного поклонника и попасть в плен к бандитам! Что-то готовит мне следующий час?

В голове роились вопросы, один другого занозистее. Связан ли водитель арбузного грузовика с ребятишками из джипа? И если им нужен был инструктор, то зачем похищать меня? Почему брюнетистый «поклонник» проявил обо мне столь трогательную заботу и как он мог догадаться, что машина ГИБДД представляет для меня опасность? И, наконец, самый неприятный вопрос: что со мной теперь будет?

Несчастный инструктор, так и не пришедший в сознание, остался лежать в машине. Не довезла я его до больницы… Придется надеяться на милосердие прохожих.

Жалобно всхлипнув, я полезла в сумочку за носовым платком. О, сумочка! Надо же, как велика сила привычки:-выскакивая из машины на какую-то минуту, я все равно прихватила ее с собой!

Я переложила гантели компактнее. Теперь их было три, четвертая осталась на сиденье рядом с инструктором, прижимая страничку в карте дорог. Зато сумочка наконец стала закрываться.

Грузовик остановился. Господи, помоги!

Водитель выгрузил меня прямо на какой-то склад. Велел «не рыпаться», свалил рядом пять арбузов, закрыл железные створки и был таков.

Вот вам и «здрасьте».

Склад был крохотным, только что оштукатуренным и совершенно пустым. Можно сказать, мы с арбузами оказались первым товаром. На окнах решетки, впереди металлические ворота, сбоку еще одна дверь…

Дверь отворилась, и на пороге появился знакомый брюнет.

— Ну что, малыш, — произнес он довольно, — сейчас ты мне расскажешь, куда подевался мой бублик.

Мать честная! Его БУБЛИК? Свела судьба с сумасшедшим…

— Извините, что вы сказали?

— И еще ты мне скажешь, кто такой зеленый, — не унимался псих. — А если у тебя имеются возражения, то могу тебя порадовать. Рядом с тем горемыкой, что ты везла в больницу, я заметил небольшую, симпатичную гантельку. Угадай, что я с ней сделал?

— Что? — завороженно переспросила я, понимая, что все равно не угадаю.

— Взял ее тряпочкой и стукнул его аккуратненько в височек. Теперь та симпатичная гантелька называется орудием убийства, а чьи на ней пальчики, тебе известно.

В глазах у меня потемнело, и я брякнулась на пол.

Когда я пришла в себя, брюнет, недовольный моим поведением, решил ускорить темп:

— Кто Зеленый? Где документы? Я согласен обменять тебя на Бублика!

Я попыталась снова отключиться. Конечно, с психами лучше не спорить, но как я сумею объяснить, кто такой зеленый слопал его любимый бублик, подсунув взамен меня без соответствующих документов?

Брюнет тем временем вытряхнул содержимое моей сумки. Гантели снова покатились по полу. Белый конверт шлепнулся рядом с косметичкой. Схватив его, брюнет оторвал край и заглянул внутрь.

— О, вот они! Как интересно. — Он взглянул на меня. — У тебя десять минут на размышления. Когда я вернусь, ты все мне выложишь.

Дверь захлопнулась.

Я почувствовала, что мелко дрожу. Надо же быть такой идиоткой! Неужели все дело в конверте, который я подобрала под партой в автошколе и забыла после урока всучить секретарше? Документы… Выходит, «Бублик» и «Зеленый» — это имена бандитов, и мой брюнет очень рассчиты-

вает что-то о них от меня узнать.

Я стала вспоминать. Сотрудники ГИБДД, дерущиеся с ребятами из джипа. Брюнет, таранящий их машину, сумевшую меня разыскать. Скорее всего, он плавно заводил меня в ловушку, связавшись с водителем арбузного грузовика по мобильному телефону, и испугался, что они сорвут все мероприятие. Инструктор… Неужели он действительно убит?

Я поежилась. Поклонничек… Точно сумасшедший. И допросить-то как следует не может, только голову заморочил. Мне вспомнился читанный когда-то диалог:

«— Это у вас красная?

— Нет, черная.

— А почему белая?

— Потому что зеленая».

Если вы не поняли, то это о смородине.

Да, но мне-то кого объявить «Зеленым»? Вряд ли брюнет поверит, что я не в курсе.

Дверь заскрипела.

— Ну, красавица, что надумала?

— А ничего. Через два часа я должна выйти на связь с шефом. Если вы будете столь любезны, что предоставите мне возможность позвонить, то после этого мы с вами и побеседуем.

— Что ж… — брюнет окинул меня оценивающим взглядом. — Считай, договорились. А может, ты его любовница? Для обмена было бы недурно.

Насвистывая под нос мелодию из мюзикла «Собор Парижской богоматери», он направился к выходу.

— Если припомнишь что-нибудь интересненькое — зови, я поблизости.

Итак, я получила два часа на то, чтобы составить план побега.

…В глубокой задумчивости я раскалывала гантелью арбузы, выбирая, какой послаще. Нельзя же весь день ничего не есть!

План побега не срастался. В моем распоряжении была сумка (если не считать ума и прочих талантов), но чем она могла мне помочь, если газовый баллончик я выложила несколько лет назад, а телефон так и не удосужилась приобрести? Впрочем, в плену телефон у меня все равно отобрали бы.

Я разложила на полу содержимое сумки, стараясь ничего не закапать сладким арбузным соком.

Думаю, арбузы были с пестицидами, так как появившийся наконец план оказался чересчур хитрым. Прежде всего мне понадобилось отыс-

кать два гвоздя. Я обнаружила их в пережившей ремонт старой оконной раме. Кто не пробовал тащить гвозди пинцетом для бровей, знайте: очень сложно. Под конец, чтобы плотнее уцепиться, пришлось оборачивать их куском полиэтилена. Затем извлеченные гвозди я стала вбивать в дверной косяк, используя в качестве молотка полуторакилограммовую гантель. На шум примчался брюнет.

— Чего, — говорит, — стучишь?

— На волю хочу.

— Обойдешься.

— Тогда буду стучать, пока ты не оглохнешь.

— Да и на здоровьице!

Он ушел, поганенько улыбаясь, а я завершила работу и в несколько рядов натянула поперек двери зубную нить «Oral-B». Затем я сняла колготки и разрезала их маникюрными ножницами на две эластичные веревки. Выкатила на середину самый большой арбуз (тяжеленный оказался, зараза; даже захотелось взвесить его гантельками, да было жаль терять время), встала на него и прицепила колготки к лампе на потолке.

Подготовительный этап был завершен. Вздохнув, я сняла из-под блузки бюстгальтер и подошла к зарешеченному окну.

«Фиат» брюнета стоял прямо передо мной. Я щелкнула зажигалкой, подпалила бюстгальтер и бросила его на подоконник. Повалил дым. Зажмурившись, я разбила гантелью стекло, затем просунула руку сквозь решетку и, попытавшись размахнуться, швырнула гантель в «Фиат». Размаха не получилось, но я не промазала: «Фиат» обиженно взвыл сигнализацией. Сейчас должен выскочить его хозяин.

Я бросилась к арбузу.

Взбешенный брюнет выбежал к своему вопящему автомобилю и увидел жуткую картину: из разбитого окна валил дым, а там, в дыму, в позе висельника болталась я на собственных колготках. Брюнет на секунду оцепенел, потом обмер и кинулся меня спасать. А как же, ведь я еще не раскололась по поводу Зеленого Бублика! Зубная нить оказалась качественной: споткнувшись, он рухнул на пол, и я смогла сделать то, ради чего все затевалось: прицельно и с комфортом огреть его по затылку гантелью.

Брюнет крякнул и притих. Я поспешно отцепила приготовленные колготки от лампы и связала ему руки-ноги. Ай да я, ай да… как там Пушкин говорил?

Надо обшарить его карманы. Можно сказать,

привычное дело — документы инструктора уже лежат рядом с моими.

Из карманов брюнета я извлекла паспорт (Максимов Илья Георгиевич, будем знакомы), бумажник, ключи от машины и злополучный конверт. Что ж, пожалуй, он мне пригодится. Если на меня хотят повесить убийство инструктора, надо обеспечить себе защиту. Узнать бы только, в чем, собственно, дело.

Тут меня озарило. Почему бы не попытаться похитить брюнета? Глядишь, обменяю его на какой «марципанчик»… Во всяком случае, забрав его с собой, я могу быть уверена, что он еще не развязан сообщниками и что они не мчатся всей гурьбой по моему следу.

Я выскочила к «Фиату». Боковое стекло разбито, но это не беда; главное, что он, немного поворчав, согласился завестись. Подобрала валяющуюся гантель. Их у меня по-прежнему три — есть чем сражаться с бандитами.

Замок на воротах открылся легко, но тугой засов было не сдвинуть. Пришлось поработать гантелями, как долотом. Наконец я сумела загнать на склад заднюю часть «Фиата», открыла багажник и, проклиная каждый килограмм тучного тела, заволокла туда брюнета. Вот это тренировочка!

Завтра, небось, спину не разогну. В багажнике обнаружился трос для буксировки. На всякий случай я откинула коврик и примотала брюнета к запасному колесу.

Илья Георгиевич замычал и начал приходить в себя. Как там полагается говорить?

— Дежи, падла, и не рыпайся, а то все кишки из тебя выпущу! — прохрипела я ему в ухо и захлопнула крышку. Потом, поразмыслив, снова ее открыла и сунула ему в рот в качестве кляпа обгорелый бюстгальтер. Ну не снимать же по такому поводу с себя еще что-нибудь!

Отъезжая, я обратила внимание на табличку, украшающую соседнюю с металлическими створками дверь: «Бюро ритуальных услуг». Меня передернуло. Интересно, что собираются хранить на том складе?

Итак, я снова еду по городу без всяких на то прав. Да еще на чужом автомобиле. Правда, хозяин находится здесь же, но, боюсь, это мне только увеличит статью. Как там: превышение необходимой самообороны? Или похищение человека? Да ведь на мне еще висит убийство инструктора! Мамоньки, мамоньки; может, заодно ограбить банк? Терять-то все равно уже нечего…

Нужно срочно отыскать уединенное местечко

для допроса. В квартире есть утюг… Но вдруг кто-то из бандитов вычислил мой адрес? Опять же соседи переполошатся, да и к лифту тащить такую тушу проблематично. Пожалуй, лучше всего отвезти Илью Георгиевича на дачу к родителям.

Не подумайте, что мои родители — мастера допрашивать пристающих к дочери преступников. Скорее всего, они пришли бы в ужас от моей «экспрессивности» и принялись отпаивать злостного брюнета чаем с малиной. К счастью, на тот момент они беспечно загорали в Турции.

Илья вел себя интеллигентно, багажник не ломал и не матерился. Может, конечно, он тихонько скончался от удушья или от разрыва сердца, но проверять это посреди оживленного проспекта я не решилась.

Кстати, а правильно ли я еду? Карта дорог осталась в учебной восьмерке рядом с покалеченным инструктором…

Туг судьба решила мне улыбнуться: я увидела ларек, по соседству с которым упоенно грохотали сварщики. Пожалуй, здесь можно и остановиться; если мой пленник решит пошуметь, его никто не услышит.

Кое-как приткнувшись у бордюра, я поспешила к ларьку.

— Девушка, вы уронили сто рублей, — тронул меня кто-то за плечо.

Я обернулась. Мне мило улыбался симпатичный молодой человек. Очередной поклонник. И опять брюнет…

— Кстати, этот атлас дорог сделан бестолково. Вы бы лучше…

— Ничего я не роняла! — отрезала я. Хватит с меня новых знакомств. Еще один благодетель в багажник не поместится.

Я схватила карту и постаралась поскорее присоединиться к потоку машин.

Трудами великими добравшись до родительской дачи, я загнала машину в пустующий гараж и открыла багажник. Брюнет меланхолично жевал мой бюстгальтер. Живой и невредимый.

— Вот и чудненько, — вздохнула я с облегчением. — Сейчас я тебя буду пытать.

— М-м? — уточнил брюнет.

Я достала из сумочки гантель.

— Выбирай: размозжить тебе пальцы или повышибать зубы?

Илья Георгиевич энергично затряс головой, пытаясь выплюнуть бюстгальтер. И то верно, как же он сможет говорить?

Я поспешила на помощь, и меня тут же сочно

обматерили.

— Весьма колоритно. А теперь давай-ка ближе к делу, — приказала я, подбрасывая гантельку на ладошке.

И вот, наконец, мне поведали, во что я умудрилась влипнуть. Для Ильи история началась с угона его любимого «Мерседеса». Произошло это несчастье через две недели после прохождения техосмотра, а еще неделю спустя, поджидая супругу у крылечка автошколы, он увидел свой «мерс» припаркованным неподалеку. Номера были перебиты, но в лучах заходящего солнышка ясно отсвечивали параллельные царапины на одном из стекол, выполненные в порыве вдохновения его пятилетним сынишкой.

Разгневанный владелец «Бюро ритуальных услуг» решил поквитаться с обидчиками. Была вызвана «группа поддержки», за «Мерседесом» туг же установили слежку, а несколько позже телефоны автошколы снабдили «жучками». Итак, бравый брюнет обнаружил преступную организацию, занимающуюся угоном автомобилей. Вычислить связи в ГИБДД и на станции техобслуживания оказалось несложно. Однако личность шефа оставалась загадкой. КТО ТАКОЙ ЗЕЛЕНЫЙ?

Илья внедрил в автошколу своего человека. Сегодня утром тому удалось выкрасть документы, с помощью которых можно было бы получить компенсацию и за «Мерседес», и «за моральный ущерб», и, так сказать, «за труды». Но Бублика (это был именно он) засекли и перехватили. Брюнет слышал истеричный голос секретарши, докладывающей по телефону: «Парня взяли, но документов при нем нет». И чуть позже: «Документы у Борискиной. Она сейчас в восьмерке с Якушевым». И вот на перехват учебной восьмерки помчались джип с людьми Ильи и машина ГИБДД с людьми Зеленого. Мне повезло, что они достигли цели почти одновременно и занялись выяснением отношений.

Судя по всему, произошла некоторая путаница. Важность моей персоны переоценили. Секретарша решила, что я неспроста прибыла в автошколу на час раньше, а Илье доложили, что преступные ГИБДДшники ретиво бросились на мою защиту.

Я заглянула в конверт. Пять техпаспортов. Как утверждает Илья, они липовые. Не могу судить, никогда прежде техпаспортов в руках не держала. А я-то думала, что от бандитов нужно спасать инструктора!

Съеденные арбузы давали о себе знать. Оставив

без внимания протестующие вопли брюнета, я захлопнула багажник и направилась к «удобствам», размышляя о том, что теперь нужно срочно выручать несчастного Бублика. Если он, конечно, еще жив…

Удивительно, но в туалете меня частенько посещают мудрые мысли. Вот и сейчас я внезапно осознала, что первым делом должна выяснить, жив ли на самом деле инструктор. Илья уверяет, что, говоря об убийстве, блефовал, стараясь меня запугать. Хорошо бы это оказалось правдой. Если же меня не разыскивают за совершение убийства, то можно подумать о том, к кому обратиться за помощью…

«Срочно требуется отважный рыцарь! С предложениями обращаться по телефону…»

Телефона нет. Да и вряд ли кто-то обратится. Но ры-царь-то нужен позарез, не сражаться же с преступниками самостоятельно! Вот, к примеру, засунула я Илью Георгиевича в багажник, а как мне теперь переместить его оттуда без риска для жизни?

— Готовься, сейчас я снова стукну тебя гантелью по затылку, — сообщила я ему, вернувшись к машине и приподнимая крышку.

Илья был против. Он попытался покинуть

багажник без моего участия, но привязанная запаска затормозила рывок. Пришлось и правда хорошенько его стукнуть, однако на этот раз удар пришелся по лбу. Становлюсь беспощадной…

Пожертвовав любимым гамаком, чтобы прикрепить обмякшего пленника к стеллажу, я подождала, пока он начнет приходить в себя, заперла гараж и покинула родительскую дачу.

Стемнело. Ездить ночью мне еще не доводилось. Ужас несусветнейший! То встречные машины слепят фарами, то вдруг наступает такая тьма, что и поворота не заметишь. Вполне вероятно, что впереди табунами перебегают дорогу запоздалые пешеходы, но я об этом могу только догадываться…

Конечно, я предпочла бы поездку на автобусе, но на нашей даче в это время автобусы уже отдыхают, а пешком до электрички не доберешься.

Я ехала к Стасику. Не потому, что он подходил на роль рыцаря; просто больше ехать было некуда. Мой домашний адрес в автошколе известен, впутывать в подобную историю подруг бессовестно. Стасик же потратил столько сил, за мной ухаживая, что, может, и порадуется, увидев меня в своей квартире. Надо только ему откуда-то позвонить, уточнить адрес.

Главное, у Стасика есть некий приятель в ФСБ. Организация, кажется, не совсем подходящая к моему случаю, но это ничего. Думаю, он сумеет подсказать, к кому обратиться, чтобы меня не посадили сразу за нарушение различных статей закона, а, напротив, постарались защитить от преступников. Ведь Зеленый наверняка постарается получить обратно свои техпаспорта. А меня постигнет участь всех «лишних свидетелей»…

Если Стасик меня спасет, пожалуй, можно даже выйти за него замуж.

Я выскочила на МКАД. Между прочим, а нет ли за мной «хвоста»? Может, стоит попробовать его «потерять»? Очень подходящее занятие для человека в моей ситуации!

Я попыталась что-нибудь разглядеть в зеркале заднего вида. Машина тут же завиляла. Вот незадача…

Немного поразмыслив, я съехала на обочину и включила аварийку. Постояв пять минут, тронулась дальше и обнаружила чуть впереди еще одну машину, мило отдыхающую с теми же сигналами. Опаньки! Неужели и правда «хвост»?

Сердце забилось. Я еще немного проехала и повторила маневр. Как вы думаете, что ждало меня впереди? Три машины с аварийными огнями,

перегородившие половину дороги! Вряд ли они стукнулись в целях конспирации, хотя кто этих бандитов разберет…

Плюнув с досады, я исполнила на съезде с МКАД затейливую восьмерку (не от избытка хитрости, просто проскочила с первого раза нужный указатель) и решила не напрягаться: как только я снова стану пешеходом, избавлюсь не то что от хвоста, но и от рогов с копытами, если таковые попытаются за мной увязаться.

Итак, для начала требовалось решить две проблемы: позвонить откуда-то Стасику и придумать, где оставить «Фиат». Бросить его у ближайшей станции метро я не могла: после моего побега со склада правое окно зияло дырой, и я боялась, что в таком виде он слишком уязвим перед всякими злоумышленниками. Мне же хотелось автомобиль Илье Георгиевичу вернуть — вон какую бучу он поднял из-за угнанного «Мерседеса»!

Была и еще проблема, весьма неприятного свойства. Те, кто пытался обедать арбузами, мне посочувствуют: организм срочно желал «очиститься». И эта проблема казалась самой неразрешимой…

Судьба! Мне снова требуется твоя улыбка!

И судьба откликнулась самым достойнейшим

образом: прямо по курсу замигали огни казино. Изумительно! В моем распоряжении будут охраняемая стоянка, телефоны, туалеты и бесплатный фуршет. Можно даже пересидеть здесь до утра и не повергать в изумление Стасика. Правда, без помощи его друга все равно не обойтись…

Вынимая из кошелька последние тридцать долларов, чтобы приобрести входные фишки, я прикидывала, что еще никогда не платила таких денег за удовольствие сходить в туалет. Охрана на входе с изумлением оглядела мои гантельки, но, видимо, в списке холодного оружия они не значились, и меня пропустили.

О, обитель Фортуны! Сейчас как выиграю на свои фишечки вон ту обвязанную ленточкой «Тойоту», пусть все бандиты полопаются от зависти!

Выйдя из дамской комнаты, я озиралась в поисках телефона.

— Женечка! Какая встреча! — От соседнего стола ко мне шел Глеб Фомич, преподающий в автошколе теорию.

— Присаживайтесь, это необыкновенно везучий стол! — он взял меня под локоток. В некоторой растерянности я подошла к рулетке. Горка фишек, лежащая перед моим преподавателем,

не говорила ни о чем: он вполне мог приехать за мной следом и успеть эти фишки купить.

— Позвольте, — желая сделать ставку, к столу потянулся высокий мужчина. — О! Кажется, мы с вами сегодня уже встречались?

Я подняла глаза. Симпатичный брюнет, пытавшийся всучить мне сто рублей у ларька с печатными изданиями.

Я слышала, что мир тесен. Но не до такой же степени!

…Кто хочет стать миллионером? А кто ж не хочет! Посетители казино пытаются воплотить это желание в жизнь, напрягая все свои душевные силы. Я наблюдала за ними, сидя между очередным воспылавшим ко мне интересом брюнетом и галантным преподавателем автошколы. Этот для разнообразия оказался блондином, что, впрочем, не делало его менее подозрительным. Как бы догадаться, кто из них находился в машине, которую мне удалось «засечь» на МКАД?

— Разрешите что-нибудь для вас заказать? — предложил брюнет.

— Нет, спасибо. Я сейчас поеду домой.

— О, Женечка, буду счастлив вас подвезти! — расцвел мой преподаватель.

— Что вы, я на машине.

— Разве вам уже выдали права?

Черт, совсем забыла, что являюсь нарушительницей и уголовницей.

— Я имела в виду такси.

— Женечка, вы меня обижаете!

— Может быть, вы не откажетесь воспользоваться моими услугами? — наклонился с другой стороны к моему уху брюнет.

Да, влипла. Они от меня не отстанут. Я с тоской огляделась. Как там говорят в телеигре: «У вас есть три подсказки»... Что ж, попробуем взять «Звонок другу».

— Извините, я на минуту.

— Конечно, — брюнет с блондином дружно уставились мне вслед.

Стасик не отвечал. Интересно, где это он шляется в такое время? А я почти собралась за него замуж!

Попытавшись проскользнуть в обход, я снова наткнулась на вездесущего блондина.

— Женечка, у вас такой обеспокоенный вид, — заговорил он, понизив голос. — Расскажите мне, что вас тревожит? Мы очень волновались, когда Якушев не приехал на вождение к своему ученику. Кажется, до этого он занимался с вами? Вы, случайно, не знаете, что могло произойти?

Я похолодела. Вот возьму и отвечу: «Да, знаю, он впал в кому после того, как я затормозила, увидев подрезающий нас джип, а потом его добили моей гантелью». Я вздохнула и сделала глаза побольше:

— Не приехал? Да что вы говорите! Ведь он никогда даже не опаздывает!

Из прохода вынырнул брюнет. Очень кстати.

— Извините, но вы забыли на столе свои фишки.

— Спасибо, вы так любезны! — обрадовалась я и поспешила к рулетке. Подальше от щекотливых разговоров.

Брюнет пристроился рядом со мной.

— Понимаю, что это не мое дело, но мне кажется, что ваш знакомый вам неприятен.

— У любого человека есть не совсем приятные знакомые, — не оборачиваясь, пробурчала я.

— Разрешите мне вам помочь. Если не хотите воспользоваться моей машиной, я мог бы проводить вас до такси…

— Вы ЧРЕЗВЫЧАЙНО любезны, — поморщилась я.

Как же от них избавиться? Может, устроить дебош, чтобы меня сразу отправили в милицию? Под конвоем, в броневике! Вот хорошо-то…

Я представила, как вытаскиваю из сумочки гантель, вскакиваю на стол и ору дурным голосом: «Спокойно, это ограбление! Сейчас всех взорву, к чертовой матери!» Жаль, не успела еще проведать инструктора. В милицию пока рановато.

Рулетка призывно крутилась, маня́ положиться на судьбу. «Ну нельзя же в каждом встречном видеть бандита. Может, кто-то из моих знакомых и впрямь оказался здесь случайно? Этак я буду собственной тени бояться!»

Я сжала в кулаке фишки. Беру «Пятьдесят на пятьдесят». Блондин — красное, брюнет — черное. На кого поставить?

Колесо рулетки снова замелькало цветными полосочками. Я зажмурилась. Красное или черное? Кому из них поверить?

— Ставки сделаны, — пробился ко мне голос крупье. На кого?!

Я в отчаянии швырнула фишки на «зеро». Оба они бандиты. Небось, вместе в той машине и ехали.

— Зеро, — флегматично объявил крупье.

Я оторопело взирала, как ко мне придвигают столбцы разноцветных фишек. Оба «бандита» уважительно разинули рты. Это сколько ж будет? Тридцать долларов умножить… на 35 или на 36? В

общем, невероятная прорва денег. Что ж, с таким игровым фондом можно и впрямь досидеть здесь до утра. Шампанского! И пусть все они подождут: двое бандитов у меня под боком, полумертвый инструктор в больнице, привязанный к стеллажу Илья Георгиевич на родительской даче и еще где-то — неведомый мне Бублик, которого нужно срочно спасать…

К утру зал стал пустеть. Темп игры замедлился. Мои «телоподжидатели» давно перешли из разряда игроков в разряд болельщиков, но уходить не собирались. Коротая время, я меланхолично тасовала фишки с квадратика на квадратик. Как ни странно, их количество даже увеличилось, что поутру смотрелось несколько неприлично.

Стрелка часов подошла к девяти. Больница уже открылась. Пора… Итак, последняя «подсказка» — «Помощь зала».

— Ставки сделаны, — возвестил крупье. Я приподняла свою сумку и начала в ней копаться, будто что-то ищу. Сумка наклонилась, полуторакилограммовая гантель брякнулась на стол и покатилась, сшибая по пути чужие ставки. Люди зашумели, шарик замер на цифре 25, а занимавшие соответствующий квадрат сиреневые фишки уже рассыпались, смешавшись с чьими-

то зелеными и грязно-оранжевыми…

Пожилой азиат, чья ставка по моей милости только что лишилась выигрыша, поднялся с места, рыча и ругаясь на вавилонской смеси языков. Тут же рядом с нами оказались двое молодцов в строгих костюмах.

— Пройдемте, пройдемте, сейчас мы во всем разберемся. Не будем отвлекать играющих.

Нас предупредительно, но непреклонно потеснили в сторону служебного коридора. Я едва успела сгрести в сумку свои фишки. План сработал! Еще немного везения, и я смогу удрать от блондина с брюнетом!

Мы укрылись от посторонних глаз в кабинете администратора. Я рассыпалась в извинениях, азиат оскорбленно мычал. Чтобы выразить полноту раскаяния, пришлось опустошить сумку и отдать ему все фишки. Не знаю, насколько велика была его ставка, но предложенная мною сумма явно превышала ту, что он предполагал выиграть. Не сочтите меня расточительной — очень уж хотелось скрыться от бандитов!

Азиат подобрел, и из кабинета мы вышли почти друзьями. Извинившись, я свернула к дамской комнате, а он прошел снова в игровой зал.

Выждав минуту, я выглянула в коридор. Нико-

го. Отлично.

Администратор удивленно вскинул брови, увидев меня снова в своем кабинете.

— Извините, — начала я проникновенно, — мне очень нужна ваша помощь. Двое мужчин не оставляют меня ни на минуту. Я их боюсь…

Администратор повел себя достойно. Меня вывели через служебную дверь и посадили в принадлежащее заведению такси. Общий привет блондину с брюнетом! Жаль только, что гантель так и осталась в казино…

Таксист довез меня до больницы.

— Якушев Виктор Иванович? — засопела хмурая женщина, размышляя, выдавать ли мне хранимую ею информацию. — Поступил вчера. Травма шейного отдела позвоночника. Палата № 316. Посещения после 15.00.

— Спасибо! — обрадовалась я и помчалась к лестнице, не обращая внимания на ее негодующий вопль. Неизвестно, буду ли я после 15.00 еще жива, а отдать человеку изъятые у него документы необходимо.

Инструктор сидел на кровати, закованный в толстый гипсовый воротник.

— Виктор Иванович! Как я рада, что вы живы!

— Женечка! — Виктор Иванович попытался

подняться мне навстречу.

— Сидите, сидите! К сожалению, я без гостинцев. Но зато у меня с собой ваши документы.

— О… — как-то странно протянул инструктор.

Я закопошилась в сумочке. Эти документы нужно еще найти. Вот развелось у меня паспортов — один мой, один пленного Ильи, а у инструктора, кажется, было целых два — Российский и заграничный. Может, этот его?

Я раскрыла паспорт в кожаной обложке. Без очков инструктор на фотографии выглядел солиднее и строже. Зеленкин Виктор Иванович… Стоп. Почему Зеленкин? Он же Якушев!

Я подняла глаза. Инструктор, поднявшись с кровати, медленно приближался ко мне. Вдруг стало жутко. Зеленкин. ЗЕЛЕНЫЙ!

Глаза сквозь очки смотрят пристально и напряженно. Рука за спиной…

Больше не раздумывая, я перехватила сумку за длинный ремень и с размаху подсекла ею инструктора под коленки. Зеленый потерял равновесие и шмякнулся об пол затылком. Краем глаза я увидела, как одна гантель вылетела из открытой сумки и степенно катится к нему под кровать. Выскочив из палаты № 316, я помчалась прочь.

Бегущая по больнице девушка выглядит подозрительно. Заставив себя перейти на шаг, я вышла на улицу и направилась к воротам. Поворот за угол…

— Женечка! Вы, никак, навещали Виктора Ивановича?

Блондин. Глеб Фомич. Преподаватель теории из автошколы и мой «партнер» по казино. А с ним еще какой-то незнакомый громила.

— И мы к нему. Надо же, какое совпадение! — Вот он уже протягивает руку, чтобы уцепить меня под локоток…

Я дрогнула. Не думая ни о чем, я помчалась, точно заяц, через больничные газоны к кустам сирени. Нелогично, правда? Разумнее было бы бежать к воротам, к охране, к людям. Если честно, я в тот момент даже не представляла, где находятся ворота. Сирень же выделялась на общем фоне ярким, привлекательным пятном.

За сиренью был забор. В заборе, как водится, дырка. Выскочив с территории больницы, я оказалась на каком-то пустыре. Самое гиблое место для преследуемых…

Раздался выстрел. В ужасе я повалилась под мусорный контейнер. Выстрелы следовали один за другим. В голове зазвучала строка эпитафии:

«Она прожила славную жизнь и закончила ее на помойке…»

Выстрелы не смолкали, удаляясь куда-то в сторону.

«Они там что, по воробьям палить решили?» — недоумевала я, лежа за мусорным контейнером. Что ж, если бандитам угодно вести себя непоследовательно, мне это только на руку. Глядишь, в живых останусь…

Я горестно вздохнула. Одинокая, беззащитная, провонявшая протухшими объедками… И все из-за дурацкого конверта с техпаспортами. Выбросить бы его в этот контейнер!

А как бездарно я лишилась третьей гантели… С ее стороны это просто бессовестно: укатиться под кровать к главарю преступников, не повредив ему даже мизинца! А ведь этой гантелью можно было бы, к примеру, колоть орехи… Давить тараканов… Уронить в метро на ногу какому-нибудь симпатичному парню, чтобы привлечь его внимание…

Я погладила последнюю гантель. Может, повесить ее на шею и утопиться? Впрочем, если я окажусь в воде, то утону и так.

Выстрелы стихли. Я осторожно выглянула из-за своей помойки. Никого. Ладно, утопиться еще

успею. А сейчас…

Взвизгнули тормоза, и передо мной распахнулась дверца «Мерседеса».

— Залезай скорее, они вот-вот будут здесь! — прокричал заботливый брюнет, с которым мне едва удалось расстаться в казино.

Я молча повиновалась. «Они» — это, по всей видимости, блондин с громилой, успевшие распугать своими выстрелами всех воробьев. «Мерседес» промчался по пустырю, как по взлетной полосе, и устремился неведомо куда.

— Прочитай, — брюнет кинул мне в руки какой-то документ. Еще один экземпляр в мою коллекцию?

— Что это?

— Удостоверение личности. Я, видишь ли, сыщик. Частный детектив. Следил за Якушевым по поручению его супруги и случайно знаю, в какую задницу ты угодила.

— О… — только и смогла вымолвить я, поражаясь полету его преступной фантазии. — А за мной ты по чьему поручению следил?

— По личной инициативе. Пропадет, думаю, девчонка. Кстати, твой пленник на даче уже начинал перетирать веревку об угол стеллажа. Пришлось упаковать его немного иначе.

Я обмерла. Этот бандит добрался до Ильи! Теперь мне будут инкриминировать убийство на даче моих родителей. А может, и их заодно посадят?

— Где Бублик? — рявкнула я со всей злостью.

— Не знаю, — вздрогнул брюнет. — Им я как-то не интересовался.

Вот так. А мною, значит, заинтересовался. Ну, погоди. Еще неизвестно, кто из нас «пропадет»!

Я нащупала в сумочке последнюю гантель. Впереди показался пост ГИБДД. Брюнет сбросил скорость. Охнув от собственной храбрости, я тюкнула гантелей по очередной голове и, отпихнув его ногу, стала лихорадочно искать педаль тормоза. Потерявшая управление машина попыталась, пользуясь случаем, выскочить на встречную полосу, но в последний момент я успела вывернуть руль.

Потрясенные сотрудники ГИБДД бросились к нам.

— Если Бублик еще цел, не дайте ему пропасть! — прошептала я, вываливаясь на руки бравому инспектору…

Послесловие

…Стасик, его приятель из ФСБ и заботливый брюнет, которого, как выяснилось, зовут Олегом, сидят на моей кухне и потягивают пиво. Надо сказать, они весьма сдружились, вытаскивая меня из той, извините, «задницы», куда я так успешно умудрилась залезть.

Стасик, словно доблестный рыцарь, помчался ко мне на помощь, как только я смогла до него дозвониться, взбаламутив по пути всех, кого только был в состоянии взбаламутить. Пожалуй, за него и впрямь стоит выйти замуж. Стараниями его приятеля мое имя в протоколах дела «Зеленого» даже не упоминается. Основными свидетелями стали освобожденный с дачи моих родителей Илья Георгиевич Максимов и его верный Бублик, которого удалось разыскать.

Олег действительно оказался частным детективом. Он следил за Якушевым-Зеленкиным по поручению его жены, которая, пребывая в неведении относительно преступной деятельности мужа, но чувствуя неладное, заподозрила супружескую измену. Начиная догадываться об истинном положении дел, Олег размышлял, как бы потактичнее сообщить о своих выводах

нанимательнице, когда увидел подсекающий интересующую его восьмерку джип и последовавшую затем невероятную драку с сотрудниками ГИБДД. Из чувства профессионального любопытства он едет следом и видит как мое похищение, так и мое освобождение, успев между делом вызвать врачей к заброшенному Якушеву.

Ситуация кажется Олегу опасной. Он пытается завязать со мной знакомство у ларька с печатными изданиями в надежде прояснить происходящее и, если потребуется, помочь. Я сбегаю, и он снова едет следом. Подслушав на даче допрос пленного Ильи Георгиевича и столкнувшись в казино с одним из преступников, он принимает окончательное решение вмешаться, но я, проявив изобретательность, снова скрываюсь. Олег предполагает, что мне захочется навестить Якушева и успевает к больнице в самый критический момент погони. Это он, завязав перестрелку, уводит бандитов от моего убежища под мусорным контейнером. И в благодарность получает гантелью по голове…

— Ничего, шишки уже не видно. Я восхищен твоим мужеством, — предотвращает Олег готовый излиться с моих уст поток раскаяния. Я решаю задать вопрос:

— Не могу понять, зачем бандитам понадобилось высылать за мной ту ГИБДДшную машину, если они могли попросту позвонить Зеленому, изображавшему инструктора, и сказать, чтобы он забрал у меня документы!

Олег засмеялся:

— А он забыл зарядить телефон. Бывает, знаешь ли…

Стас поднялся.

— Кстати, у меня для тебя подарочек. Держи.

Я с опаской взяла тяжелый сверток. Неужели… Точно. Две пары гантелей. Одна по полтора килограмма, другая по два, «на вырост». Я взглянула на Стаса.

— Знаешь, пожалуй, я займусь плаванием.

Подумать только, в какую историю втянули меня эти симпатичные гантельки! А ведь я всего лишь хотела подкачать мышцы груди, чтобы немного увеличить ее объем. Может, проще было бы сразу засунуть гантель в бюстгальтер?

Боб ГРЕЙ

ОСОБЫЕ УСЛУГИ МИСТЕРА БАЛДМЭНА

ФБР
Боб ГРЕЙ
ОСОБЫЕ УСЛУГИ
МИСТЕРА БАЛДМЭНА

Глава 1
Смерть вне очереди

За окном безумствовал карнавал. Над крышами, рассыпая искры, вертелись шутихи. В небе взрывались разноцветные огни. Казалось, весь Локвуд высыпал на улицы. Люди смеялись, танцевали, улыбались. И никому не было дела до Дика Колмена, уныло взиравшего на все это буйство со второго этажа третьеразрядной гостиницы. Наконец ему прискучило это занятие. Он закрыл створку окна, повалился на кровать и предался невеселым размышлениям.

Подумать было над чем: и вчера, и сегодня он тщетно пытался найти работу — уходил, возвращался, вновь уходил, заставляя просыпаться портье с мутными от пьянства глазами. Искал, просил, унижался, и все без толку. Кому нужен недоучившийся студент, мечтавший стать адвокатом? Если и завтра ничего не получится, придется наниматься на скотобойню, где больше недели выдерживают только безропотные мексиканцы, или попытаться завербоваться на какой-нибудь сухогруз, ржавую посудину, плава-

ющую под панамским или либерийским флагом.

Дик сбил щелчком забравшегося на постель обнаглевшего таракана и поднялся. Чем валяться, плакаться и прислушиваться к тому, как урчит в животе, лучше пойти на улицу, окунуться в гомон и суету. Там можно раствориться в толпе, зарядиться чужой энергией. И еще: вдруг кто-нибудь угостит его пивом?

Он вышел в коридор, со скрипом повернул ключ в замке и направился к лестнице. На этаже было три номера, дверь соседнего оказалась приоткрыта. В комнате было темно. Приоткрыта была и дверь номера напротив, но там свет горел. Дик скосил глаза и… остановился, будто врезался в стеклянную прозрачную стену.

Колмен не был в числе лучших студентов, но, разумеется, знал, что не должен ни к чему прикасаться. И все же толкнул дверь, открывая ее пошире. Не следовало и входить. Но он вошел. Дик всегда делал не то, что предписывали инструкции и здравый смысл. Потому и вылетел из университета, сначала переспав с дочкой декана, к тому времени успевшей побывать в постели всех его приятелей, а когда та забеременела — наотрез отказавшись сочетаться законным браком с этакой уродиной. К тому же он совсем не был

уверен, что ребенок от него. Папаша-декан подобного хамства стерпеть, естественно, не мог и мигом выставил Колмена за ворота кампуса.

В комнате, между кроватью и колченогим чайным столиком, лежал человек. Грудь его была разворочена выстрелом, лицо превращено в месиво. Из каши мышц и осколков костей на Дика смотрел одинокий глаз — мертвый, как и его владелец. Все вокруг было в крови. Сначала она изливалась фонтаном, потом сочилась, теперь перестала, но еще не успела толком загустеть и свернуться.

Все было просто, как апельсин: здесь произошло убийство. Причем несколько минут назад и именно убийство, так как ничего огнестрельного поблизости от мертвеца не наблюдалось. Это во-первых. А во-вторых, обе раны были смертельными, что исключало инициативу ныне покойного в самостоятельном сведении счетов *с* жизнью.

Дик услышал за собой легкие шаги, но обернуться не успел. Страшной силы удар лишил его сознания…

Когда Колмен очнулся, то обнаружил, что сидит на стуле. У его ног, безвольно раскинув руки, лежал труп. Что касается рук Дика, они тоже были

неподвижны, связанные за прямой и чертовски неудобной «вольтеровской» спинкой стула. А голова… Голова Колмена просто раскалывалась.

— Очухался, — сказал человек огромного роста. Еще у него были перебитый нос, скошенный подбородок и низкий лоб. Типичный бандит! Настоящий громила! Накрахмаленная до хруста в китайской прачечной рубашка не придавала его облику и крупинки миролюбия.

— Развяжите меня, мистер, — с трудом ворочая языком, попросил Колмен, сознавая всю нелепость своей просьбы. — Пожалуйста.

— Не терпится пересесть на электрический? — ощерился громила. — Развяжу, но сначала ответишь, зачем ты его убил.

— Я не убивал.

— А кто?

— Не знаю.

— Ну так я помогу вспомнить!

Кулак бандита врезался в челюсть Колмена. Голова Дика послушно откинулась назад, и он провалился в уже привычное небытие.

Когда он снова пришел в себя, то не стал торопиться показывать это. В комнате разговаривали. Дик приоткрыл глаза и сквозь ресницы увидел громилу, стоящего перед упитанным человеком

в дорогом плаще и мягкой шляпе.

— Этот парень весь день шастал, — докладывал верзила, — туда-сюда, туда-сюда, видно, присматривался.

— А ты? — спросил упитанный.

— Я на посту был, глаз с номера Кардовского не сводил. А потом задремал. — При этих словах человек в плаще так стрельнул глазами, что громила пошатнулся, как от удара. — Виноват, босс. На минуту только и отключился.

— Ему хватило.

— Хватило, — уныло согласился громила. — Гляжу, стоит парень перед открытой дверью и преспокойно всаживает пули в Кардовского. Ну, я его бейсбольной битой и успокоил. Втащил в комнату, привязал к стулу, потом вам позвонил. А пистолетик вот. — Громила продемонстрировал пистолет 32-го калибра.

Дик сцепил зубы, чтобы не закричать: «Это ложь!» Кричать было бессмысленно и бесполезно. Ему ни за что не поверят, что орудия убийства он в глаза не видел, а в комнате этой оказался исключительно благодаря своему нездоровому любопытству.

Дик подумал-подумал и, решив, что терять ему нечего, слабо застонал, привлекая к себе

внимание.

— Пить, — еле слышно прошептал он.

— Дай, — распорядился человек в плаще.

Громила подошел к столику, взял чашку, едва не опрокинув рукавом полную до краев сахарницу, плеснул воды из электрочайника и поднес чашку к губам пленника. Дик сделал глоток и закашлялся. Бандит ухмыльнулся и выплеснул остатки воды в лицо Колмена.

— Где товар? — спросил мужчина в плаще.

Его лицо показалось Дику знакомым. Но где он его видел, этого Колмен вспомнить не мог. Да и не до того ему сейчас было.

— Какой товар? — вопросом на вопрос ответил Дик.

Громила занес руку для удара, но человек в плаще и мягкой шляпе остановил его:

— Не спеши.

Голос его звучал повелительно, лицо оставалось непроницаемым. И тут Колмен узнал его. Это был Джованни Кроче, глава одной из «семей» мафии, что заправляли в Локвуде. Газеты (Дик пролистывал их, пытаясь найти работу) часто публиковали его фотографии с едкими комментариями и выпадами в адрес полиции, которая никак не могла привлечь Кроче к ответствен-

ности. Омерта — закон молчания сицилийцев — делала его неуязвимым. Дик зажмурился. Все, это конец. Мафия никого не выпускает из своих рук живым.

— Значит, ты ни при чем, — сказал Кроче с выраженным итальянским акцентом. — Ладно, убить тебя мы всегда успеем. Но прежде мне нужны товар и информация.

— Я ничего не знаю. Я никого не убивал. — Туг Колмена осенило: — Это все он! — Дик кивнул в сторону громилы.

Гангстер побагровел:

— Что?!

— Не спеши, — повторил Кроче, одергивая подручного. — И позвони Балдмэну.

Верзила, бормоча под нос проклятия, нехотя направился к телефону.

— Мисс Хоуп? Позовите мистера Балдмэна. Гарри? Дон Кроче хочет тебя видеть… Да, срочно. — Бандит продиктовал адрес, положил трубку и повернулся к боссу: — Сейчас приедет.

Глава «семьи» тем временем много чего успел сделать: расстегнуть плащ, опуститься в кресло, вытянуть ноги и сбить шляпу на затылок. Вообще-то на языке жестов уголовников это означает «срочно на помощь», но в данном случае Джован-

ни Кроче было просто жарко.

— Посмотри тут внимательно, — велел он.

Следующие полчаса громила перерывал комнату, но поиски оказались тщетными.

Гангстер сыпал сквозь зубы ругательства, тогда как его босс оставался спокоен. Это обманчивое безразличие побудило Дика вновь подать голос:

— Мистер Кроче, — сказал он. — Поверьте, я действительно ни сном ни духом…

— Так ты меня знаешь? — ожег его взглядом мафиози. — Тем хуже. Ты, парень, не оставляешь мне выбора.

Громила, расценив слова босса как благословение, не отказал себе в удовольствии мимоходом смазать пленнику кулаком по физиономии. На губах Колмена запузырилась кровавая пена. И он не выдержал, поскольку терять все равно было нечего. Ноги его оставались свободными, он изловчился и врезал носком ботинка бандиту в пах. Тот вскрикнул, согнулся и прошипел:

— Да я тебя…

Джованни Кроче смеялся мелким дробным смехом, получая видимое удовольствие от происходящего.

Громила надвигался на Колмена, но был остановлен голосом, лениво поинтересовавшимся

от дверей:

— Ну, что тут у вас?

— Привет, Гарри, — сказал Кроче. — Заходи.

Привалившийся к косяку человек выпрямился и сделал несколько шагов от двери.

— Кардовского пришили, — констатировал он, разглядывая покойника.

— Ты его знаешь?

— Мелкая сошка. Уличный пушер[1]. Был… Кто постарался?

— Это не я! — крикнул Колмен.

Пришедший пропустил его. слова мимо ушей. Он сдернул с головы шляпу с мятыми полями и бросил ее на кровать. Под шляпой обнаружился череп с обширной плешью, только за ушами курчавились рыжие кустики волос. Кроче и громила называли его Балдмэн. В равной степени это могли быть и фамилия, и прозвище[2].

— Рассказывай, — велел плешивый, опускаясь на кровать. После чего небрежно подвинул ногой руку покойника и отбросил в сторону стреляную гильзу.

Тон был приказной, и Колмен подумал, что

---

[1] Примечания: 1

Торговец наркотиками «вразнос». *(Здесь и далее прим, перев.)*

[2] Примечания: 2

Baldmen *(англ.)* — букв.: лысый человек.

мафиози взбеленится, но Джованни Кроче послушно начал свой рассказ:

— Мы следили за Кардовским. Мои ребята с мексиканской границы сообщили, что колумбийцы намерены организовать новый канал поступления наркотиков. Но ты же знаешь, Гарри, «пепел»[3] и вся прочая «дурь» в Локвуде — это мой бизнес! Сначала я не поверил, потом возмутился, потом призадумался. Пристрелить курьера, отобрать образцы товара — не проблема. Но что толку? Мне нужно было выяснить, к кому направляется Кардовский! Если к Барези… — Кроче дернул подбородком. — Этот проходимец не имеет ни чести, ни совести. Ему давно не дает покоя, что все зелье идет через меня.

— Подозрения без доказательств, — заметил плешивый.

— Да, Гарри, мне были нужны доказательства. Они мне и сейчас нужны. Конечно, я мог взять Кардовского и вытрясти из него все, что он знает. Но ведь он мог и не знать, с кем именно должен встретиться в Локвуде. Вот почему до поры мы курьера не трогали. Я приставил к нему «солдата»[4],

---

[3] Примечания: 3
На слэнге американских наркодилеров — кокаин.

[4] Примечания: 4
В гангстерской иерархии — представители низшего звена.

вот его. — Кроче показал глазами на громилу.

— А он не уследил, — резюмировал Балдмэн. — И убил курьера вот этот симпатичный юноша.

— Он! — подтвердил громила и тут же выложил свою версию происшедшего.

Балдмэн слушал внимательно, то ли одобрительно, то ли осуждающе качая головой.

— От врет! — дернулся Дик. — Я не убивал. Зачем мне его убивать? Я его и не видел никогда.

— А что вы тут делали?

— Жил. Искал работу. Меня выгнали из университета.

— Кем собирались стать? — проявил интерес Балдмэн.

— Юристом.

— Очень хорошо, — чему-то обрадовался плешивый и повернулся к мафиози. — Надо полагать, «пепла» тоже нет.

— Мы здесь все обыскали, — сказал Кроче.

Балдмэн наклонил голову, запустил руку в карман и выудил окурок сигары. Раскурив, выдохнул облако дыма. Потом встал, перешагнул через труп, послюнявил палец и опустил его в сахарницу. Лизнул белые кристаллики.

— Вот и товар. На самом виду. Чтобы никто не догадался.

Громила осторожно взял сахарницу и недоверчиво заглянул в нее. Кроче улыбнулся:

— Ты как всегда на высоте, Гарри.

— Пустяки. Старая истина: камень прячь в горах, лист — в лесу. Ну, с одним покончили. Теперь дело за малым. Скажи мне, Джованни, зачем, по-твоему, этот парень убил курьера?

— Ему Барези приказал! Понял, что мои люди «пасут» курьера, и решил оборвать ведущие к нему нити.

— Логично. Но не совсем. Хотя, думаю, Фрэнк Барези и впрямь хочет наложить лапу на твой бизнес.

Глаза мафиози превратились в щелочки. Балдмэн меж тем продолжал:

— У Фрэнка тоже хорошие информаторы. Он узнал, что твои соглядатаи «на хвосте» у Кардовского, и решил не рисковать. Видимо, курьер знал достаточно, чтобы представлять серьезную угрозу. Наркокурьеры и без того долго не живут, но Кардовского требовалось устранить немедленно, не дожидаясь удобного случая и не ставя в очередь как отработанный материал. Вот его и устранили.

Мафиози медленно поднялся и, не вынимая рук из карманов, шагнул к Колмену.

— Тебя послал Барези?

— Нет! — выкрикнул Дик.

— Успокойся, Джованни, — сказал Балдмэн. — Помнишь, я сказал: «Не совсем»? Ты не совсем прав в своих умопостроениях.

— Ты слишком красиво изъясняешься, Гарри! — вскипел Кроче. — Яснее можешь?

— Могу. Этот юноша говорит правду. Он оказался здесь совершенно случайно.

Утробно зарычав, гориллоподобный «солдат» бросился на своего дона. Балдмэн был начеку. Он выставил ногу в давно не лишенном ботинке, и споткнувшийся гангстер покатился прямо к ногам Кроче. Тот вынул-таки руку из кармана плаща; на пальцах блеснул кастет. В следующую секунду стальные шипы впились в загривок громилы. Бандит дернулся и затих.

— Надеюсь, ты не убил его? — спросил Балдмэн.

— Это была бы слишком легкая смерть. Мы закатаем его ноги в бетон и отправим кормить рыб в заливе. Живьем. А вот что делать с этим… — мафиози задумчиво разглядывал Колмена.

— Отпустите, — взмолился Дик. — Вы же видите, я не виноват.

— «Ты виноват уж в том, что хочется мне ку-

шать», — с усмешкой процитировал плешивый строчку из басни Лафонтена.

Мафиози не понял Баддмэна, посмотрел удивленно. Зато Колмен понял очень даже хорошо, парень он был начитанный. На свою беду.

— Отпустить? — проговорил Кроче, точно пробовал слово на вкус. — Нет, смысла оставлять тебя в живых нет ни малейшего. Так что придется и тебе отправиться на дно крабов кормить. За компанию с этим уродом.

— Отдай его мне, Джованни, — сказал Балдмэн.

— Он слишком много знает.

— Тем лучше. Значит, будет послушен. И молчалив. В случае чего ты знаешь, с кого спросить. С меня.

— Как скажешь, Гарри, — после минутного раздумья произнес мафиози и шагнул к двери. — Я пришлю сюда людей, они увезут эту падаль. Дождись их.

— Хорошо.

Джованни Кроче вышел, и Балдмэн стал освобождать пленника.

— Вы будете работать на меня, молодой человек, — сообщил он.

Но Колмен уже малость очухался и, несмотря на то что у его ног лежали два тела — бездыхан-

ное и бесчувственное, — задал вопрос, который почему-то его очень волновал:

— Как вы догадались?

Подвигав губами, Балдмэн перебросил сигару из одного угла рта в другой, выпустил облако дыма и сказал:

— Похоже, я не ошибся. У вас хорошие нервы, юноша, если в такой обстановке вы думаете о чем-то еще, кроме своей бесценной жизни. Вас интересует, как я догадался? Извольте. Если бы все обстояло так, как наплел этот ублюдок, гильзы валялись бы в коридоре, а не в комнате. Господи, у него не хватило ума перебросить их через порог! А между прочим, сделай он это, доказать вашу невиновность было бы много сложнее. — Балдмэн развязал последний узел. — А может, хотел перебросить, якобы стреляли внутри комнаты, да забыл. Все получилось слишком быстро и не очень аккуратно. Как ему и приказал Барези, он проник в комнату Кардовского и влепил в него две пули. На улице гремел фейерверк, взрывались петарды, поэтому он мог не опасаться, что выстрелы кто-то услышит, а если услышит, то определит, что это именно выстрелы. Потом убийца вернулся в свой номер, чтобы сменить забрызганную кровью рубашку на только что

полученную из прачечной. Двери за собой он закрыл неплотно, а они здесь старые, рассохшиеся, вот и открылись. Тут в коридоре появляетесь вы. Он услышал, как вы скрежещете ключом в замочной скважине, и успел погасить свет в своей комнате. Была надежда, что вы пройдете мимо, но вы заглянули в освещенный номер Кардовского, а потом и вошли туда. Не сомневаюсь, он хотел прикончить вас, но в последнюю секунду его посетила счастливая мысль, ослабившая удар и оставившая вас в живых. Он решил выставить вас убийцей курьера. Как бы вы потом ни отговаривались, суд мафии будет коротким, как и приговор. Он же останется в стороне, грешный лишь в том, что заснул, допустив убийство Кардовского. А главное, он останется хорошо оплачиваемыми «ушами» Фрэнка Барези в «семье» Джованни Кроче. Ну, все понятно?

— Понятно, — буркнул Дик, растирая запястья. — Мне другое непонятно. Зачем вы меня спасли? Что вам от меня надо?

— Вы ведь искали работу, верно? — усмехнулся Балдмэн. — Считайте, вы ее нашли. Надеюсь, у вас нет предубеждения против частных сыскных бюро.

Впрочем, вы можете отказаться. Однако хочу

предупредить, что буду вынужден сообщить о вашей несговорчивости синьору Кроче, и тогда, по правде сказать, я вам не завидую. Вода в заливе сейчас очень холодная. А крабы прожорливы в любое время года.

— Вы не оставляете мне выхода.

— Не оставляю. Да не волнуйтесь вы так. Уверен, мы найдем общий язык. В конце концов мы же оба юристы. Только вы недоучившийся, а я бывший. Вашу руку, коллега.

И они обменялись рукопожатием.

Глава 2
Опыт прошлого

Этот парень мне сразу понравился. Вид у него был аховый: лицо в крови, нос всмятку, губы разбиты, но держался молодцом. А ведь не мог не понимать, что живым от дона Кроче ему не уйти. Вообще-то, Джованни не самый кровожадный из представителей мафиозных «семей» Локвуда, уж мне ли это не знать. Просто он прагматик и почитает законы. Не государственные, естественно. А закон гласит: хороший свидетель — мертвый свидетель.

Я нажал кнопку вызова:

— Дженни, про хорошего мертвого индейца кто ляпнул?

— Генерал Грант, — откликнулась из своего закутка за стеной моя секретарша. — Кажется.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Принеси мне кофе.

«Кажется». Осторожность — похвальное качество. Им Дженни наделена сполна. Зато Колмену его подчас недостает. Ничего, покрутится, набьет шишек — поумнеет. Даже, может быть, пере-

станет задавать глупые вопросы. Типа того, что он выдал после памятного рукопожатия, означавшего, что с этой минуты штат «Детективное агентство Балдмэна» увеличивается на одного человека:

— Вы работаете на гангстеров?

Пришлось ответить:

— Я работаю на себя.

Вот так — коротко и неясно.

В этот момент до Колмена стало наконец-то доходить, чего он избежал. Он ушел в угол комнаты и там притих. Я не стал его дергать, успеется еще. Пусть привыкает.

Потом в гостиницу явились «солдаты» Кроче. Труп курьера завернули в ковер и уложили в багажник безразмерного «Бьюика», предупредив портье, что лучше бы ему оставаться слепым. Совет был воспринят с пониманием, тем более что особых стараний старому пьянице для этого не требовалось. Виски давно сказалось на остроте его зрения, затянув глаза пленкой неутолимой жажды.

Убийцу Кардовского, еще толком не очухавшегося после удара кастетом, усадили на заднее сиденье автомобиля. Двое «солдат» зажали по бокам бывшего товарища, продавшегося злейшему

врагу их хозяина. И машина отбыла — надо полагать, прямиком в порт. Там к ногам покойника привяжут чугунную болванку, а ноги убийцы опустят в тазик с цементом. И в воду.

В номере Колмена мы забрали его вещи и отправились восвояси, если конкретнее — в офис «Детективного агентства Балдмэна».

Офис — это громко сказано. Просто две комнаты плюс закуток-прихожая в одном из не самых приметных зданий на не самой шумной улице Локвуда. Я видел, что скромность моей конторы озадачила Колмена, который уже настолько пришел в себя, что начал вновь воспринимать и оценивать окружающее..

— А я-то думал… — пробормотал он и осекся.

Я знал, о чем он думал. Любой человек, связанный с мафией, должен купаться в роскоши. Так полагает большинство законопослушных американцев, к которым до недавних пор принадлежал и недоучившийся студент Ричард Колмен. Ошибаетесь, господа! Лично мне каждый доллар дается ценой немалых усилий. Все заботы, заботы… Между прочим, часть этих забот я и собирался возложить на плечи Колмена.

— Ваш кофе.

Я открыл глаза, возвращаясь из прошлого в

настоящее, и буркнул:

— Спасибо.

Дженни самодовольно улыбнулась. Она гордилась умением появляться беззвучно, а то, что мне это совсем не по вкусу, мисс Хоуп нисколько не волновало. Нахалка! Вот возьму и задержу жалование за неделю.

— Спите? — ехидно поинтересовалась секретарша.

— Размышляю, — парировал я. — Колмен не звонил?

— Нет. А должен был?

Я промычал нечто неопределенное.

— Может, что случилось? — заволновалась Дженни.

Этого я и добивался. Люблю, грешным делом, сбивать спесь с юных прелестниц.

Дженни покраснела, и я подумал, что ее забота о Дике — это не просто участие в судьбе товарища по работе. Меня не обманешь, тут все серьезнее.

Ну, будет издеваться, одернул я себя и сказал:

— Чепуха! Придет — тут же ко мне.

Мисс Хоуп помялась немного, но совладала с желанием сказать что-нибудь справедливое о моей бессердечности и вышла.

За Колмена я действительно не волновался.

Парнем он оказался расторопным. Лицензию частного детектива для него мы получили без особых хлопот, выправили разрешение на оружие, и Дик тут же с головой погрузился в дела, пока ни сложности, ни опасности не представляющие.

Глупые вопросы он задавал по-прежнему, правда, во все более обтекаемой форме, что свидетельствовало о приобретаемом опыте, но чаще я ловил его испытующий взгляд. Он меня им просто буравил! Видимо, Ричард ждал, когда я начну «замазывать» его контактами с преступным миром Локвуда. А я не спешил. Пусть мальчик наберется здорового цинизма. Слежка за неверными супругами и поиск покинувших отчий кров отпрысков этому очень способствуют. Человеку быстро становится понятно, что за пышными фасадами благополучных семей сплошь и рядом таятся грязь и мерзость. После такой подготовки проще сделать следующий шаг. А сделать его придется сегодня, потому что утром мне позвонил Фрэнк Барези.

— Я не в претензии, Гарри, — без околичностей начал он. — С Кардовским я просчитался, ты меня подловил, так что все по-честному.

— Что вспоминать? — сказал я. — События старше трех месяцев не удерживаются в моей

памяти.

Барези хмыкнул:

— Это ты другим рассказывай. Может, и поверят. Мне от тебя нужно другое. Ночью кто-то наследил на моем заводе в Вест-Крике. Я хочу знать — кто. Очень хочу знать.

— Дело срочное?

Я ждал ответа, а Барези медлил. Наконец сказал:

— Если ты приедешь к полудню, будет в самый раз.

— Договорились.

Я первый положил трубку. Клиентов положено холить и лелеять, но некоторым надо постоянно напоминать о моем особом положении.

Тут же позвонив Колмену, я выяснил у квартирной хозяйки, что «милый молодой человек» дома сегодня не ночевал. Дамочка многозначительно хихикала, но я-то знал, что Дик проводит время не в постели подружки, а в машине перед домом миссис Палмерстон, которая отбыла к мамочке в Вайоминг, поручив нашему агентству проследить за ее благоверным. Этим Колмен занимался уже несколько дней, заполняя блокнот именами девиц легкого поведения. Их, не помышляя о последствиях, приводил домой дорвавшийся до

продажного женского тела мистер Палмерстон, весьма известный в Локвуде врач. Думаю, при разводе супруга разденет его до нитки.

Еще раз Колмену я позвонил уже из офиса. Хозяйка сообщила, что жилец забегал, и она проинформировала его об интересе начальства к его скромной персоне. Она видела, как Колмен крутил диск телефона, набирая мой номер. Не дозвонившись (очевидно, в это время я был в пути), Дик попросил передать, если, разумеется, начальство будет упорствовать в своих поисках, что он появится в конторе не позже одиннадцати. Это меня устраивало. От Локвуда до Вест-Крика минут двадцать на машине.

В одиннадцать я взглянул на часы и только собрался осуждающе покачать головой, как дверь открылась и вошел Колмен. Завидная пунктуальность. Я тем же похвастаться не могу.

— Искали, шеф?

— Искал. Надо съездить в одно место.

— С вами?

— Со мной.

Дик все понял. Вот и умничка.

В машине он бодрился, был говорлив, не забывая, впрочем, о руле. Когда есть возможность, я всегда выбираю роль пассажира. Можно по-

спать… К тому же Дик оказался вполне приличным водителем, так что можно спать спокойно.

— Я поговорил со шлюхами. Три из них готовы свидетельствовать в суде. Миссис Палмерстон их показания обойдутся в сущие гроши.

— Фотографии сделал?

— А как же!

Дик вытащил из кармана конверт со снимками. Я просмотрел их. Качество хорошее, придраться не к чему. Колмен вполне может уйти в папарацци и не положить при этом зубы на полку. Только я его не отпущу…

А доктору Палмерстону конец. Как и предполагалось.

— Куда теперь? — спросил Дик, когда мы въехали в Вест-Крик, маленький прибрежный городок, которому наверняка уготована судьба райского местечка для любителей понежиться на пляжах. Но это в будущем, причем отдаленном, пока же Вест-Крик представлял собой скопище разной степени обшарпанности построек, теснящихся у заставленного рыбацкими лодками порта.

Я стал показывать дорогу. Через десять минут мы были у ворот консервного завода, принадлежащего Фрэнку Барези.

— Привет, Гарри, — сказал он, встретив нас у

проходной. — Кто это с тобой?

— Ассистент, — проворчал я, опустив стекло.

— А-а, наверное, это тот самый парень, который оказался в ненужном месте в неурочный час. Ты его подобрал, хотя Джованни хотел отправить его на тот свет вместе с Кардовским.

— И с твоим человеком, — добавил я. — «Ушастым».

Барези небрежно махнул рукой:

— Издержки производства. У меня сейчас другие проблемы.

Он еще раз махнул рукой, приглашая нас с Колменом следовать за ним, и пошел через двор, сопровождаемый телохранителем. Последний заметно прихрамывал, так что ему приходилось нелегко, потому что Барези шел легко, быстро. Он вообще был атлетически сложен, этот выдающийся представитель новой генерации мафии. Красив и беспощаден — такое вот сочетание.

Мы с Колменом выбрались из машины под палящее солнце. Ну и жарит, ну и жарит! Пришлось протереть лысину.

— Сюда.

Барези и его телохранитель стояли у двери в стене, сложенной из побитых ветром и непогодой известковых блоков, и ждали нас.

Внутри здания воняло тухлятиной и, ко всему прочему, было темно как у негра в желудке. Шикарное место для ловушки! Сейчас как дадут по башке…

Но я не боялся, что это ловушка. Каким бы негодяем ни был Фрэнк Барези, как бы ни плевал он на договоры, заключаемые «семьями» и «коска»[5], прикончить меня он не осмелится. Партнера, конкурента, друга, брата — смог бы, меня — нет. Я работаю на всех, и защищать меня обязаны все без исключения. По большому счету — я неуязвим. Так считается. Мне тоже хочется в это верить.

Вспыхнул свет.

— Сюда.

Пройдя узким коридором, мы оказались у железных дверей. Перед ними стоял мужчина с пистолетом в левой руке. Правый рукав был засунут в карман пиджака.

Дуло пистолета смотрело мне в лоб.

— Пропусти их, Дуче, — сказал из-за наших спин Барези. — Это добрые, хорошие люди. Не надо их убивать.

Однорукий неохотно посторонился, и Барези со

---

[5] Примечания: 5

Coscia (*ит.*) — букв.: бедро. Здесь — группа семей мафии.

смешком пояснил:

— У Дуче это любимое развлечение — убивать. Жестоко лишать человека маленьких радостей, так что я не против. Мне нравится, когда мои люди довольны жизнью. Так ведь, Марко?

— Истинный крест, дон Барези, — телохранитель мафиози, до того замыкавший нашу процессию, осенил себя знамением, для верности коснувшись большого креста, видневшегося в разрезе рубашки.

— Вот, Марко любит девочек помоложе, так что же, мне его уму-разуму учить, к старухам отправлять? Нет, я его не неволю. Пусть балуется. Но только в нерабочее время!

Телохранитель заржал. Ну, чисто жеребец!

Дверь заскрипела петлями и неохотно, точно беря пример с однорукого, открылась.

— Прошу! — сказал Барези и шагнул за порог.

Помещение, в котором мы оказались, больше смахивало на морг. Не по обстановке, так как это явно был склад готовой продукции, а по количеству покойников. У стены, привалившись спинами к кирпичной кладке, их сидело аж четверо.

Стоящий рядом со мной Дик Колмен вдруг задышал глубоко и неровно. Не собирается ли он,

часом, грохнуться в обморок? Нет, скорее похож на взявшего след гончего пса.

Я подошел к мертвецам и присел на корточки. Дырок в них понаделали достаточно, но кое-какие знания анатомии и личная стрелковая практика подсказывали, что по меньшей мере для двух смертельными были выстрелы в голову, аккурат в правое ухо.

Я выпрямился и повернулся к Барези:

— Первый вопрос. Почему ты попросил меня приехать к двенадцати? Можно было и поторопить, я бы не обиделся.

Мафиози ответил без раздумий:

— Думал обойтись своими силами.

Ох, как же я не люблю, когда меня принимают за идиота. Если решили разбираться сами, зачем было звонить вообще? А эта странная пауза в нашем утреннем разговоре? Впрочем, сейчас она уже не казалась странной.

— Вопрос второй. Свидетели есть?

— Есть.

— Где они?

— Там.

И снова мы шли узким коридором. Я дымил сигарой, стараясь перебить вонь, которая становилась все нестерпимей. За следующей дверью

смрад обрушился на нас, подобно снежной лавине, а точнее — подобно содержимому самосвала-мусоровоза. Я заметил, что Колмен зажал нос. Он не курил, ему приходилось труднее. А вот топавший за нами однорукий Дуче, кстати, не только этим, то бишь отсутствием конечности, но и внешне нисколько не похожий на истинного дуче — Бенито Муссолини, — казалось, не испытывал никаких неудобств.

Цех был уставлен пустыми ящиками, конвейер забит банками, на оцинкованных столах возвышались горы рыбы, поступающей сюда из трюмов браконьерских баркасов, каждое утро выходивших на промысел в залив.

У булькающих чанов на грязном полу сидели люди в прорезиненных фартуках. Они испуганно смотрели на нас.

Их было человек двадцать. Пуэрториканцы, кубинцы, но в основном мексиканцы.

У этих ребят не было ничего — ни крыши над головой, ни денег, ни вида на жительство в благословенных Соединенных Штатах, была только надежда вернуться к своим семьям обеспеченными людьми. Но, нелегально пробравшись через границу, они попадали в руки вербовщиков, а потом на плантации либо на такие вот подпольные

заводики, принадлежащие мафии, где платили скупо, а вкалывать заставляли от рассвета до заката.

Что касается Фрэнка Барези, и это было мне отлично известно, обычными угрозами выдать нелегалов Службе иммиграции он не ограничивался. Интенсивность труда рабочих обеспечивали надсмотрщики из числа в чем-то провинившихся перед доном подручных. Их отправляли на завод как в ссылку, и, стремясь вернуть расположение босса, «солдаты» усердствовали вовсю, то и дело пуская в ход резиновые дубинки.

Теперь охранников, а в «морге» явно были охранники, уже ничто не беспокоило, в том числе и гнев дона Барези, — продырявленная голова лишает такой возможности. Однако расправились с ними явно не эти замордованные, искалеченные страхом люди.

Я ткнул пальцем:

— Ты.

Мексиканец поднялся. Он был высокий и худой. Фартук едва достигал его коленей. Брезентовые штаны заскорузли от крови и слизи, на ботинках серебрились рыбьи чешуйки.

— Рассказывай.

Мексиканец стрельнул глазами в Барези, и даже не столько в него, сколько в Дуче, и заговорил:

— Они пришли ночью…

«Они», как выяснилось, это два инспектора из Службы иммиграции. Их никто не остановил. («Это мой приказ, — пояснил Барези. — Шавок не задирать».) Рабочих вывели из цеха и сбили в кучу в складском помещении. Туда же привели охранников, у которых по ходу дела отобрали дубинки и плети. Все ждали проверки документов, но инспекторы вдруг исчезли, а их место заняли три человека в черных очках. И с автоматами. Раздались очереди. Охранники повалились на пол, корчась от боли. Рабочие тоже попадали, закрывая головы руками. Когда выстрелы прекратились, оказалось, что убийцы испарились. Осмелев, рабочие подняли охранников и прислонили их к стене — негоже человеку валяться, точно падаль какая. Потом Рамирес, он здесь на особом положении —. следит за паропроводами, позвонил синьору Барези.

— Охранники были мертвы, когда вы их перетаскивали?

Опять стрельба глазами и короткий ответ:

— Да.

Я обратился к Колмену:

— Твоя очередь.

Мой помощник оторвал пальцы от носа, подозвал тщедушного пуэрториканца-коротышку и продолжил допрос. Вел его он, надо признать, ловко, пытаясь поймать говоривших на противоречиях. Но и пуэрториканец, и другие рабочие повторяли историю слово в слово. Такое бывает в двух случаях: или люди говорят правду, или они как следует затвердили урок.

Покончив с расспросами, мы вышли во двор завода. Свежий воздух быстро прочистил легкие и носоглотку. Я достал платок и снова промокнул лысину. Некоторые считают, что я так делаю, когда мне нужно сосредоточиться. Кретины! Просто я потею.

У ворот стоял роскошный «Линкольн» Барези. На его фоне мой «Форд» выглядел замухрышкой. Мы направились к машинам.

— Что ты думаешь обо всем этом, Гарри?

Фрэнк Барези шагал рядом с нами в сопровождении Дуче, вместо которого на пост у склада с мертвецами заступил тяготеющий к педофилии хромоногий Марко.

— День Святого Валентина.

— Да, похоже, — согласился мафиози.

Нет слов, происшедшее весьма смахивало на бойню, которую в 1929 году по поручению Аль Капоне устроил Джек Мак-Горн. Тогда в одном из гаражей Чикаго остались семь трупов боевиков из банды Багса Морана.

— Мне нужно знать, кто это сделал, — сказал Барези.

— Что именно?

— Кто убил моих людей.

Я бросил взгляд на Колмена, и Дик выхватил револьвер. Нет, что ни говори, а я в нем не ошибся. Смышленый парень. Сообразил, что к чему. Может быть, даже раньше меня.

— Не дергайся, — посоветовал я Дуче и обратился к Барези: — Сейчас мы уедем, Фрэнк, и ты не будешь нам мешать. И пожалуйста, не спрашивай меня больше, кто убил твоих людей.

Барези медленно опустил руку в карман. Я знал, что там лежит пистолет со спущенным предохранителем, и все же был уверен, что он не станет стрелять.

Я ошибся. Раздался выстрел. В пальто мафиози появилась дырка, еще одна — во лбу Дуче..

— Ты ничего не докажешь, — сказал Фрэнк.

— Я и не собираюсь.

Мы сели в мой потрепанный «Форд» и уехали.

Никто нас не преследовал. Фрэнк Барези — умный человек, я всегда это утверждал. Хотя и подонок, каких поискать.

С бойни в день Святого Валентина в Чикаго началась война гангстерских кланов. Кто-то в Локвуде хочет того же. Возможно, Джованни Кроче. Возможно, это он послал убийц на завод Барези. Очень возможно. Но это еще предстоит выяснить. Однако вся штука в том, что Барези не прочь ответить ударом на удар. Когда он мне звонил утром, ему внезапно пришло на ум, что ситуацию легко повернуть так, чтобы возвращение к мирному сосуществованию двух «семей» стало практически нереальным. Правда, раненые не так убедительны, как трупы, а два трупа впечатляют меньше четырех, но это дело поправимое. И Фрэнк приказал Дуче добить охранников. Управляясь левой рукой, садист стрелял в сидящих у стены так, как ему было удобно, то есть в правое ухо. К слову сказать, у профессионалов контрольный выстрел в ухо почитается особым шиком, тогда как если бы лежащих на полу охранников добивали нападавшие, они бы палили куда попало — в лоб, в рот, в затылок. Что же касается тех нескольких часов, что отделяли звонок Барези от нашего с Колменом появления на заводе, они потребова-

лись для того, чтобы провести соответствующую обработку рабочих.

— Они могли разбежаться, — сказал Колмен, будто угадав, о чем я думаю. Или действительно догадавшись. Я же говорю — толковый парень!

— Рабочие? — на всякий случай уточнил я. — А зачем им разбегаться? Чтобы искать новый завод, где платить будут еще меньше, а работать придется еще больше? Они предпочли остаться.

Дик помолчал, потом спросил:

— Мистер Балдмэн, мы будем искать этих фальшивых инспекторов Службы иммиграции?

Я тоже помолчал, затем ответил:

— Будем. И тех, кто стрелял, тоже. Синьор Барези не отменял заказ.

Глава 3
Главная роль

Мистер Балдмэн держит меня за дуру. А я не дура. Я умная, и потому осторожная и аккуратная. У меня все в полном порядке: документ — к документу, труп — к трупу. Если кто-нибудь думает, что это просто, он ошибается.

В последние дни картотека «Детективного агентства Балдмэна» пополняется небывалыми темпами, особенно ее секретный отдел. Разумеется, все наши досье не предназначены для посторонних глаз. Как-никак Гарри Балдмэн — известный частный сыщик. Его помощник Ричард Колмен — сыщик начинающий, но широкая известность в узких кругах грозит ему в самом недалеком будущем. Без конфиденциальности им никуда, профессия обязывает. Но есть у нас и особый шкаф, за содержимое которого кое-кто в Локвуде с радостью отдал бы все, что у него есть. В расчете приобрести большее. Или сохранить жизнь. Полагаю, тот же дон Кроче был бы совсем не прочь взглянуть на собственное досье, а заодно полюбопытствовать, что Балдмэн и Колмен нары-

ли против дона Барези. И наоборот, Фрэнк Барези с удовольствием ознакомился бы с компроматом на Кроче и с данными о себе любимом.

Ненавидят они друг друга лютой ненавистью, но покамест в основном действуют исподтишка. Барези «стукачей» к синьору Кроче засылает, тот в свою очередь вредит Фрэнку где и чем может. Похоже, и настоящая война не за горами, потому что у горизонта уже явственно погромыхивает. Однако штыковая атака до полного истребления противника не состоится, если Балдмэн и Колмен не разыщут тех, кто устроил побоище на консервном заводе в Вест-Крике.

Я нисколько не сомневаюсь, что убийц послал дон Кроче. Конечно, у кого-нибудь может возникнуть вопрос: если он так хочет смертельной битвы, что даже готов сделать первый шаг, то почему обставил все с такой таинственностью? Не проще ли было оставить записку, мол, так и так, дорогой Фрэнк, с сегодняшнего дня мы находимся в состоянии войны. Отвечаю: не проще. В Локвуде не две мафиозные «семьи», а больше, хотя остальные не такие могущественные. Плюс шайки подростков. Плюс банды «Диких ангелов», гоняющих по окрестностям на своих несносных мотоциклах. Плюс налетчики-гастролеры. Вот

почему Джованни Кроче предпочел остаться в тени. Если Фрэнк, сгоряча и не разобравшись, покрошит эту шушеру, то потеряет не только время, но, не исключено, пару-тройку своих бойцов. А в грядущем сражении каждый «солдат» будет на вес золота.

Таким был план. Который не сработал. Потому что сомнения Барези не мучили и распылять силы, гоняясь по Локвуду за хулиганами, он не стал. Фрэнк сразу подумал о Кроче и распорядился пристрелить раненых, чтобы сделать противостояние кланов необратимым. Одного он не учел — проницательности Гарри Балдмэна. Шеф с легкостью раскрыл его коварный замысел, после чего Барези вынужден был прикончить палача, избавляясь от исполнителя и свидетеля его мошенничества с мертвецами. Вместе с тем поручения найти стрелявших на заводе мафиози не отменил. Этим сейчас Балдмэн с Диком и занимаются.

Звонит телефон. Я отрываюсь от карточек с именами убитых и снимаю трубку.

— Мисс Хоуп? Я от дона Кроче. Соедините, пожалуйста, с мистером Балдмэном.

— Его нет.

— А когда будет?

— Не знаю.

Трубка возвращается на место, а я — к картотеке. За вчерашний день, по данным полиции, в городе появились шестнадцать покойников, не считая умерших естественной смертью и погибших по вине несчастного случая. Бытовые убийства, поножовщина в барах — это двенадцать трупов. Остальные четыре — «солдаты» мафии, в нашем особом шкафу им самое место.

Четыре трупа… Это еще не война — перестрелка, но если дальше пойдет в том же темпе, через год-другой Локвуд превратится в самый мирный город Америки, так как некому будет заниматься грабежами, рэкетом, торговлей наркотиками и опекой проституток. Мертвые к этому не приспособлены.

Опять верещит звонок.

— Хай, Дженни. Дай трубку Гарри, синьор Барези хочет перебросится с ним словом.

— Его нет. Когда будет — не знаю.

— Скрывается?

— Работает.

Я даю отбой. Вот наглец! Какая я для него Дженни? Я для него мисс Дженифер Хоуп! Нет, что ни говори, а в. окружении Джованни Кроче люди более воспитанные. Надо пожаловаться мисте-

ру Балдмэну, пусть поговорит с Барези, чтобы тот вразумил своих недоносков. Впрочем, шеф наверняка сочтет это дамским капризом и лишним доказательством моей глупости. Лучше-ка я промолчу. Если удержусь… Авось сойду за умную. Глядишь, шеф и смилостивится, доверит что-нибудь поважнее скучных секретарских дел. Я ведь не к этому себя готовила, я уверена была: здесь я смогу показать, на что способна! Но пока возможности проявить себя Гарри Балдмэн мне не предоставил.

Ну, вот и все. Карточки расставлены. Можно закрывать шкаф и садиться за пишущую машинку. Перепечатать пару документов — и мой рабочий день закончен.

Дверь офиса открывается, и я слышу:

— Мисс Хоуп, вы мне нужны как женщина.

Щеки убежденной феминистки, отважного борца за права женщин, то есть мои щеки, заливает непрошеный румянец. Есть у меня такой недостаток, с которым никак не удается справиться.

— О чем вы?

Большим клетчатым платком Балдмэн вытирает лысину и садится на стул для посетителей. Ричард Колмен занимает место рядом с боссом, но не садится, другого стула в приемной просто нет.

— У нас проблема.

Балдмэн говорит, а я ликую: ну, наконец-то! Грядущие неудобства и опасности меня не пугают. Подозреваю, что страх придет позже, когда менять что-либо будет поздно. Но я не хочу об этом думать и зашвыриваю предательскую мыслишку куда подальше.

Суть дела в следующем. Поиски людей, паливших из легкого стрелкового оружия во владениях Фрэнка Барези, увенчались успехом. Хотя и относительным, поскольку в наличии были лишь их тела.

О том, что в национальном парке, чьи границы проходят в 30 милях к западу от города, найдена машина с трупами, Балдмэну сообщил его человек в полицейском управлении Локвуда. Надо заметить, у моего шефа много информаторов в самых разных сферах — от самого дна, где копошатся отбросы общества, до мэрии и сената штата. Кое-кому из «отбросов» он платит (подозреваю, что скорее из сострадания), остальные работают на него бесплатно, памятуя о должках частному детективу: кого-то он прикрыл, кого-то отмазал от тюрьмы… Я так понимаю, что Балдмэн задействовал все свои связи, когда понадобилось отыскать убийц, наделавших шороху во владе-

ниях Барези. И вот убийцы найдены. Сегодня утром их обнаружил отряд скаутов, отправившихся на экскурсию к Черному озеру. Что это искомые личности — о том свидетельствовали поддельные удостоверения инспекторов Службы иммиграции, автоматы «Томпсон» в багажнике автомобиля и чешуя на подошвах ботинок.

Есть у Гарри Балдмэна свои люди и в военном госпитале имени Хопкинса, куда мне предстояло отправиться с закрытым переломом лодыжки и обширными кровоизлияниями. А разделю я больничную палату с девушкой, доставленной в травматологическое отделение из того же национального парка, где ее нашли в «Кадиллаке», сорвавшемся в ущелье Злых Духов. Эта девушка очень интересует мистера Балдмэна, Ричарда, а теперь и меня.

— Может быть, лучше я? — подает голос Дик. Разумеется, им движут наилучшие побуждения, может быть, даже нечто большее, чем простое товарищеское участие. В другой момент я бы это непременно оценила и возрадовалась, но сейчас одариваю Колмена злым взглядом. Еще чего! Поманили, посулили главную роль и огни рампы — и бросили? Не выйдет.

— Как ты себе это представляешь? — интере-

суется шеф.

— Переоденусь женщиной, — неуверенно произносит Колмен.

Я фыркаю:

— С врачом вы, шеф, предположим, договоритесь, уже договорились. А медсестры? Полагаю, они будут изрядно шокированы, ненароком узрев под простыней мужские достоинства Ричарда.

Балдмэн хлопает ладонью по колену:

— Решено! В госпиталь отправишься ты, Дженни. Но помни… — И шеф опять начинает рассказывать о девушке из ущелья. Уже с деталями.

Полицейские, прибывшие к Черному озеру, не возражали против присутствия частных детективов. Мистер Балдмэн у них на хорошем счету — не пакостничает, дорожку не перебегает; к тому же они понимали, что Гарри примчался сюда не просто так, а с личным интересом и по наводке. Конечно, они не отказались бы узнать причину его любопытства, а также имя того, кто «слил» ему иформацию, но от пытки вопросами воздержались: захочет — сам скажет. Балдмэн не захотел, вместо этого он бродил по поляне и смотрел под ноги. Размышлял.

Люди в автомобиле были убиты быстро и аккуратно. Очевидно, такой подлости, как пулю в

голову, они могли ждать от себя, но не от человека, с которым встретились под сенью деревьев. Да и чего им было бояться? Их же пятеро, а он — один. Но это был не простой человек, а киллер высочайшего класса, по каковой причине он и сумел в одиночку уложить пятерых. Кое-что еще существенное об этом человеке сказали следы на мягкой земле. Она была истыкана каблуками-шпильками. Женщина! Не киллер — киллерша!

Чуть в стороне Балдмэн нашел и характерный отпечаток протектора.

Потом на поляну выскочил мотоцикл, эффектно развернулся, подняв веер свалявшейся хвои, и остановился. Лихач в крагах и кожаной куртке с надписью «полиция» на спине нехотя сполз с сиденья, вразвалку подошел к старшему следственной группы и доложил, что в ущелье Злых Духов найдена машина с искалеченной девушкой. Однако оснований предполагать, что пострадавшая причастна… Мотоциклист повел рукой, охватывая поляну, и увидел Ричарда Колмена, стоявшего за его спиной с самым невинным видом, исключающим подозрения в том, что он подслушивал.

Естественно, шеф с Диком немедленно отправились к месту катастрофы. Там мистер Балдмэн

первым делом посмотрел на ноги девушки, точнее — на туфельки. Рисунок на скатах тоже был один к одному. А потом Колмен, обшаривая каменистый склон, нашел револьвер, в барабане которого не хватало пяти патронов. Каким-то невероятным образом «Кольт» вылетел в разбитое окно, когда автомобиль кувыркался по крутому откосу, и теперь неопровержимо указывал на девушку в машине. Убийца!

Балдмэн приказал Дику не трогать револьвер и помалкивать. Сокрытие улик — преступление, и без особой надобности шеф закона не нарушает, но ему надо было выиграть время. Полицейские, безусловно, найдут оружие и скорее всего сопоставят трупы у озера и один несостоявшийся в ущелье, но это займет минимум день, а то и два. «Детективному агентству Балдмэна» этого должно хватить, чтобы выяснить, кто организовал налет на завод Барези и кто заплатил девушке на «шпильках», чтобы она уложила отыгравших свое гангстеров. Нет сомнений, что это одно и то же лицо.

Заказчик обрубал концы, и покалеченная киллерша в военном госпитале имени Хопкинса путала ему карты. А раз так, он обязательно предпримет попытку покончить и с ней. Помешать же

ему в этом должна была я, скромная секретарша с большими амбициями.

— Я правильно понимаю?

— Неправильно! — резко говорит мистер Балдмэн и снова тянется за платком. Его лысина вся в каплях пота.

— То есть как?

— То есть так! Твоя задача — не бросаться под нож или пулю, в общем, не геройствовать попусту, а слушать. Сама она ничего тебе не расскажет, но вдруг проговорится во сне? А спать она будет беспокойно, это мне обещали.

— Какая жестокость! — лицемерно восклицаю я.

— Дикость, — вторит Колмен.

— Оружие не брать? — уныло спрашиваю я.

Шеф удивляется:

— А оно у тебя есть?

— Нет, но я думала, что вы дадите мне револьвер.

— Никаких револьверов!

— А кинжал? Исключительно для самозащиты.

— Никаких кинжалов! Ты возьмешь вот эту коробочку… — Балдмэн запускает руку в карман пиджака и достает металлическую коробку с красной кнопкой и двумя металлическими

штырьками. — Держи.

Коробка довольно увесистая.

— А что это?

— Новейшая разработка. У полицейских еще нет, но когда-нибудь они без нее шага не сделают. Мне досталась по случаю. Нажми кнопку!

Я нажимаю. Между штырьками возникает дрожащая фиолетовая дуга.

— Электрошокер, — объясняет шеф. — Вырубает человека с гарантией.

— Надолго?

— Зависит от массы тела.

— Попробовать можно?

Я примериваюсь, чтобы ткнуть электрошокером Колмена.

Ричард отшатывается.

— Пожалей коллегу, — говорит Балдмэн и снова заводит старую пластинку с предупреждениями, чтобы я ни во что не вмешивалась.

Дребезжит звонок, и на пороге нашего офиса возникает человек в белом. Военный госпиталь имени Хопкинса — заведение консервативное, здесь еще не перешли на униформу ласкающего глаз зеленого цвета.

— Ну-с, Гарри, где наша больная?

Через полчаса меня везут в госпиталь. Нога

моя упакована в гипс. Со стороны — печальное зрелище. А мне смешно. Это нервное.

…И вот я лежу, смотрю в окно, ласкаю пальцами спрятанный под одеялом электрошокер и больше не пытаюсь заговорить с соседкой. Шпилька, как я ее называю про себя, меня не понимает или делает вид, что не понимает. Только улыбается. Улыбка у нее хорошая, по-детски открытая. Вот не думала, что у наемных убийц могут быть такие добрые бессмысленные улыбки.

Безмолвно улыбалась киллерша и представителю дорожной инспекции, который, получив пропуск (перед Вооруженными Силами все равны), явился в госпиталь, чтобы выяснить у пострадавшей обстоятельства аварии. Он ушел ни с чем, глубокомысленно обронив сопровождавшему его врачу:

— Стресс. Я завтра наведаюсь.

Идет уже второй день моего пребывания в больничной палате.

Ночь прошла спокойно, хотя спала я вполглаза: сначала прислушиваясь к тихому дыханию соседки, а потом, как следует накрутив себя, — в ожидании, что в палате вот-вот материализуется некто, готовый расправиться с оплошавшей убийцей, а заодно и со мной. Лишь когда лучи

солнца проникли в комнату, я отключилась, а проснувшись к полудню, ужаснулась своей беспечности. Убийца — не вампир, свет дня ему не мешает.

Своими тревогами я поделилась с Колменом, который пришел меня навестить, исполняя роль любящего мужа. Даже букет прихватил! Цветы я поставила в вазу и перешла к делу.

Изъясняться нам пришлось околичностями и шепотом, хотя Шпилька спала после очередной инъекции. Дик успокоил меня, напомнив, что моя задача — слушать и запоминать. Что касается возможного покушения, то оно маловероятно до невероятности. Госпиталь охраняется не хуже Конгресса штата, так что сунуться сюда осмелится только сумасшедший.

— А даже если кто решится, на тебя и внимания не обратят.

Услышать такое было обидно, и я сказала:

— Между прочим, я свидетель.

— Ну какой ты свидетель! — засмеялся Колмен.

Стало еще обиднее, но я не подала вида.

— Ну, пока. И пожалуйста, Дженни, никакой инициативы.

Дик ушел, а я, как и было велено, стала наблю-

дать, слушать и запоминать. Было бы что!

До вечера к нам заглянули четыре врача и две медсестры, которых я сначала приняла за близняшек. Повязки, закрывающие половину лица, волосы убраны под шапочки… Вся это делало их неотличимыми. Мне дали тонизирующие таблетки, заставили измерить температуру, сунув в рот градусник; температура, естественно, оказалась нормальной.

Моей соседке досталось куда больше лекарств и внимания. Врачи крутились вокруг нее, светили фонариком в глаза. Особенно старался один — суетливый, с бегающими глазками. Двое других держались солиднее, но у одного были длинные, почти до колен руки, а у другого нижняя челюсть так выпирала вперед, что делала его похожим на прародителя человека разумного. Все трое показались мне очень подозрительными.

Зато мной занимался милейший доктор, тот самый, что накладывал гипс. С ним я щебетала без умолку, тогда как Шпилька была совершенно безучастна к хлопотам вокруг ее персоны. Может, она не только малость не в себе, но еще и немая? Неразговорчивый наемный убийца — выгодное вложение капитала!

…Устроив поудобнее ногу, которая ужасно че-

шется под гипсом, я продолжаю пялиться в окно. За окном безлунное небо в крапинках звезд.

Мне уготована еще одна бессонная ночь. Надеюсь, ее я перенесу легче, чем предыдущую. Все-таки днем я сумела выспаться. Ветер шелестит занавеской, все так мирно, спокойно, что глаза мои закрываются…

Я вздрагиваю. Девушка на соседней кровати бормочет во сне. Она не немая! Она очень даже говорящая, причем по-французски. Готова ручаться, а кое-какие познания на сей счет у меня имеются, что родом она из континентальной Франции, а не из Квебека, где каждый канадец по гражданству мнит себя французом по духу. Теперь у «Детективного агентства Балдмэна» есть косвенные доказательства того, что киллер явилась в Локвуд издалека. Что это дает? Мне — ничего. Насчет мистера Балдмэна — не уверена.

Соседка утихает, а я ворочаюсь в нетерпении: скорей бы утро — придет Колмен, и я поделюсь своим открытием. Мерно тикают часы на столике, а я не могу их пришпорить. С рассветом сон наваливается на меня, и я засыпаю.

— Пора принимать лекарство.

Я открываю глаза. Надо мной медсестра, ее белая униформа спросонья кажется ангельским

облачением. В руке медсестры листок бумаги, на нем — желтая капсула. Я покорно глотаю ее. Вкус отвратительный.

Потом сестра будит Шпильку, и протягивает ей целую горку таблеток. Та запивает их водой, не проронив ни звука. Продолжает играть немую.

Мы остаемся одни. Сон возвращается, а вырывает меня из его объятий опять же медсестра. Что-то они зачастили. Девушка сует мне под мышку градусник и поворачивается к соседке по палате. В ее руках шприц.

Шпилька смотрит на медсестру и улыбается. Сегодня ее улыбка мне совсем не нравится, не нравятся и глаза, с которых будто сдернули пелену. Я передергиваю плечами, градусник вываливается на одеяло. С притворным стоном я сажусь на кровати, сбрасываю ноги, встаю. Стоять неудобно, гипс мешает. Электрошокер остается под одеялом.

Шпилька протягивает руку локтевым сгибом кверху. Медсестра давит на поршень, удаляя воздух из шприца. Из иглы вырывается струйка жидкости.

Я делаю шаг, путаясь коленями в ночной рубашке, хватаю с тумбочки вазу и разбиваю ее о голову медсестры. Женщина падает — вся в воде

и цветах.

— Soeur! — кричит Шпилька.

— На помощь! — кричу я, хотя совсем не уверена, что она прибудет по моему зову.

Но она прибывает: в палату врываются Балдмэн и Дик. Пока шеф вяжет руки медсестре, Колмен занимается Шпилькой. Несмотря на травмы, моя соседка так извивается, что Дику приходится наложить руки на ее горло и чуть-чуть сдавить. Шпилька затихает и позволяет спеленать себя бинтами.

— Как ты догадалась? — спрашивает Балдмэн.

— В военный госпиталь не берут на работу иностранцев, а эта медсестра поставила мне градусник под мышку. Так делают в Европе, у нас в Штатах градусник принято брать в рот.

— Ее хотели убить, — говорит шеф, имея в виду Шпильку.

— Но она подставила руку! И улыбалась. И назвала по имени — Soeur.

— Это не имя, Дженни, soeur по-французски — сестра.

— Они сестры!?

— Но не Милосердия.

— Как же… Она ведь сама…

— Такое ремесло! Родственные чувства тут

значения не имеют. Киллер «работает» без права на ошибку, а совершив ее — расплачивается жизнью. Эти дамы знали, что полицейские рано или поздно явятся сюда, чтобы задать свои вопросы, и вопросы эти будут совсем не о том, как сверзиться в ущелье Злых Духов и при этом уцелеть.

— Значит, одна сестра пришла, чтобы убить, а другая была готова к тому, что ее убьют?

— Именно.

— А откуда взялись вы?

— Только что приехали, — объясняет Колмен. — Навестить. И вдруг — твой крик. Дженни, я же просил ни во что не вмешиваться!

— По-твоему, я могла допустить, чтобы ее убили?

В коридоре шум, топот. Балдмэн открывает дверь и выглядывает в коридор.

— Охрана. — Он возвращается к постели Шпильки и спрашивает: — Тебя нанял Джованни Кроче?

— Она француженка, — говорю я.

— Тварь! — бросает Шпилька на сносном английском.

Я не успеваю по-настоящему расстроиться из-за своей ошибки, а комната уже полна людей в военной форме.

— Кто вы такой? Что вам здесь надо? — спрашивает один из них шефа.

— Я навещаю свою сотрудницу, — невозмутимо ответствует он. — А также, будучи главой «Детективного агентства Баддмэна», иногда ловлю убийц. Кстати, вот два прелестных экземпляра. Та, что в бинтах, застрелила пять человек у Черного озера, а другая красавица хотела «зачистить» ее. Чтобы не сболтнула чего ненароком. И «зачистила» бы, да ваза помешала. И мисс Хоуп.

Охранник качает головой то ли одобрительно, то ли осуждающе, и теряет к нам всякий интерес.

Нам тоже не до него, потому что появляется милый доктор и начинает снимать с меня гипс. Много времени это не занимает.

Став легкой на ногу и упрятав электрошокер на дно свой сумки, я в сопровождении Балдмэна и Дика выхожу в коридор, где и говорю сокрушенно:

— Шеф, это я виновата, да?

— В чем?

— Как в чем? А задание Фрэнка Барези? Она же вам ничего не сказала.

— В полиции расколется.

— А если будет молчать?

— Ну, это вряд ли, — шеф легкомысленно машет рукой и направляется к выходу.

Я догоняю его:

— Но теперь-то вы будете доверять мне серьезные дела?

Мистер Балдмэн достает сигару и смотрит на меня исподлобья:

— Только наведите порядок в картотеке, мисс Хоуп. За время вашего отсутствия накопилось много неоприходованных трупов.

Моего локтя касаются пальцы Колмена.

— Не знал, что ты такая, Дженни.

— Какая? Симпатичная и неглупая? Ну, так ты не ошибся: я такая!

Настроение мое становится чудесным, и расставаться с ним ближайшее время я не намерена.

Глава 4
Ценный «источник»

Я сидел, курил, отдыхал. Ну, и думал немножко.

Думал я о Колмене и Дженни. Но больше о Дженнифер Хоуп. Хорошая девочка! Что умная, это я и раньше знал. И память на зависть. Как она про генерала Гранта выдала? С ходу! А у меня только банальности из Лафонтена в голове, и то не в полном объеме. Наверное, это из-за отсутствия места. Кто-то где-то писал, что мозг наш подобен чердаку, только у одних он захламлен, а у других все разложено по полочкам. У меня — первое, у Дженни — второе. А кто писал-то?

Я наклонился к интеркому.

— Дженни?

— Да.

— Что с картотекой?

— Все в порядке.

— Замечательно. Ты вот что…

— Да, шеф? — голос секретарши зазвенел от напряжения.

— Кто говорил о чердаке, бардаке и голове?

— Конан Дойл.

Ответила Дженни после запинки и совсем другим тоном. Она, видно, надеялась, что я наконец-то оценил ее действия в госпитале по достоинству и сейчас дам ей новое, еще более ответственное, прямо-таки опаснее некуда задание. И вдруг такое фиаско! Оттого и запнулась, потому и голос изменился. Не умеет еще проигрывать. И ждать не умеет, терпеть. Это — минус. А все же хорошая девочка. Смелая! Это многое искупает.

— Спасибо, — поблагодарил я и не попросил сварить кофе. Это было бы чересчур.

Я еще посидел, подумал, то и дело поглядывая на часы. Секундная стрелка медленно описывала круги. Минутная делала это еще неохотнее. Часовая, казалось, вообще впала в летаргический сон. И все же время шло, и час, назначенный Дженкинсом, приближался.

Я позвонил ему из фойе госпиталя. Позвонил по номеру, который знали немногие, и потому благополучно миновал коммутатор и последний бастион — секретаря, фильтровавшего звонки в приемной самого высокого начальника в Главном полицейском управлении Локвуда.

— Привет, Уилл. Надо встретиться.

Дженкинс не стал задавать лишних вопросов.

Кто звонит — он понял. Что надо встретиться, очень надо — понял тоже.

— Где? — спросил он.

— Выбирайте сами.

— Вы знаете закусочную «Морской конек»? Это в порту.

— Дрянное местечко.

— Потому и предлагаю.

— Когда?

— Через три часа.

— Пораньше никак?

— У меня совещание.

— Буду ждать.

Вот я и ждал. Когда стрелки часов смилостивились и показали, что пора прекращать бездельничать и отправляться в дорогу, я поднялся и надел шляпу.

В закутке у картотеки о чем-то ворковали Колмен и Дженни. При виде меня они замолчали. Ричард отвел глаза, а девушка потупилась и покраснела.

— Я позвоню, — сказал я и, не вдаваясь в объяснения, удалился.

Пока добирался до порта, я улыбался: похоже, у Дика открылись глаза на истинное сокровище нашего детективного агентства. Долго же ему

пришлось соображать. Я, например, давно понял, что мисс Хоуп порядком надоело быть незамужней дамой и она совсем не против стать миссис Колмен. А что, хорошая выйдет пара!

Припарковав «Форд» на соседней улочке, минуту спустя я уже был в «Морском коньке». Там я заказал себе пива и сел в самом темном уголке, подальше от бара.

В зале было пусто, бармен сомнамбулически протирал стаканы. Да, отметил я, Дженкинс выбрал неплохое местечко. Кое-чему он все-таки научился.

Прошло с четверть часа, прежде чем дверь закусочной открылась и в баре появился мужчина в мятом твидовом пиджаке, джинсах, темных очках и бейсбольной шапочке, козырек которой был надвинут на самые глаза. Мужчина не стал ничего заказывать, а сразу прошел к моему столику.

— Рад вас видеть, Уилл. Как жена? Как дочь?

— Все нормально, спасибо.

Уилфред Дженкинс посмотрел на часы. Он торопился, и я не осуждал его за это. Будучи главой Центрального полицейского управления Локвуда, он всегда тонул в текучке. К тому же я не был его приятелем, с которым приятно потрепаться

и попить пивка. Нас связывали исключительно деловые отношения. И еще его обещание…

Когда я приехал в Локвуд, у меня были кое-какие связи только в криминальных кругах. Мне же требовался и свой человек в полиции, причем фигурант с положением.

Я аккуратно навел справки и выяснил, кто из копов уже работает на мафию (таких оказалось немало) и кто еще не замаран, но в принципе готов замараться, если его услуги будут соответствующим образом оплачены. Я уже готов был заключить взаимовыгодный союз с одним потенциальным взяточником, но тут разразились выборы, в штате сменилась власть и в полицейское управление Локвуда пришел ставленник нового губернатора-демократа, его друг детства и активный участник предвыборной кампании Уилфред Дженкинс.

Романтик и идеалист, он заявил, что покончит как с организованной преступностью, так и с коррупцией. Не разобравшись в соотношении сил, он даже замахнулся на Кроче и Барези, но те окружили себя сворой адвокатов, и Дженкинсу пришлось довольствоваться десятком-другим «солдат», которых доны сами же отдали на заклание, лишь бы полицейские отстали от их

«семей». Дженкинс подергался еще немного… и поумнел, сбавил обороты. Но что касается изменников в стенах собственного Управления, тут он отступать был не намерен. По малейшему подозрению полицейских изгоняли со службы. Некоторые пытались сопротивляться, даже подавали судебные иски с требованием восстановить в должности, звании, а также компенсировать моральный ущерб. Кое-кому удалось победить, добиться своего, но это была пиррова победа. Им все равно пришлось уйти, потому что дурная слава успевала за это время накрепко присосаться к ним. Ко всему прочему, Уилфред Дженкинс не любил проигрывать, а создать для подчиненного невыносимые условия на службе, что может быть для начальника проще?

Короче, через несколько месяцев ряды полицейских сильно поредели, что сказалось на уровне преступности в городе: кривая уверенно карабкалась вверх. Ничего удивительного: большинство уволенных и «добровольно» покинувших свой пост не только получали «отступные», но с разной степенью добросовестности все же выполняли свою основную работу. Если всех выгнать, кто преступников ловить будет?

Я наблюдал за этим избиением младенцев

и ждал, когда Дженкинс устанет. А он все не уставал… Меня это бесило, потому что я никак не мог заполучить «крота» в Управлении. Того полицейского, на которого я имел виды, уволили в числе первых. Я подобрал другого кандидата во взяточники — его вышибли во вторую очередь. А вскоре и вовсе глаз остановить стало не на ком, потому что в центральном аппарате Управления полиции остались или действительно честные служаки, или непроходимые тупицы, которые умели тянуться перед начальством, печатать шаг на парадах в День благодарения, но никак не вести двойную игру.

Было от чего расстроиться. В таких расстроенных чувствах я и отправился как-то за город, к Черному озеру, полный желания искупаться, позагорать и забыть на время о мафии, мужьях-рогоносцах, сбежавших отпрысках и «бесчинствах» Уилфреда Дженкинса.

И надо такому случиться, что именно там, у озера, я с ним столкнулся лицом к лицу.

Обстоятельства нашего знакомства с полной ответственностью можно назвать драматическими. Если бы не моя профессия и немалый жизненный багаж, я бы счел их даже трагическими.

Я сидел в привезенном с собой шезлонге, нежился на солнышке и любовался неподвижной водной гладью. Я отдыхал, окутанный сигарным дымом и музыкой, пробивающейся сквозь деревья. Если бы это были не «Битлз», к которым я отношусь терпимо, а что-нибудь другое, я бы наверняка забрался в автомобиль и отправился на поиски более укромного уголка, а так даже получал удовольствие.

Потом музыка смолкла, и почти сразу за этим я услышал характерный треск. Эксперты, обнаружив пакетик с порошком в кармане доходяги-наркомана, только что зарезавшего родную тетушку и забрызганного ее кровью, вынуждены писать в протоколе о «кристаллах белого цвета» и «бурых пятнах, похожих на кровь». В моем случае следовало бы написать: «Треск, напоминающий выстрел».

Я прикинул, стоит ли. мне вмешиваться (наверное, не стоит), но все же поднялся и пошел по тропинке туда, где, как я знал, находился домик, в котором отдыхали от трудов праведных смотрители национального парка.

Перед крытым веселой красной черепицей домиком было людно. Кто-то рыдал, кого-то трясло… Внизу, у самого берега, был разложен костер,

рядом с которым лицом вверх лежал юноша с дыркой в голове.

— Полицию вызвали? — спросил я мужчину, застывшего у костровища.

Он повернулся, и я узнал Уилфреда Дженкинса.

— Я сам — полиция. А толку?

Дженкинс был растерян, потому и говорил по-простому, не заботясь о своем реноме.

— Мертв? — задал я следующий вопрос.

— Да, — сказал полицейский и встрепенулся: — А кто вы, собственно, такой?

— Гарри Балдмэн, детектив из Локвуда.

— Я вас не знаю.

— Частные сыщики не по вашему ведомству.

— Что вы тут делаете?

— То же, вероятно, что и вы. Отдыхаю. Хотя правильнее употребить прошедшее время.

Полицейский согласно кивнул:

— Какой уж теперь отдых…

— Что здесь произошло?

— Разве вы не видите? Убийство.

— Я вижу убитого. А кто убийца?

— По-видимому, моя дочь.

— Вы уверены?

— Она его ненавидела. Я не в курсе деталей, но

она говорила, что готова убить его, раздавить, как мерзкое насекомое! Но я не придал этому значения: в молодости мы все максималисты, переживаем из-за пустяков, разбрасываемся словами. — Полицейский внезапно схватил меня за руку и зашептал: — Послушайте, Балдмэн. Проведите расследование! Здесь! Сейчас! Немедленно! Я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Потому что я не верю, что Ненси…

Он готов был заплакать. А я не люблю, когда мужчины плачут. Меня это смущает. Поэтому, носком ботинка выковыряв из золы почерневший кусок черепицы и откинув его в сторону, я сказал со вздохом:

— О'кей, я попробую. Тогда начнем с вас.

Сбиваясь и по-школярски старательно вспоминая детали, Дженкинс рассказал, что здесь, на берегу озера, они решили устроить небольшой пикник. «Они» — это несколько семей-соседей с Тиссовой аллеи. Выехали всем составом — с детьми и собаками.

— У всех нас взрослые дети, — говорил полицейский. — И все они учатся в университете Локвуда. Понимаете?

— Конечно. Собаки бывают большими и маленькими, злыми и не очень, а дети — студен-

тами.

— Вы шутите, — сказал Дженкинс. — Рядом с покойником. Как вам не стыдно!

— Больше не буду, — легко повинился я. Не объяснять же демократу-назначенцу, что на своем веку я перевидал столько мертвецов, что отношение у меня к ним несколько иное, чем у других граждан. Быть детективом и не стать циником очень трудно, почти невозможно.

— Вот вы сказали — злые… — продолжил полицейский.

— Это я о сучках, о кобельках.

— А я о детях! Нет, они не злые, но они ни в грош не ставят моральные принципы нашего поколения. Мы сами ходили в битниках, протестовали против войны в Корее, но сейчас творится просто бог знает что. Ладно, они живут отдельно, они насмешничают и слушают эту ужасную музыку. Но при этом исправно клянчат у нас деньги! И чем больше попрошайничают, тем сильнее их желание всегда и во всем действовать поперек и вопреки.

— Это смотря, что вы требуете взамен материальной помощи.

— Ничего особенного мы не требуем. Ни покорности, ни послушания. Мы хотим самой малости

— оставаться семьей. Ведь мы, американцы, всегда гордились крепостью семейных уз. В этом сила нашей великой страны!

— Но иногда вы опускаетесь до шантажа, — отметил я. — Потому что только так вы смогли выманить детишек из студенческого кампуса и привезти сюда, на природу.

— Я бы не назвал это шантажом, хотя по сути вы правы. Но мы тоже кое в чем уступили, например, чтобы они пригласили с собой друзей. Этот мертвый юноша — один из них. Его зовут Курт Габер, он из Миннеаполиса. Он ехал в моей машине… — Полицейский поежился. — Мы остановились вон там, на взгорке, у домика лесничих. Затеяли барбекю. Молодежь побежала купаться. Потом мы увидели дым костра. Оказалось, дети решили и здесь быть наособицу. Утащили на берег часть провизии, включили музыку на полную громкость и затеяли свои кривляния, которые почему-то называются танцами. Мы не стали им препятствовать. Кому нужен скандал? Выяснение отношений? Взаимные оскорбления? Мы были довольны уже тем, что они все-таки поехали с нами. Потом мы услышали выстрелы. Я побежал сюда и… вот.

— Мне нужно поговорить с молодежью, — ска-

зал я.

— Да, конечно, — Уилфред Дженкинс понурился и побрел к домику парковых смотрителей.

Первым из юной поросли, с кем я побеседовал, был Брет Смит, высокий блондин с прической «жуком». Не исключено, записи «Битлз» принадлежали именно ему.

— Я ничего не видел, — с места в карьер заявил он. — Мы были с ним у костра, жарили сосиски. Потом я ушел купаться, а Курт остался. Я только-только окунулся, как прозвучали выстрелы. Когда прибежал, все уже было кончено. Курт лежал у костра, из его головы текла кровь…

— У него были враги?

— Сколько угодно!

Мои брови вопрошающе поползли вверх. Учитывая обстоятельства, это было смелое заявление.

— О мертвых не принято говорить плохо, но это все равно станет вам известно — не от меня, так от других. Курт ни к чему не относился серьезно. В его иронии было много злости. Он развлекался, делая гадости. Мне кажется, только от этого он и получал удовольствие. Но ему все прощалось, потому что он был незаурядной личностью. И всегда искренне раскаивался.

— Что не мешало ему вновь пускаться во все тяжкие, — подхватил я. — Среди присутствующих есть пострадавшие от его шуток?

— Почти все. Я — не исключение.

— А если подробнее?

Блондин сжал губы.

— Расскажите, — посоветовал я. — Вы правильно сказали: мы все равно узнаем, так что уж лучше сами…

Смит коротко взглянул на меня и заговорил после паузы:

— Курт подговорил своего знакомого актера позвонить Ненси, моей девушке, представившись антрепренером бродвейского театра. Якобы он увидел ее в студенческом спектакле, совершенно очарован ее талантом и потому хочет предложить ей роль в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь». Разумеется, Ненси обрадовалась, загорелась. А потом… Он опоил ее какой-то дрянью, чтобы сфотографировать в самом непотребном виде.

— Фотографии прислали вам.

— Да. Такой же конверт получила Ненси Дженкинс. Она была раздавлена и унижена. Я успокаивал ее, но трещина между нами становилась все шире. Потом она сказала, чтобы я ни

на что не рассчитывал, что мы просто друзья — и таковыми останемся.

— Как вы догадались, что тут замешан Габер?

— Он сам признался.

— То есть?

— Курт напомнил наш разговор, в котором я посетовал, что не могу поручиться за крепость наших с Ненси отношений, что вот если бы существовал некий тест… В общем, он якобы хотел как лучше.

— Вы поверили?

— У меня не было доказательств его злого умысла.

— Но подозрения на сей счет были?

Смит отвел глаза и нехотя сказал:

— Были.

— А Ненси было известно, кто являлся организатором провокации?

— Я ей не говорил. Но, думаю, она каким-то образом все узнала.

Я достал сигару, повертел ее в пальцах и сунул обратно в карман.

— Значит, вы пошли купаться, а Габер остался у костра, так? Он не выказывал признаков беспокойства, нервозности?

— Нет. Мы говорили о побеге Стива Мак-Дер-

мота из тюрьмы Локвуда, потом я направился на лодочный причал, он вон там, за деревьями. Вы не знаете, этого маньяка Мак-Дермота еще не поймали? Это верно, что он оставляет на месте преступления выложенные полукругом стреляные гильзы? Говорят, он прячется где-то в этих местах.

— Говорят… Но у костра гильз нет.

Брет Смит опустил глаза, словно увидел под ногами что-то безумно интересное.

— Что ж, — сказал я. — Благодарю за помощь.

— Мне позвать Ненси?

— Нет, давайте покончим с сильным полом.

На слове «покончим» Брет Смит вздрогнул, но ничего не сказал. Понял, должно быть, что это я без задней мысли, обмолвился просто. Вырвалось.

Место высокого блондина занял субтильного вида недоросток в очках, назвавшийся Джимом Деррелом; его родители тоже жили на Тиссовой аллее.

С Деррелом я повел себя иначе, сразу спросив, не является ли он, часом, еще одной жертвой злой фантазии Курта Габера. Выяснилось, что не более как месяц назад Джим познакомился с очаровательной девушкой, влюбился без памяти,

а она на поверку оказалась проституткой, выполнявшей необычный, но денежный заказ; ей было предложено соблазнить паренька, уложить в постель, а потом выдать правду о себе. Как позже объяснил Габер, он хотел развеять розовые грезы приятеля, наглядно продемонстрировать, что от женщин можно ожидать любого предательства, что по натуре все они — гулящие девки, а разница между ними лишь в цене, которую они требуют за свое расположение. Одни продаются за двадцать долларов, а другим подавай тысячи, да еще обертку в придачу — стильную одежду, машину, бунгало на островах и брачный договор о совместном владении имуществом, чтобы при разводе обобрать до нитки.

— Жестокий урок, — оценил я. — Вы не обиделись на Габера?

— На что тут обижаться? — печально произнес Дер-рел. — Он прав. В этом мире нет места мечтателям.

Следующим моим собеседником стала Глория Дарк, подружка Ненси, приехавшая учиться в Локвуд из маленького городка Бичстоуп к югу по побережью. О покойном Глория отзывалась восторженно, потому что над ней он еще подшутить не успел. Как свидетель она интереса не

представляла, чего нельзя было сказать о разбитной брюнетке, затараторившей с немыслимой скоростью:

— Мы купались. Хохотали, пели и орали изо всех сил, чтобы позлить родителей, у нас это любимое развлечение. Потом на причале появился Брет, разделся и прыгнул в воду. Сказал, что мясо скоро будет готово, Курт позовет нас. Тут выключился магнитофон. Брет поплыл к берегу, чтобы сменить пленку, и в этот момент мы услышали выстрелы. Я сначала совсем-совсем не испугалась, но потом закричали родители — и мои, и Ненси, и Смита с Деррелом. Скажите, а Курт сразу умер или помучился?

— Сразу, — кивнул я, гадая, огорчит ли мой ответ брюнетку.

— Какой ужас! — девица приложила ладони к щекам и попыталась всплакнуть, однако ей это не удалось.

— Истинная правда, — согласился я.

— Теперь Ненси?

— Не стоит.

Я раскурил сигару и направился к дому лесничих, размышляя о том, куда мог деться пистолет, из которого застрелили Габера. Придется, видно, вызывать водолазов. Пускай поищут около ло-

дочного причала.

Меня встретили настороженными взглядами. Уилфред Дженкинс обнимал за плечи юную особу, которая явно не могла быть его женой: слишком молода — раз; слишком похожа на отца — два; по голове девушку с материнским участием гладила женщина средних лет — три.

— Вы хотите поговорить с Ненси? — спросил Дженкинс.

— Нет, мне достаточно разговора с Бретом Смитом.

Высокий блондин затравленно посмотрел на меня и сорвался с места. Миг — и он скрылся за деревьями.

Потом я все объяснил Дженкинсу. Это оскорбленный Брет Смит убил Габера, предварительно создав себе, казалось бы, безупречное алиби. Треск расколовшейся черепицы, которую он бросил в костер, все приняли за выстрелы. На самом же деле «озорник» Курт был застрелен чуть раньше, но звук пистолетного выстрела заглушил рев магнитофона.

— Я вам очень обязан, мистер Балдмэн, — сказал глава полиции Локвуда после того, как успокоился сам, успокоил жену и немного — бившуюся в истерике дочь. — Мне хотелось бы

отблагодарить вас…

— У вас есть такая возможность, мистер Дженкинс.

— Если это не будет противоречить федеральному законодательству, — уточнил полицейский. — И называйте меня Уилл.

— В таком случае я — Гарри. И заметьте, не Грязный Гарри, а просто Гарри.

Дженкинс через силу улыбнулся и сказал:

— Я всегда держу свои обещания. Так чем я вам могу помочь?

— Два часа приватного разговора меня вполне устроят.

— И все? Что ж, с удовольствием.

Двух часов мне хватило. В кафе, где мы встретились, я представил главе Центрального полицейского управления Локвуда свое видение криминальной ситуации в городе. Он полностью согласился с моей оценкой: да, ситуация близка к катастрофической. После этого я представил ему рекомендации весьма именитых людей из Вашингтона, которые высоко отзывались как о моих способностях сыщика, так и моем моральном облике. Я мог бы представить и другие, куда более убедительные бумаги, которые у меня тоже имелись, однако решил с этим не спешить. И

оказался прав: заверений вашингтонцев, сплошь демократов-юристов из ведомства Роберта Кеннеди[6], оказалось вполне достаточно.

— Ваше стремление, Уилл, очистить Локвуд от скверны похвально. — приступил я к следующему этапу. — Однако чем дальше, тем больше вы будете сталкиваться либо с саботажем ваших сотрудников, привыкших жить в мире с мафией, либо с их непроходимой тупостью.

— Да, честных и при этом толковых людей в Управлении мало, — не стал спорить полицейский.

— Я хочу помочь вам, — сказал я. — Пользуясь своим положением частного детектива, я могу снабжать вас, лично вас, информацией о планах мафии и о виновниках уже совершенных преступлений.

— Гарри, как добропорядочный гражданин вы обязаны это делать! — воскликнул Уилфред Дженкинс. Впрочем, негромко воскликнул, видно, сознавая, что говорит что-то не то. — Ваша лицензия, между прочим, это тоже предписывает.

Я посмотрел с укоризной:

---

[6] Примечания: 6

Брат Джона Кеннеди — Роберт, несколько лет возглавлял Министерство юстиции США.

— Уилл, мало ли что мы должны. Долг — понятие растяжимое, зыбкое, каждый понимает его так, как ему выгодно. Так как вам мое предложение?

— Разумеется, я его принимаю. Но меня интересует, что в ответ попросите вы.

Я улыбнулся невинной улыбкой новорожденного:

— То же самое. Мне нужна информация.

На этот раз Дженкинс не поспешил с ответом, что не могло меня не порадовать: если бы он стал возмущаться, бить себя в грудь в праведном гневе, это бы означало, что он так же туп, как те копы, в окружении которых он проводит свой рабочий день.

Я попытался развеять его тревоги:

— Естественно, в каждом случае вы сами будете решать, делиться со мной какими-либо сведениями или нет. Это чисто деловое сотрудничество, которое вы можете прервать в любую секунду. В свою очередь торжественно клянусь, что никогда не обращусь к вам с просьбой, выполнение которой было бы равносильно измене долгу. Так, как вы его понимаете.

— Я должен подумать, — сказал Уилфред Дженкинс.

— Ваше право.

— Знаете, Гарри, если бы не рекомендации, я бы арестовал вас за попытку подкупа.

— Разве я предлагал деньги?

— Тогда за попытку давления.

— Разве я на вас давлю?

— Я должен подумать, — повторил Дженкинс.

На этом мы расстались.

Дженкинс позвонил в мой офис неделю спустя.

— Смита арестовали, — сообщил он. — Устал бегать по лесам. Сам сдался.

— Думаю, большой срок ему не грозит, — сказал я. — При умелом адвокате даже предумышленное убийство можно представить как помрачение рассудка. Жаль парня.

— И мне жаль, — признался полицейский. — Ненси все мне рассказала, и хотя я против самосуда, но поймал себя на мысли, что Габер заслужил эту кару. Не все измеряется законоуложениями, не все можно расписать по статьям и пунктам, и не всегда судьбу человека Фемида должна вершить в зале суда. Я хочу с вами увидеться, Гарри.

Так Уилфред Дженкинс стал моим «источником» в Центральном полицейском управлении города. Мы встречались нечасто и неизменно с обоюдной выгодой. Я передавал Уиллу сведения

о криминальном мире Локвуда, естественно, тщательно их дозируя, чтобы самому не попасть под удар. Дженкинс тоже оказывал мне ценные услуги, тщательно следя за тем, чтобы совесть его перед Богом и людьми оставалась чиста. Конспирации ради я звонил ему по «секретному» телефонному номеру, он мне — как клиент «Детективного агентства Балдмэна». Афишировать свои контакты нам нужды не было, напротив, мы были крайне заинтересованы в обратном, поэтому встречались в малолюдных местах, причем Дженкинс, как человек в городе известный, прибегал к нехитрой, но действенной маскировке. На прошлое рандеву, к примеру, Уилл явился в сером макинтоше и шляпе с обвисшими полями и был так же неузнаваем, как в более легкомысленном сегодняшнем наряде. И еще одно всегда оставалось неизменным: ему было некогда…

— Гарри, у меня совершенно нет времени, — предупредил Дженкинс. — Так что покороче.

— Постараюсь, — сказал я и поведал о событиях в госпитале имени Хопкинса и сестрах-убийцах.

— Я уже в курсе, — перебил меня полицейский. — Насколько я понимаю, это одна из них устроила побоище у Черного озера. Кстати, хочу напомнить, что о трупах в автомобиле вы узнали

от меня.

— Я помню, Уилл.

— Но кое о чем вы все-таки забыли.

— О чем?

— О взаимопомощи, Гарри!

— Что вы имеете в виду?

— Автомобильную катастрофу в ущелье Злых духов. Мистер Балдмэн, выражаясь без обиняков, вы выкрали у моих людей главную подозреваемую! Более того, вы сделали так, чтобы ее отвезли в военный госпиталь, где у вас есть свои люди. Почему вы не доверяете мне, Гарри?

— Не вам, Уилл. Вашим людям! Ведь это так просто — лежа на койке в тюремной больнице, умереть от асфиксии, а если попросту, быть удушенной подушкой. Остановка сердца от чрезмерной дозы успокоительного тоже годится.

— Ее все равно пытались убить.

— Да, но не убили. Теперь у вас в руках две дамы, которых надо заставить выдать имя заказчика. Я перемолвился с врачами в госпитале и уговорил их под благовидным предлогом поместить раненых в спецблок, якобы их нельзя перевозить. Киллерши пробудут там несколько дней. Этого должно хватить, чтобы вы тщательно подготовили их транспортировку в тюрьму и

подобрали надежных людей, которые там глаз с них не будут сводить.

Дженкинс скривил губы:

— Мне кажется, вы сгущаете краски, Гарри. Конечно, в полиции хватает подлецов и мздоимцев, но там много и порядочных людей.

— Не сомневаюсь, Уилл. Но я хочу подстраховаться со всех сторон и от всех неожиданностей.

— Хорошо, Гарри, не беспокойтесь, я возьму это дело под личный контроль. Это все, что вы хотели мне сказать?

Снова взгляд на часы.

— Не совсем, — с расстановкой произнес я. — Смерть Кардовского, налет на консервный завод в Вест-Крике, убийства «солдат» мафии, число которых растет день ото дня, теперь вот киллерши из Франции… Все это звенья одной цепи. Скоро начнется война, Уилл. Война между кланами! Пора определиться, на чьей стороне мы будем в этом потасовке. Что скажете?

— Мне кажется, нам лучше остаться наблюдателями, — усмехнулся глава Центрального полицейского управления Локвуда.

Я чуть не поперхнулся, даже пиво расплескал. Похоже, я недооценивал свой самый ценный «источник».

Глава 5
Посол с полномочиями

— Колмен? Ты что здесь делаешь?

— Гуляю.

— Так я тебе и поверил. С чемоданом!

Я ставлю чемодан на землю, складываю носовой платок, которым была обмотана ручка, и убираю платок в карман.

— Не верьте.

— Все шуточки шутишь?

— Мне не до шуток. И вам, как я понимаю, тоже.

Полицейский смотрит на мертвеца:

— Ты об этом? Ну так дело-то привычное.

— Особенно последние две недели.

— Опять смеешься?

— И не думаю. Просто в последнее время Локвуд все больше напоминает покойницкую. Слишком много трупов на душу населения.

Я поднимаюсь по откосу и сажусь на прогретый солнцем рельс. Чувствую себя прескверно, что неудивительно после кувыркания по железнодорожной насыпи и часового забега по

пересеченной местности — сначала налегке, а потом с чемоданом. Камни в нем, что ли? Я хотел было заглянуть, да поостерегся. Вдруг бомба?

— Колмен, я ведь серьезно!

— И я серьезно.

Далеко не все полицейские дураки, но этот — из меньшинства. С тех пор как Гарри Балдмэн пригрел меня в стенах своего сыскного бюро, я успел познакомиться со многими полицейскими Локвуда, в том числе с главой Центрального управления Уилфредом Дженкинсом.

Истинный демократ Дженкинс раз в год устраивает бал для всех, кто хранит или хотя бы пытается охранять порядок в Локвуде. На этот бал приглашаются и частные детективы. Гарри Балдмэн непременный их участник, а в этом году с ним отправился и я. Там, в переполненном зале, зажав в левой руке бокал крюшона, я и поручкался с мистером Дженкинсом. Даже обменялся с ним несколькими словами! Вот так, по-простому. Я же говорю, Уилфред Дженкинс у нас демократ! Жаль, закону это не на пользу.

— Что ты тут делаешь?!

— Сижу!

Встречался я и с этим придурком. И это не оскорбление, а констатация факта. Потому что

только законченный идиот может клюнуть на дешевую приманку в виде грудастой шлюхи, затащить ее к себе домой, накачаться виски и разболтать, когда из спецблока госпиталя имени Хопкинса будут перевозить в тюремную больницу двух очаровательных сестричек, по профессиональной принадлежности и склонности души — киллеров. В результате на конвой было совершено нападение, и девушки упокоились вечным сном. А ту шлюху с безразмерным бюстом на другой день нашли мертвой на городской свалке.

Любителя «клубнички» быстро вычислили и перевели в патрульные. Хотели уволить, но пожалели, тем более что никто из конвоя серьезно не пострадал, касательные ранения — не в счет. Дженкинс, надо заметить, в последнее время стал славиться своей сердобольностью, хотя прежде в этом уличен не был. Что характерно, это милосердие ощутимо сказывается на его репутации, так как, согласно общественному мнению, главный полицейский города должен быть жесток и даже кровожаден. Справедлив — не обязательно.

После нападения был большой шум, но мало-помалу все стихло, почти забылось. И только Гарри Балдмэн все так же кипел от ярости и ру-

гался последними словами. Я ему вторил. Правда, причины для «загрязнения» пространства у нас были разные: шефа приводило в исступление то, что он лишился возможности выполнить заказ Фрэнка Барези; меня — оказавшейся напрасной отвага нашей Дженни.

Дженни показала себя молодцом. Не ожидал. И в том себя не виню. Потому что секретарше, даже если она служит в сыскном бюро, не пристало проявлять проницательность и рисковать жизнью; ее дело — бумажки перебирать и отшивать безденежных клиентов.

Я был категорически против участия мисс Хоуп в операции, предложив свою кандидатуру. Увы, предложение мое было отвергнуто Баддмэном как не выдерживающее никакой критики. В госпиталь отправилась Дженни и с великолепным изяществом справилась с заданием.

В распоряжении следствия появились две бесценные арестантки, которых оно вскоре лишилось из-за похотливого павиана в полицейской форме. Ирония судьбы, однако.

Вот Балдмэн и кипит, поскольку оказался в непростом, я бы даже сказал — уязвимом положении. Шеф «обслуживает» криминальный мир Локвуда, где тоже встречаются задачи, которые

кулаком или револьвером не решить, интеллект требуется! Тут Баддмэна и призывают то Кроче, то Барези, то мафиози рангом поменьше. Шеф никому не отказывает, и в этом залог его неприкосновенности: есть у местных гангстеров договоренность — не трогать! Но сейчас… Если Балдмэн докажет, что налет на завод устроил Кроче, начнется битва, в которой Барези будет стороной пострадавшей и потому имеющей право на поддержку преступного мира Локвуда. Если доказать причастность Кроче не удастся, то уже Джованни получит право на сочувствие и содействие, так как это будет ответом на неумеренные аппетиты Барези в наркобизнесе. И только Гарри Балд-мэну плохо при любом варианте, потому что ему эта война лишь в убыток: клиентов станет меньше! В силу их преждевременной насильственной смерти. Ему бы отступиться, но, вопреки логике, шеф хочет выполнить заказ Барези, причем, я подозреваю, не только для того, чтобы укрепить свою репутацию. Что у него На уме? Знать бы…

Когда два дня назад он с утра пораньше вызвал меня к себе, я отчего-то подумал, что сейчас многое прояснится. Ну, ладно, не все и даже не многое — кое-что! Уже прогресс.

— Поедешь в Нью-Йорк, — сказал шеф.

Я ожидал другого. Хотя бы предложения присесть и чувствовать себя как дома. Пришлось обойтись без приглашения. Закинув ногу на ногу, я спросил:

— И что мне там прикажете делать?

— Ничего.

— Так, может, я останусь?

— Нет, Ричард, ты поедешь и будешь строжайшим образом следовать моим инструкциям. Запомни, ты должен быть на Западном вокзале Нью-Йорка завтра в одиннадцать утра. Поезд в Локвуд отходит в 11.20. Раньше приезжать — глаза мозолить, это ни к чему. Тебе нужен вагон № 7. Билет получишь в кассе, я уже заказал.

— И как вы только все успеваете? — наигранно восхитился я.

— Привычка, — последовал исчерпывающий ответ. — В том же вагоне будет ехать вот этот человек.

Балдмэн бросил на стол фотографию. Со снимка мне улыбался Лучано Тафарелли, по прозвищу Миротворец.

— Узнал? Он самый — чрезвычайный посол мафии, любимец «желтой» прессы. Нью-йоркские боссы никак не могут определиться, кого — Баре-

зи или Кроче — поддержать людьми и влиянием. Вот и направляют Тафарелли в Локвуд, чтобы тот вник в ситуацию на месте.

— Что должен делать я?

— Наблюдать.

— Даже если Миротворцу будет грозить опасность?

— Особенно в этом случае.

— Его могут убить.

— Могут.

— Вас интересует, кто на это решится, кто более заинтересован в войне — Барези или Кроче?

Балдмэн слюнявил сигару и сверлил меня глазами, в которых ничего нельзя было прочитать.

Я предложил другой вариант:

— Или вас беспокоит, что синьор Тафарелли может примирить враждующие стороны?

Шеф откинулся на спинку кресла и наконец-то молвил:

— Иногда мне импонирует твоя наглость, Дик. При желании ее можно принять за прямоту. Но только при очень большом желании и только — иногда. Когда ты не переступаешь границы. Сейчас ты их переступил. Все! Иди.

И я ушел.

И отправился в Нью-Йорк.

Большое Яблоко[7] мне никогда не нравилось. Как и любой другой мегаполис. Шумно, людно. На вокзале — особенно. Там я был ровно в 11.00, как приказано. Получив в кассе билет и по пути заглянув в киоск сувениров, я отправился на перрон. Нумерация вагонов начиналась с «головы» поезда. Вагонов было более двух десятков, поэтому мне пришлось довольно долго идти по платформе.

Сначала я увидел Тафарелли. Он шел, поигрывая инкрустированной серебром тросточкой и не оглядываясь на носильщика, который вез на тележке объемистый чемодан.

Потом я увидел сопровождающих Миротворца. Их было четверо. Одна пара двигалась метрах в десяти за ним, другая — еще метрах в пятнадцати позади. Соглядатаи лениво переговаривались, так же лениво глазели по сторонам, короче, вели себя как обычные пассажиры, приехавшие на вокзал с изрядным запасом времени. Однако с отменной периодичностью взгляды «топтунов» впивались в спину Миротворца, и это их выдавало.

Что примечательно, пары явно не подозревали о существовании друг друга. Говорило это о

---

[7] Примечания: 7
Так нью-йоркцы называют свой город.

многом. Например, возможен был такой расклад: двое намерены всеми силами защищать синьора Тафарелли, тогда как другая пара хочет его убить. Или: Миротворца хотят прикончить и те и другие. Или: все четверо жизнь готовы положить, лишь бы с головы Лучано Тафарелли не упал ни один волос. Правда, в последнее не очень верилось.

— Ваш билет?

Проводник протянул руку, я протянул свою — с билетом.

— Прошу вас.

Я поднялся в вагон. Его планировка облегчала мою задачу. Как таковых купе в вагоне не было. Были отсеки, разделенные перегородками, в которых стекла было больше, чем дерева и пластика вместе взятых. Двери представляли собой железную раму на колесиках, в которую также было вставлено толстое стекло. Я почувствовал себя в аквариуме.

— Словно в аквариуме, — сказал мой сосед, мужчина в клетчатой фланелевой рубашке и остроносых сапогах с узорами и медными заклепками.

— Я подумал о том же.

С соседями нужно поддерживать добрые отношения, если ближайшие восемнадцать часов вам

все равно никуда друг от друга не деться.

— Вы до Локвуда? — уточнил я.

— Да.

— Надеюсь, не соскучимся. Пожалуй, я сяду здесь, у двери.

— Сквозняка не боитесь?

— Обожаю сквозняки!

На самом деле отсюда, от двери, мне был виден и профиль Тафарелли в двух отсеках впереди, и затылки двух «топтунов», занявших следующий отсек. Я оглянулся и… оказался лицом к лицу с другой парой. Я отвел глаза и помахал рукой разносчику напитков.

— Что угодно?

— Кока-колу.

— Мне тоже, — сказал мой сосед, любовно полируя громадную медную пряжку ремня.

Народ уходил в вагон-ресторан, возвращался, а мы торчали в своих отсеках. Я не трогался с места, потому что следил за Тафарелли. «Топтуны» — по той же причине. Мой сосед — потому что с прилежностью голливудского костюмера корпел над своей псевдоковбойской амуницией.

— Буду участвовать в родео, — объяснил он, заметив мой удивленный взгляд. — Бывали когда-нибудь?

— Нет.

— Напрасно. Между прочим, в Локвуде его проводят каждый год и на широкую ногу.

— Про карнавалы слышал, а про родео… Но вообще-то я в Локвуде недавно, — признался я, подумав, как же это приятно — говорить чистую правду. — Перебрался с Востока. Занимаюсь строительством. В Локвуде сейчас много строят. На всех хватает.

— Рад за вас. Ну так что, придете на родео?

— Как получится. Сами-то вы откуда?

— Из Техаса. А в этих краях я тоже еще не бывал, тем более не хочется ударить в грязь лицом. В буквальном смысле в том числе.

Я рассмеялся:

— У нас, строителей, те же заботы.

К вечеру я изнемог. Папка с отчетом какой-то строительной фирмы, которую для конспирации вручил мне Балдмэн, казалась неподъемной. В висках стучало. Мышцы затекли. Я встал и прошелся по коридору вагона. Синьор Тафарелли почивал. «Топтуны» бодрствовали.

Такой же променад я сделал ближе к полуночи. Миротворец читал книгу. «Топтуны» мужественно боролись со сном.

Вернувшись в свой отсек, я обнаружил «ковбоя»

наводящим блеск на оловянные бока внушительных размеров фляжки-термоса.

— Не желаете кофе? Говорят, перед сном он не слишком полезен, но, как я заметил, вы намерены бодрствовать.

— Да, надо еще поработать. Сверить счета, просмотреть документы.

— Тогда не помешает.

— С удовольствием…

«Ковбой» плеснул в крышку-стаканчик немного кофе, протянул мне.

— А я посплю, — сказал он, складывая руки на груди и поудобнее устраиваясь на сиденье. — Мне легче.

Я сделал глоток, отдал должное аромату напитка и вновь открыл ненавистную папку. Цифры скакали перед глазами. Веки опускались. Я сказал себе: «Только минуточку!» — и провалился в сон.

Проснулся я, когда стало светать.

Тафарелли на месте не было. Соглядатаев тоже. Я вскочил и побежал по коридору, заглядывая в отсеки. Их обитатели мирно спали.

Рванув дверь тамбура, я чуть не наступил на мертвеца. Вернее — на мертвецов. Четыре трупа, два ножа и пистолет с глушителем — такой вот натюрморт. Теперь мне уже вряд ли доведется

узнать, кто именно из них собирался убить посла нью-йоркской мафии, а кто — защищать. Но общую картину это не меняло: пара киллеров схватилась с парой телохранителей, и они быстренько поубивали друг друга. Делов-то!

Я присел на корточки, присмотрелся к обезображенным, залитым кровью лицам и понял, что моя версия абсолютно несостоятельна. Может быть, вся четверка жаждала крови Лучано Тафарелли, может быть, все были на его стороне, а может, и впрямь счет велся двое на двое, как бы то ни было, но все четверо умерли после «прощального поцелуя невесты»[8] Нет, конечно, возможно и даже наверняка кто-нибудь успел скончаться до финального лобзания, но убийца не хотел рисковать.

Убийца? Кто он? Что это за третья сила, о присутствии которой в поезде я и не догадывался? Сам Миротворец? Допустим, он понял, что его «пасут», и, вспомнив молодость, расправился с «топтунами».

Ага, одной левой! Придет же в голову такая ересь. К тому же мафиози калибра Тафарелли настолько самоуверенны, что не носят с собой

---

[8] Примечания: 8

На слэнге американских гангстеров итальянского происхождения — контрольный выстрел.

оружия. Поэтому возьмем эту роскошную версию, забросим подальше и забудем, чтобы не было стыдно за собственную тупость.

Но кто тогда? Кто стрелял? И где синьор Тафарелли — живой или мертвый?

Поезд вошел в поворот, накренился, и дверь тамбура распахнулась, ударив одного из покойников по голове. В щели между ступенькой и полом что-то блеснуло. Я переступил через мертвеца и поднял изукрашенную серебряными узорами тросточку. Вот как исчез Лучано Тафарелли! Требуется лишь выяснить: он сам спрыгнул или ему «помогли»? А если «помогли», то кто: четверо, двое или один — тот самый горячий поклонник «прощальных поцелуев»?

А это что?

На полу лежала суконка для полировки меди.

Я кинулся обратно по коридору, пачкая ковровую дорожку кровавыми следами, и ворвался в свой отсек. Проснувшись, я и внимания не обратил, что сосед мой исчез. Только фляжка и широкополая шляпа на сиденье. Схватив фляжку, я побежал обратно. О том, что убийца может затаиться где-то в поезде, я даже не подумал.

Нечаянно, но, естественно, совсем не больно наступив на ногу одному из мертвецов, я про-

брался к двери, открыл ее пошире, ухватился за поручень и встал на ступеньку. Ветер бил меня по лицу. Внизу проносились кусты. Вдалеке появилась россыпь огней — Локвуд! Я примерился и прыгнул.

Я закатываю штанину и любуюсь огромной ссадиной, украшающей мое колено. Эх, до чего же я не люблю покидать поезда на полном ходу!

— А что это за чемодан? — наконец-то интересуется коп.

— Это его чемодан, — говорю я и показываю на покойника, распростершегося у ног полицейского.

— Откуда ты знаешь?

— Мы ехали в одном поезде.

— Ты за ним следил, да? — полицейский ухмыляется, он явно гордится своим дедуктивным мышлением. — Ты следил, а он тебя раскусил. Вот и решил выпрыгнуть. Сначала бросил чемодан, потом сам сиганул. И напоролся на камень. Голова всмятку, посмотреть не на что!

Ну не дурак? А если не дурак, то хуже.

На обочине шоссе останавливается «Форд» давно прошедшего года выпуска. Я опускаю штанину и встаю. Нога болит. Мало того, что я повредил ее при прыжке, так еще и натрудил, когда топал ми-

лю за милей по шпалам, а иногда по обочине то приближающейся, то отдаляющейся от железной дороги автотрассы.

Сначала я обнаружил место, где с поезда спрыгнул убийца: следы ковбойских сапог глубоко отпечатались в песке. Потом нашел роскошный, но теперь изрядно побитый чемодан Миротворца. Потом увидел полицейскую машину и этого придурка рядом с ней. В этом месте шоссе было проложено вплотную к железнодорожной насыпи. Должно быть, кто-то из шоферов увидел Тафарелли и позвонил куда следует.

— А ты не смотри, — советую я полицейскому.

Самому мне смотреть на то, что осталось от Миротворца, совсем не хочется. Мне хочется побыстрее свалить отсюда. Не сделал я этого пока по единственной причине: полицейским станется списать все на несчастный случай, а это идет вразрез с планами Балдмэна. Как я их понимаю.

— Его убили! — говорю я.

— С чего ты взял? — хмурится коп.

Я прикидываю, стоит ли говорить этому недоумку о трупах в тамбуре и открывать настоящее имя мертвеца? Нет, хватит с него и малости.

— Поезд шел в Локвуд. Я пришел со стороны города. Принес выброшенный из поезда чемодан.

— И что?

— При несчастном случае сначала вниз полетел бы чемодан, а уже потом спрыгнул бы человек.

Полицейский смотрит на меня пустыми глазами. Такие глаза обычно бывают у людей, которые не могут делать два дела одновременно: думать и говорить. Сейчас полицейский думал. Пытался.

— Повторить? — Мне становится его жалко.

Кожа на скулах полицейского нервно подергивается.

— Не надо, — бурчит он. — Сам вижу, что дело нечисто. Дешевая инсценировка! Его вытолкнули, это и ребенку ясно.

— На ручке чемодана могли остаться пальцы убийцы, — говорю я. — Моих там нет.

Он опять не понимает. Я достаю платок и вытираю им ладони.

— Ручка была обернута, — снисхожу я до объяснения, после чего направляюсь к дороге.

— Ты куда? — ударяется в спину недоуменный вопрос. — Я тебя не отпускал.

— Что?!

Только это я и успеваю сказать, потому что инициативу перехватывает Гарри Балдмэн. Он стоит у «Форда» и ждет меня — руки в карманах, сигара в зубах.

— Мы едем в Локвуд, — говорит он. — Если у вас есть о чем спросить мистера Колмена, вызывайте в Управление. Официально.

— Не так уж много мне известно, — напоминаю я, подходя к шефу.

— Это хорошо. — Балдмэн скептически оглядывает меня. Разорванный рукав, перепачканные брюки. Царапины на лице. Кажется, мой вид ему не нравится. — Ричард, помнится, ты не спросил, откуда я знаю, что Лучано Тафарелли отправляется в Локвуд. И правильно сделал. Никогда не спрашивай лишнего. Например, как я здесь оказался.

— Не буду, — обещаю я. — Мне кажется, скоро я и так получу ответы на все вопросы.

— Может быть, — говорит Гарри Балдмэн, частный детектив и несносный человек.

Глава 6
Девушка без вызова

Мистер Балдмэн — мой шеф, патрон, босс. Тут ничего не попишешь. Раньше надо было думать, когда соглашалась идти под его начало. Но я ведь не знала, что этот диктатор приставит меня к картотеке и не позволит даже приблизиться к настоящему делу. А я-то мечтала, что стану верной помощницей бесстрашного борца с преступностью и вместе с ним с улыбкой победительницы буду невредимой выходить из самых опасных передряг.

Как же! Дождешься от него!

Стоя над поверженной киллершей, я торжествовала в уверенности, что теперь-то все будет иначе. И тут разлюбезный шеф меня словно водой окатил. Как он сказал? «Только разберитесь с досье, мисс Хоуп». И весь разговор.

Одно хорошо — Дик теперь смотрит на меня другими глазами. И даже пытается ухаживать. Я не против, пусть. Собеседник он замечательный.

А какой Ричард внимательный! Когда отправлялся в Нью-Йорк, пообещал привезти

какой-нибудь сувенир. И не забыл, привез очень миленького ангелочка из ваты с прозрачными золотистыми крылышками и яблоком в крошечных ручках.

— Господи, что с тобой?

Такими словами встретила я его появление в нашем офисе.

— Споткнулся.

— Сам, — буркнул шеф, вошедший следом.

— Может быть, к врачу?

— Обойдемся без докторов, — поморщился Дик. — У нас есть какой-нибудь антисептик?

Десять минут я занималась исключительно тем, что обрабатывала антисептическим раствором царапины и ссадины на лице Колмена. До более интимных мест — голеней и коленей — он меня не допустил, сам справился, попросив оставить его одного.

— Пойдем ко мне в кабинет, Дженни, — сказал Балдмэн.

Мы вышли, а Дик остался. В дверях я ободряюще улыбнулась ему и получила ответную улыбку. Вообще-то мужчины плохо переносят всякого рода санитарные операции, вовсю капризничают, прячут руки за спину, протяжно стонут, но Ричард показал себя молодцом. Я им гордилась.

— Как ты относишься к лошадям? — спросил меня Балдмэн.

— К кобылам или жеребцам? — Все-таки я была очень зла на него. — Если вы о кобылах — это оскорбление, так меня еще никто не называл. Если о жеребцах — то это не ваше дело.

— А если без гонора? Кстати, он тебе не идет.

— А если без гонора, хотя это не гонор, а юмор, то никак не отношусь. Предпочитаю автомобили.

— Придется полюбить — и лошадей, и наездников.

— Это приказ?

— Это задание!

Я была огорошена. Неужто шеф осознал, опомнился и раскаялся? Даже не верится.

— Что я должна делать?

— Ты должна стать умалишенной.

— Биться в припадках и пускать слюни? — заинтересованно спросила я.

— Видимо, я ошибался, — с грустью в голосе произнес шеф, окутанный клубами сигарного дыма. — Ты слишком легкомысленна, Дженни, слишком молода. Лучше тебе оставаться здесь, в офисе. При документах.

— Я исправлюсь, босс! — Ужас отравления бумажной пылью обуял меня. — Обещаю больше не

ерничать и постареть в самое ближайшее время.

Балдмэн хмыкнул:

— А ты еще и строптива. Что ж, говорят, опираться можно лишь на то, что оказывает сопротивление. Дженни, тебе случалось играть?

— Во что?

— В жизнь. На сцене.

— На сцене — в колледже. В жизни и в жизнь… Осмелюсь напомнить, что недавно у меня был бенефис в госпитале имени Хопкинса.

— Да, там ты отыграла «на отлично». — Шеф, когда пожелает, может быть объективным. — Посмотрим, как ты справишься с ролью безумной воздыхательницы. У тебя когда-нибудь был кумир?

— В смысле? — растерялась я, мимоходом подумав, не намекает ли он на мое отношение к Ричарду. В будущем надо быть сдержаннее.

— Ты влюблялась в певцов, актеров, бейсболистов? Рыдала от счастья, оторвав на память рукав его пиджака? Было?

— Не было, — сокрушенно покачала головой я.

— Вот и дождалась. Завтра в Локвуде состоится родео, и тебе предстоит стать своей в толпе истеричных красоток, что осаждают этих разряженных современных ковбоев.

— Зачем?

Балдмэн не стал вдаваться в детали, ограничившись необходимым. Я не была в претензии: человек с его ответственностью и таким набором задач обязан быть сдержанным. Но и этой малости оказалось довольно, чтобы я поняла: беспокойство и обида были напрасны, поскольку мое положение в «Детективном агентстве Балдмэна» кардинально изменилось. В госпитале я сдала экзамен, успешно преодолев не только тест на IQ[9], но и гораздо более важное испытание — страхом. Так что с этого дня я не простая секретарша, а секретарша непростая: помимо бумажной работы, которая по-прежнему за мной, в круг моих обязанностей отныне входит сыскная деятельность.

— Спасибо, мистер Балдмэн.

Шеф чуть сигарой не подавился:

— Ты о чем?

— О доверии.

— А-а… Его еще надо оправдать.

— Я постараюсь.

— Вот тебе деньги на экипировку, и отправляйся-ка ты по магазинам.

---

[9] Примечания: 9
Коэффициент интеллекта.

Шеф отсчитал несколько банкнот и опять окутался облаком дыма.

Я открыла дверь приемной:

— Как ты, Ричард?

Колмен как раз поправлял брюки.

— Все нормально, — мужественно справился он с неловкостью.

— Дик, я ухожу. Могу заглянуть в аптеку.

— Не надо. А ты куда?

— Я ненадолго.

Вояж по магазинам отнял больше сил, чем я рассчитывала. Оказалось, приобрести соответствующий моей роли наряд не так-то просто. Я прошерстила с десяток бутиков и развалов секонд-хэнда, прежде чем набрела на лавчонку, торгующую необходимым мне шутовским облачением.

В магазинчике, притаившемся на окраине города, я провела, пожалуй, не меньше времени, чем потратила на его поиски. Зато вышла я из него вся увешанная коробками и пакетами, словно рождественская пальма, которыми в Локвуде подчас заменяют елки.

— Ну как? — спросил Балдмэн, когда я снова появилась в офисе.

Ричард тоже смотрел вопросительно. А еще в

его глазах была тревога. Я догадалась, что шеф посвятил его в свой план и Дик опять категорически против моего участия в операции.

— Не волнуйтесь, мистер Колмен, — сказала я. — По крайней мере на сей раз меня не обездвижат гипсом и не заставят страдать от якобы невыносимой боли. Я буду развлекаться!

— Это мне и не нравится, — проворчал Дик. — Уж очень ты веселишься!

— По-твоему, мне надлежит быть значительной, как на отпевании, и печальной, как при положении во гроб?

Я разозлилась и хотела выдать еще что-нибудь хлесткое, но Гарри Балдмэн хлопнул ладонью по столу:

— Заткнитесь!

Покраснев, я заткнулась. Колмен тоже заткнулся, но сохранил естественный цвет лица.

— Показывай, — последовало новое распоряжение, и я дернулась было открыть одну из принесенных коробок.

— На себе, — конкретизировал шеф.

Я выпорхнула в приемную и тщательно прикрыла за собой дверь. Нет, я не опасалась, что двое взрослых мужчин, отпихивая друг друга, будут подглядывать, как я переодеваюсь, но осто-

рожность в отношении между полами никогда не бывает лишней.

Только через десять минут я предстала перед ними.

— Как я вам?

Будь у них нервы не такими крепкими, они бы ахнули. А так — потрясенно промолчали.

Что и говорить, наряд мой был неотразим и потому заслуживает подробного описания. Итак, на мне было:

1) мягкие полусапожки на низком каблуке;

2) джинсы, расширявшиеся к низу за счет кроя и эффектных разрезов по бокам, причем вдоль разрезов топорщилась желтая бахрома;

3) рубашка — розовая, как у Джона Уэйна[10]; кокетка рубашки, охватывающая мои хрупкие плечи, была щедро расшита бисером;

4) шляпа-стетсон с лихо загнутыми полями и густо обмотанной серебряной тесьмой тульей;

5) ремень — результат сочетания умелых рук и дурного вкуса; он был широким, простеганным цветными нитками, с огромной пряжкой в виде скрещенных ножей.

Ничего не забыла? Ах да… На бедре, где у леген-

---

[10] Примечания: 10

Киноактер, прославившийся ролями в вестернах.

дарных надзирателей за коровами располагается кобура с длинноствольным «Кольтом», у меня болтался кожаный футляр, прикрепленный к ремню двумя цепочками.

Еще одна цепочка, обвивая ногу, мешала футляру при ходьбе лупить меня по ягодицам.

— Это что, вместо дамской сумочки?

Гарри Балдмэн обрел присутствие духа и дар речи раньше Ричарда. Тот, похоже, никак не мог прийти в себя от моего сногсшибательного вида.

— Не только, — сказала я. — Там и для электрошокера места хватит.

— А что? Мне нравится, — заключил шеф. — Типичная сумасшедшая!

Дик угрюмо кивнул, выражая тем самым согласие с оценкой главы «Детективного агентства Балдмэна».

Я зарделась от похвалы и спросила:

— Шеф, а почему вы так уверены, что убийца придет на родео? Может, в поезде был просто маскарад и никакой он не «ковбой»?

— А я не уверен, — сказал Балдмэн, — но это ничего не'меняет.

На это возразить мне было нечего.

Более подробно о мотивах шефа мне поведал Ричард, когда мы уединились с ним в приемной,

чтобы выпить по чашке кофе.

— По идее, убийце следовало одеться попроще, нацепить очочки, раствориться в толпе. В общем, стать невидимкой в точном соответствии с формулой Честертона[11], которую шеф так любит цитировать, хотя вряд ли помнит, кому она принадлежит. Ну, ту самую, о листьях в лесу и камнях на берегу. Однако он поступил иначе, вырядившись как петух. О чем это говорит? О высокой вероятности того, что наш киллер — из фаталистов, всецело вверяющих себя судьбе. Их кредо: что будет — то будет! Так стоит ли дергаться, маскироваться, просчитывать ходы, коли по большому счету это никакого значения не имеет? Если «ковбой» из поезда действительно, помимо заказных убийств, занимается объездкой мустангов и укрощением быков, то для него непривычная глазу обывателя одежда — в порядке вещей. Более того, «ковбой», не исключено, еще и фетишист. Раз провернув удачное дельце, то есть пристрелив кого-нибудь легко, без затей и отягчающих собственную жизнь последствий, он мнит свой костюм «счастливым» и не откажется от него до тех пор, пока на чем-нибудь не

[11] Примечания: 11

Гилберт Кийт Честертон — английский писатель, один из основоположников детективного жанра.

споткнется.

— Хлипкие построения, — скептически заметила я.

— Согласен. Я сказал ему то же самое. И знаешь, что он мне ответил? Ничего! Достал из сейфа тощенькую папочку, а из нее — официальный циркуляр Центрального полицейского управления Локвуда. В этом циркуляре начальство извещает подчиненных о розыске убийцы банкира Иеремии Розенблюма. Помнишь, его застрелили два месяца назад? Убийца, по словам свидетелей, был в стетсоне, замшевой куртке и ковбойских сапогах.

Я подняла руки:

— Сдаюсь, — и тут же их опустила. — Все равно хлипко. Допустим, никакой он не наездник, а простой зевака, любитель поп-корна и массовых зрелищ. На трибунах таких тысячи, и каждый второй в «ковбойском» наряде. Пойди узнай его!

— Но попробовать стоит, — сказал Колмен.

— Стоит, конечно, — не стала спорить я.

Этим мы и занялись на следующий день — испытанием на прочность метода проб и ошибок.

К арене мы подкатили на «Форде» Балдмэна. Стоянка для машин была переполнена. Кое-как припарковавшись, мы разошлись в разные сто-

роны: шеф и Ричард — покупать билеты; я же, загребая пыль чуть длинноватыми джинсами, направилась к загону, где у ограды толпились служители и наездники. Девицам моего статуса не пристало обзаводиться, билетами, их проводят просто так… или в расчете на грядущую благодарность самого интимного свойства.

Ричард как мог точно описал своего попутчика в поезде, и я не сомневалась, что тут же узнаю его, если, конечно, он соизволит явиться на родео. Но когда я подошла к загону, разделенному на множество отсеков, где томились несчастные животные, ожидавшие решения своей сценической участи, то уже не была так самонадеянна. Слишком много их было — участников состязаний и обслуживающего персонала, призванного поддерживать порядок на арене и вокруг нее. Причем все были одеты одинаково: те же шляпы в три галлона, которые они без конца поправляли, те же штаны с бахромой по швам и кожаным седалищем, те же прилипшие к губам сигареты «Мальборо». Ну как в таком столпотворении найти убийцу полномочного посла мафии Лучано Тафарелли?!

Я влилась в ряды «отряда поддержки», состоящего исключительно из представительниц

прекрасного пола.

— Ты кто такая? — спросила меня коренастая деваха с обветренным лицом, не ведавшим, что такое косметика.

— Дженни, — нимало не слукавила я. — А ты кто?

— Ники Риган. Я — девушка Косматого Би.

— Ясно, — уважительно протянула я, хотя не знала, кто такой Косматый Би. — Я только что приехала в Локвуд, и у меня нет парня. Был, его звали Шестирукий Койот, но он покалечился на тренировке и загремел в больницу.

— А почему ты здесь? — подозрительно спросила Ники. — Почему не с ним?

— Если бы ты знала, дорогуша, как он покалечился, то обошлась бы без вопросов. Он получил копытом в пах. Ясно?

— Куда яснее. Ищешь нового мужика?

— А у вас есть свободные?

— Самцов хватает, но чтобы не козлы и не драчуны, такие наперечет. И у каждого своя подружка. Отбивать не советую. У нас девки крутые, враз отметелят.

— Это еще кто кого отметелит, — обиделась я и сплюнула сквозь зубы.

— Ты вот что, — деваха уважительно посмот-

рела на меня. — Попробуй подкатиться к Майку Твистеру. Говорят, он со своей прежней в пух и прах разругался. Авось глянешься.

— Где его найти?

— Да вон он, у решетки.

Я посмотрела в указанном направлении и увидела мужчину лет сорока, крепкого телосложения, с волевым подбородком и мускулистыми руками. Мужчина стоял у решетки из деревянных брусьев, отгораживающей загон от коридорчика, ведущего на арену, покачивался с носков на пятки и дымил сигаретой. Сердце мое учащенно забилось, потому что Майк Твистер был похож на словесный портрет убийцы Лучано Тафарелли. Но я осадила себя, вспомнив, что похож на убийцу Миротворца здесь не только он. В чем, в чем, а в этом я уже успела убедиться.

— Попробую охомутать.

— Удачи! — пожелала Ники.

Старательно вихляя бедрами, я подошла к Твистеру и развязно приветствовала его:

— Привет, красавчик.

Мужчина скосил глаза, огладил меня ими с головы до ног, уделив особое внимание распирающему рубашку бюсту, и начал с хамства:

— Я тебя не вызывал.

— А я без вызова.

— Ты кто такая? Я тебя не знаю.

— У тебя есть шанс познакомиться со мной поближе, — сказала я игриво. — Ты ведь Майк? Майк Твистер? Можешь называть меня Дженни.

Нам приходилось повышать голос, чтобы перекрыть рвущийся из динамика над головами супершлягер нынешнего года — развеселую песенку группы «Бич Бойз». Что-то там о серфинге, бикини, бурном море и бурной любви…

— Откуда будешь, девочка?

— Из Дакоты.

— Далеко забралась.

— Тебя искала.

— Ой ли! — Твистер ухмыльнулся. — Хочешь попасть в первый ряд? — не глядя, он указал за спину, в сторону трибун.

— Не откажусь. А ты сможешь это устроить?

Это была примитивная провокация, но она удалась. Майк Твистер клюнул:

— Я-то? Да ты знаешь, кто я? Меня все знают! Я все могу! Иди сюда…

Он схватил меня за руку, привлек к себе и хотел поцеловать, но я извернулась и оказалась на свободе.

— Потом, — охладила я жеребца в стетсоне, но

пообещала, чтобы он вовсе не охладел ко мне:
— Вечером я устрою такое, что ты будешь вспоминать об этом до конца дней.

— Чьих?

— Своих, естественно, чьих же еще?

— Твоих.

Ухмылка опять перекосила лицо Твистера, и ответ его показался мне совсем не забавным, а зловещим.

— Хорошо-хорошо, — принужденно засмеялась я. — Мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день. Так что не надо спорить: твоих, моих…

Твистер поправил шляпу.

— Ладно, с этим покончили. Теперь слушай меня! Первым выступает вон тот пентюх из Оклахомы, потом еще парочка дурней, которые не в состоянии отличить гриву от хвоста, затем моя очередь. Придется показать класс. Хочешь — побудь здесь; хочешь — отправляйся на трибуну и приходи после выступления. Я тебя насчет вечера за язык не тянул. Сама сказала. А я не выношу, когда меня обманывают. Одна попыталась, так сейчас зубы вставляет.

— Будешь доволен, милый. Заснуть не дам. И не надейся.

— Смотри!

Майк Твистер погрозил мне пальцем и снова поправил шляпу, оставив на чистых, еще не обмятых полях отпечатки грязных пальцев. Мне тут же захотелось вытереть руку, которой они касались. Но я стерпела.

— Я тут останусь, с тобой, — жеманничая, сказала я, высунула язык и медленно облизала губы.

— Оставайся. Только не мешай.

Музыка над нами смолкла, и динамик заговорил бодро и жизнерадостно:

— Леди и джентльмены! По традиции, родео открывается парадом участников. С приветствием к ним и всем собравшимся выступит мэр города мистер…

На трибунах захлопали. Но аплодировали собравшиеся явно не мэру, которого в Локвуде недолюбливали за бесхребетность и бессилие обратить жизнь к лучшему, а наездникам, выходившим на арену.

У меня появилась возможность рассмотреть их всех.

Что я и сделала.

Ничего обнадеживающего! Каждый из них в равной степени мог быть убийцей из поезда: высокие, стройные, жилистые, загорелые — как

на подбор, об одежде и говорить нечего.

Отчаявшись распознать преступника, которого в этой шеренге, кстати, могло и не быть, я стала искать глазами Балдмэна и Ричарда. В мозаике лиц сделать это было нелегко. Вдруг я заметила взметнувшуюся над головами руку. Присмотревшись, я увидела и шефа, и Дика, причем последний отчаянно махал рукой, явно привлекая чье-то внимание. Чье, интересно? Да мое!

Он что-то хотел сказать. Он подавал знак. Но — что сказать? Какой знак? Не проще ли спуститься с трибуны, подойти к загону и объяснить все по-человечески? Не проще. Особенно сейчас, когда мэр завершил свою речь, помянув напоследок отцов-пилигримов[12]. Трибуны забурлили. Все вскочили, закричали, заулюлюкали.

Нет, не проще. Как тут проберешься? А дело, видно, срочное…

Балдмэн тоже встал и тоже поднял руку. Я прищурилась и разглядела, что три пальца его руки, как и у Дика, прижаты к ладони, а указательный и средний выпрямлены по примеру Уинстона

---

[12] Примечания: 12

Первые переселенцы-пуритане, прибывшие в Америку на корабле «Мейфлауэр».

Черчилля[13]. Мы победим? Конечно, победим, кто бы сомневался. Ну и что?

В растерянности я перевела взгляд на шеренгу участников, которые в этот момент, сняв стетсоны, кланялись уважаемой публике. Слегка переломился в пояснице и стоявший вторым слева надменный Майк Твистер. Вот он выпрямился, нахлобучил шляпу на голову. «Стоп!» — сказала я себе. Дик говорил, что убийца-фетишист оставил шляпу в вагоне. Значит, он должен был купить себе, другую. А у Твистера шляпа совсем новая, не побитая пылью, не заляпанная пальцами, без заломов на полях…

И тут я поняла, что пытаются сказать мне Балдмэн и Ричард. «V» — это не только «победа», это еще и «два». А какие руки подняли мои коллеги? Левые! Значит, отсчет нужно вести слева…

Ричард опознал убийцу. Это Твистер!

Наездники между тем покинули арену.

— Ну что, крошка, нравится? Да ты, никак, вся горишь.

Проклятый румянец выдал мое волнение.

— Как ты хорош, Майк! — воскликнула я. — Ну когда, когда же мы останемся вдвоем? Черт с ним,

---

[13] Примечания: 13

Премьер-министр Великобритании ввел в обиход этот жест, обозначающий букву «V». Victory *(англ.)* — победа.

с вечером. Я вся дрожу от нетерпения!

Для убедительности я даже выдала несколько танцевальных па, в ритме степа поколотив своими полусапожками землю.

— Это радует, — польщенно проговорил Твистер. — Но придется подождать. Соревнование начинается.

В коридорчик загнали быка. На него взгромоздился рослый парень со светлыми, цвета пшеничных колосьев, непослушными волосами. Он поерзал, правой рукой ухватился за ремень, опоясывающий быка, другую отвел в сторону.

Двое служителей в клоунских одеждах распахнули дверцу, и бык выбежал на арену. Там он принялся бросаться из стороны в сторону, при этом высоко подбрасывая зад. Парень изо всех сил старался сохранить равновесие и подобие власти над животным, но при очередном толчке слетел со спины быка и грохнулся на землю.

Тут же подскочили «клоуны», закривлялись, замахали руками, отвлекая внимание животного, уже изготовившегося вбить в землю человека, покусившегося на его свободу. Бык кинулся на одного «клоуна», остановился, кинулся на второго,

наконец застыл как буриданов осел[14], мотая головой из-за невозможности сделать выбор между двумя равно привлекательными жертвами. В конце концов он так ослабел в своих раздумьях, что позволил, не сопротивляясь, увести себя с арены.

Майк Твистер хохотал, отпуская сальности по адресу пшеничноволосого парня. А того положили на носилки и загрузили в машину «Скорой помощи», которых стояло у загона не меньше десятка.

— Пусть убирается в свою Оклахому коров осеменять, — веселился Твистер. — Только на это и способен.

Я молча улыбалась, терпеливо снося презрительные взгляды, которыми награждали меня и моего «избранника» окружающие. Радоваться чужой беде здесь было не принято, но Майк Твистер явно плевал на обычаи.

— Ты погоди, сейчас еще не так посмеемся, — сказал он, когда в коридорчик ввели выгибающего шею и норовящего вцепиться зубами в подвернувшуюся руку гнедого жеребца. — Держу пари, эта деревенщина не продержится и десяти

---

[14] Примечания: 14

Осел из сочинений французского философа Жана Буридана. Стоя между двумя охапками сена, он умер от голода.

секунд.

Твистер оказался прав: наездник, словно камень из пращи, отправился в полет над ареной на седьмой секунде.

— Что я говорил? — торжествовал негодяй. — Следующий паренек вроде покрепче, и конек под ним вроде поплоше, так что отведем на все про все двадцать секунд.

И снова Твистер не ошибся. Наездник слетел со спины брыкающейся лошади на восемнадцатой секунде. В отличие от предшественника, который смог доковылять до загона ца своих двоих, его подхватили санитары, и через минуту вторая «Скорая помощь», включив сирену, вырулила на дорогу, ведущую к центру Локвуда.

— Ну, теперь мое слово, — сказал Твистер. — Пожелай мне удачи, девочка.

— Желаю…

Вот сейчас он уйдет, думала я, сядет на быка и усмирит его. Конечно, усмирит. Вон как спокоен! Такое спокойствие — от опыта, от уверенности в своих силах. А что потом? Получит приз и вернется ко мне за обещанной — не устроителями родео, а мною! — наградой. Или не вернется. Почувствует опасность, как ее волки чувствуют, и исчезнет. Где его потом искать? Да, фамилия,

имя… Наверняка и адрес его имеется. Без документов его к соревнованиям не допустили бы. Но кто поручится, что они подлинные, а не фальшивые? Нет такой гарантии. Что же делать?

Я оглянулась. На трибуне ни Балдмэна, ни Ричарда уже не было. Потом я увидела их. Они стояли довольно далеко от меня, у полицейского оцепления, ограждающего эту часть арены от зевак, и пререкались с копом, который, как заведенный, отрицательно качал головой.

Что же делать? Поднять крик: «Держите убийцу»? Не выйдет: начнется паника, и в суматохе Твистер преспокойно улизнет.

Что делать? Самой вцепиться? Так меня же и скрутят! Я ведь кто? Экзальтированная девица в розовой рубашке, расшитой бисером. Таких здесь полно, и от таких всего можно ожидать, любой выходки. А Твистер опять же скроется…

Вот если бы бык сбросил его и потоптал немножко, не до смерти. Но на это способен только взбесившийся бык! Где его взять?

— Майк! Подожди! — крикнула я и ввинтилась в толпу у загона.

Вынырнула я у самого коридора.

— Майк!

— Чего? — хмуро бросил он, пристраиваясь на

спине огромного быка.

Это был не бык, а настоящее чудовище. «Выдержит, — решила я. — Должен выдержать». Смерть животного в мои планы не входила.

— Удачи тебе.

— Я готов, — объявил Твистер. — Открывайте.

«Клоуны» взялись за запоры, а я — за ремешок футляра, пристегнутого к моей ноге. Когда дверца стала открываться, я просунула руку с электрошокером сквозь деревянную обрешетку и воткнула штырьки в бедро животного.

Раздался дикий рев. Бык пулей вылетел на арену и, так взбрыкнул, что удержаться на его спине не смог бы и Баффало Билл[15]. Что уж говорить о каком-то Майке Твистере. Через мгновение он уже лежал на земле, а я молилась, чтобы бык и впрямь не растоптал его. Он нам живой нужен!

«Клоунам» насилу удалось успокоить быка, который все изгибался дугой, чтобы посмотреть, какая такая муха укусила его — и так больно!

Санитары положили неудачника на носилки и понесли знакомой дорожкой к «Скорой помощи». Я уже ждала их там.

Из ноги раненого торчал обломок кости, на

---

[15] Примечания: 15

Знаменитый охотник, организатор первых родео.

губах пузырилась пена, но Майк Твистер был в сознании. Это меня устраивало.

— Это ты? — прошептал он, увидев меня.

Я ответила таким тоном, чтобы он единственный понял все правильно:

— Это я. — И добавила совсем тихо: — Получил свое, гад?

Глава 7
Заказчик

— Да, мистер Балдмэн… Конечно, мистер Бадцмэн… Проходите, мистер Балдмэн… Но только вы, мистер Балдмэн!

Доктор Палмерстон ведет меня за собой, а я размышляю над тем, какое значение в нашем деле играют личные контакты и взаимные обязательства. Колоссальное!

Врач муниципальной больницы Локвуда многим мне обязан. Конечно, не так, как его коллеги из госпиталя имени Хопкинса, которых в свое время я спас от грандиозного скандала. На кону была их профессиональная состоятельность. Медиков обвиняли в некомпетентном лечении, повлекшем за собой смерть пациента. Не одну смерть, не один десяток смертей… Мне пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось доказать, что это — тщательно продуманная афера, в которой участвовали сотрудники страховых компаний, «независимые.» эксперты и «безутешные» родственники покойных. С мистером Палмерстоном все иначе. Здесь частный интерес и личная

признательность.

Помнится, именно в тот день, когда мы с Колменом ездили в Вест-Крик, Ричард вручил мне конверт с фотографиями, изобличающими доктора как неверного супруга. Сделаны снимки были по заказу миссис Палмерстон, подозревавшей мужа в измене. Подозрения таким образом стали документально подтвержденными, что обеспечивало миссис Палмерстон безоговорочную победу в грядущем судебном разбирательстве и лишение ее сластолюбивого супруга значительной части собственности в пользу подавшей на развод жены. На счет «Детективного агентства Балдмэна» была переведена причитающаяся за услуги сумма, а дело отправилось в архив. Но тут к нам в контору наведался доктор Палмерстон…

Такое случается. Разъяренные мужья и жены, оставшиеся без благоверных и имущества, периодически заходят к нам для выяснения отношений. Вплоть до рукоприкладства. Мужчины махают кулаками, женщины норовят вцепиться в лицо — но у нас не забалуешь! Я вообще не привык миндальничать, когда мне пытаются съездить по физиономии, и отвечаю ударом на удар. Дженни прилично владеет приемами самозащиты, а Колмен без проволочек встречает

нападающего хуком в челюсть, а если это дама, то интеллигентно заламывает ей руки.

Мистер Палмерстон драться не собирался. Он хотел стать нашим клиентом. По его словам выходило, что миссис Палмерстон так же грешна, как и он. И в том же!

— Вы думаете, мне неизвестно, куда и к кому она отправлялась, говоря, что едет к мамаше в Вайоминг? Да она у матери не была лет десять! Как уехала поступать в университет, так и сгинула. В мотель она отправлялась, к любовнику! Думаете, сочиняю? Думаете, это я со злости? Да если хотите знать, у нас молчаливый уговор был: она мне не мешает, я — ей. И вот на тебе: решила меня поиметь!

— От нас-то вы что хотите? — перебил доктора Колмен, подпиравший спиной косяк двери.

— Я хочу, чтобы вы ее сфотографировали. Ну, за этим самым. Снимок против снимка, факт против факта. И мы еще посмотрим, чью сторону примет суд.

— Она может затаиться.

— Не станет она этого делать. Она ведь дура! Я вам так скажу: эта затея с фотографиями и разводом — не ее произведение. Она на такое не способна. Это любовничек ей насоветовал, он

состряпал.

— А кто у нас любовничек?

— Так разве их всех упомнишь!

Я переглянулся с Ричардом. Похоже, наши мнения совпадали: надо брать!

— Хорошо, мистер Палмерстон, — сказал я. — Мы рассмотрим ваше предложение несмотря на то, что в нюансах оно противоречит профессиональной этике.

— Я заплачу!

— Это естественно. Давайте вернемся к разговору завтра.

До завтра мы с Колменом при активной помощи Дженни Хоуп успели навести необходимые справки и кое-где побывать.

Мистер Палмерстон был кругом прав: его супруга оказалась той еще вертихвосткой, причем у нее и в мыслях не было поумерить свой пыл хотя бы до суда. Что ж, сама напросилась.

— Мы согласны, — объявил я доктору, пришедшему за ответом.

Через несколько дней мы вручили ему конверт со снимками. Эти фотографии Палмерстон в тот же день раскинул веером перед женой и ее адвокатом. Это был сильный ход. Сутяга-законник, которого наняла супруга доктора, оценил его по

достоинству и дал совет клиентке разрешить конфликт полюбовно, дескать, чего между милыми не бывает.

— Спасибо, мистер Балдмэн, — сказал доктор, выписывая чек на предъявителя. — Теперь все в порядке.

— На чем вы остановились? — спросил я, забирая чек.

— Будем жить, как жили.

— Значит, развод не состоится?

— Какой развод? Что за глупость? Минус и минус дают большой жирный плюс, то бишь крепкую семью, оплот государства. Но вам я премного благодарен. Если что…

Вот так люди моей профессии и «обрастают» нужными контактами. Я ведь думать не думал, что когда-нибудь воспользуюсь встречными услугами доктора Палмерстона. Но допускал, что такая необходимость может возникнуть.

Она и возникла.

Майка Твистера привезли в муниципальную больницу Локвуда. Мы с Дженни и Диком последовали за «Скорой помощью». Мне очень хотелось перемолвиться с Твистером парой слов, а узнав, что везут его в чертоги мистера Палмерстона, я не сомневался, что мне удастся это сделать.

Колмена и Дженни со мной, правда, не пустили, да в том и не было особой нужды.

— Прошу сюда, мистер Балдмэн.

Я поднимаюсь по ступеням бесконечно длинной лестницы. От стен больничных коридоров веет холодом. Обладай я неконтролируемым воображением, мне бы показалось — могильным.

— Сюда, пожалуйста.

Палата залита светом. На высокой койке, купаясь в свете бестеневых ламп, лежит Твистер.

— Оставьте нас, — говорю я тоном, не терпящим возражений.

Доктор Палмерстон выразительно показывает глазами на дверь, и две женщины в форменном облачении, до того суетившиеся у побитого быком «ковбоя», покидают помещение. Делают они это беспрекословно, однако награждают меня таким взглядом — одним на двоих, — что, будь я из более горючего материала, вспыхнул бы ярким пламенем. К величайшему сожалению коллекционеров аномальных явлений, во мне слишком много жидкости, а медсестры не владеют пирокинезом в достаточной степени, поэтому я сохраняю целостность кожного покрова, на котором не наблюдается и малейшей подпалины.

— Вы — тоже.

Доктор Палмерстон идет к двери, берется за ручку и напоминает:

— Вы обещали.

А обещал я ему, что моя беседа с Майком Твистером не продлится более пяти минут, по истечении которых пациент останется в прежнем виде, то есть без вновь приобретенных увечий.

Я киваю и этим ограничиваюсь, поскольку Твистеру, напряженно следящему за мной, о нашей договоренности с доктором знать совсем не обязательно.

Обычно допрос подозреваемых ведут двое, такова сложившаяся практика, где один полицейский — «злой», а другой — «добрый». Я же в единственном числе, разделение ролей невозможно, а потому должен быть либо мягким, либо жестким, либо сочувствовать и верить всякой небылице, либо орать и грозить газовой камерой. Такой вот выбор… Которого на самом деле у меня нет. Я не собираюсь вникать в сплетение жизненных невзгод Твистера и выяснять, как отцовские издевательства над неокрепшим детским сознанием сподвигли маленького Майкла повесить свою первую кошку. Я не психоаналитик, и передо мной не великовозрастный балбес, а хладнокровный убийца. Поэтому я — «плохой

полицейский».

— Вы из полиции? — спрашивает «ковбой».

Я не отвечаю. Знать, что я не государственное лицо, а частный детектив, которого можно и подальше послать, ему также не обязательно.

Мое безмолвие действует на Твистера надлежащим образом. Ему вкололи обезболивающее, и сломанная нога уже не тревожит его так, как предстоящий разговор с плешивым субъектом, выгнавшим из палаты медиков и не считающим нужным выдать скороговоркой дежурную формулу: «Вы можете хранить молчание… Все сказанное может быть обращено против вас…»

Майк Твистер все больше нервничает. Еще немного, и он будет готов к самым крупным неприятностям в своей жизни.

Ну, пожалуй, хватит издеваться над несчастным киллером. Пора задать ублюдку пару-тройку вопросов. Начнем с главного:

— Кто тебя нанял?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Голос у Твистера визгливый. Сейчас в нем нет ничего от самоуверенного хамоватого красавчика, каким он был на родео.

— Кто тебя нанял? — повторяю я.

— Не понимаю… — берет с меня пример Тви-

стер.

Приходится объяснить:

— Ладно, парень. Вижу, умножать в уме ты не умеешь — только на бумажке и в столбик. Что ж, я, конечно, не учитель, но придется расписать тебе последовательность действий. Чтобы на будущее ты не возмущался понапрасну, а быстренько соображал, что от тебя требуется. Кстати, ничего, кроме правды, мне не нужно. Так вот, малыш, не так давно, можно даже сказать, недавно, тому день-два, в тамбуре поезда, следовавшего из Нью-Йорка в Локвуд, были обнаружены четыре мертвеца с множественными следами предсмертного насилия. Выяснить, что все четверо были людьми с запятнанной репутацией и уголовным прошлым, труда не составило. А еще из поезда исчез пассажир, которого позже нашли у железнодорожного полотна с проломленным черепом. Этим человеком оказался Лучано Тафарелли, весьма уважаемая в специфических криминальных кругах личность. Ты, разумеется, можешь возмутиться: «При чем здесь я?» А вот при чем: тебя видели в поезде и готовы свидетельствовать об этом под присягой; ты тоже покинул состав, не дожидаясь конечной станции, и так торопился, что не прихватил с собой фляжку и шляпу; на

фляге остались твои отпечатки пальцев, их же нашли на ручке чемодана синьора Тафарелли. Вывод: это ты его пришил! И не только его. Мертвецы в тамбуре — все или некоторые — тоже твоих рук дело. Но эта мелюзга меня не интересует, в отличие от Лучано Тафарелли. Впрочем, и он занимает меня лишь постольку-поскольку. Вот почему я спрашиваю: кто тебя нанял?

— Вы ничего не докажете, — говорит «ковбой».

— Ну и туп же ты, братец. Ничего доказывать я не собираюсь. Я просто скажу Джованни Кроче и Фрэнку Барези, что ты находишься в этой больнице, и посмотрю, кто из них пошлет сюда «чистильщиков».

— Тогда зачем… — начинает Твистер, меняясь в лице.

— Будем считать — из человеколюбия. Ты сообщаешь, кто дал заказ на Тафарелли, а я гарантирую, что полиция окажется здесь раньше бандитов.

— Мне все равно не жить.

— Не исключено. Но сколько-то времени в тюрьме ты протянешь. А для приговоренного к смерти каждый день — вечность.

Твистер думает, собирая в складки кожу на лбу.

Я подхожу к койке и задумчиво смотрю на ногу «ковбоя», подвешенную на блоке. Майк Твистер начинает елозить, глаза его округляются от страха. Он догадывается, что сейчас его будут пытать — и с особым цинизмом!

— Болит? — участливо спрашиваю я.

— Я его не знаю! — кричит «ковбой».

— Но с кем-то же ты разговаривал, так?

Моя ладонь ложится на рычаг тормоза, удерживающего блок от вращения.

— Я его не знаю! Мне позвонили… Мы встретились…

— Опиши его! Он высокий? Коротышка? Толстый? Худой? Одноглазый? Криворукий?

— Он не одноглазый. Он хромал!

— Мало.

— У него крест с сапфирами на шее.

— Еще.

— Все!

Я убираю руку с тормоза.

— Верю.

Пять минут истекли, мне пора уходить. Когда это не мешает моим планам, слово свое я стараюсь держать.

— Вы позвоните в полицию? — спрашивает вдогонку Твистер.

— Обязательно, — обманываю я.

Я уже позвонил Уиллу Дженкинсу, все рассказал и выторговал себе четверть часа форы. Совсем скоро у палаты Твистера сядет человек пять вооруженных до зубов копов. Дженкинс так переживает из-за фиаско с сестрами-убийцами, что сейчас промашки не допустит. В благодарность за содействие в поимке убийцы Тафарелли (это Уилл сообщил мне о трупе Миротворца) он даже заверил, что не утаит от меня и крупинки информации, полученной от Твистера. Не сомневаюсь, так бы и случилось, но я не хотел рисковать. Кто его знает, насколько умелыми будут полицейские, а у меня свои методы общения с ранеными «ковбоями». К тому же у мафии на редкость длинные руки, так что Майк Твистер все-таки может предстать перед Всевышним раньше, чем перед следователями.

«А еще — время, — говорю себе я. — Тоже фактор».

Я уже знаю имя заказчика и встретиться с ним намерен до того, как к нему явятся полицейские с ордером на арест. А раз мне известен заказчик, то теперь я знаю, кто в Локвуде более других хочет войны мафиозных кланов. Этими сведениями я обязательно поделюсь с его конкурентами.

— Как он, шеф?

Дженни возбуждена — в обычном смысле слова, и это ей идет.

— Передавал тебе привет.

— Куда мы теперь?

Колмен, в отличие от мисс Хоуп, больше думает о будущем. Похвально. Или я ошибаюсь? Просто ему вести машину, вот он и спрашивает — куда.

— Хочу навестить Фрэнка.

— Это он?

Я улыбаюсь.

Да, преждевременную смерть Лучано Тафарелли оплатил Барези. Когда Твистер сказал, что разговаривал с ним хромоногий обладатель большого креста с сапфирами, я сразу подумал о любителе девочек по имени Марко, которого видел на заводе в Вест-Крике. Правда, я не помню, чтобы крест у того был с камнями, но уверен, что в качестве переговорщика к киллеру ходил именно Марко. Не по собственной, естественно, инициативе.

Улицы города забиты машинами под завязку, но Дик показывает чудеса вождения, и мы довольно быстро оказываемся в пригороде, где дома — опрятнее, дороги — шире, автомобилей — меньше.

Проехав еще два-три километра по шоссе, мы попадаем в места и вовсе идиллические. Высокие ограды из остроконечных пик не закрывают обзора и не портят картины. А посмотреть тут есть на что. За деревьями виднеются стены роскошных особняков, перед которыми водители в фуражках натирают до блеска дорогущие лимузины. Везде цветы, увитые виноградом беседки, бассейны с вышками для ныряния.

У кованых ворот с золочеными вензелями из переплетающихся букв «Ф» и «Б» стоят двое охранников. Их пиджаки топорщатся там, где под мышкой укрывается кобура с пистолетом.

— А он нас пустит? — беспокоится Дженни. — Может и не пустить. Имеет право. Частная собственность.

— Я волшебное слово знаю, — успокаиваю я ее.

Один из охранников подходит к нашему «Форду».

— Куда?

— Передайте синьору Барези, я хочу поговорить с ним о Миротворце.

— А кто вы такой?

— Меня зовут Балдмэн. Гарри Балдмэн.

— Хорошо, что не Джеймс Бонд, — бормочет охранник, простоватое лицо которого обманчиво

свидетельствует об отсутствии у него чувства юмора.

Он возвращается к воротам, снимает трубку телефона, спрятанного под пластиковым козырьком, что-то говорит в нее. Я вижу, как он кивает, и… ворота распахиваются.

Колмен трогается и медленно едет по усыпанной гравием дорожке. Миновав пруд с розовыми фламинго, он сворачивает под сень кипарисовой рощи. Вскоре деревья расступаются, открывая аккуратно подстриженные лужайки с вешками для игры в гольф.

А вот и дом, который построил Фрэнк!

Здание с арками и колоннами напоминает мавританский дворец. Таковым оно и является, поскольку Барези вывез его из испанского городка Пуэрто-де-Санта-Мария, что недалеко от Кадиса. В этом был особый шик: не построить, скопировав, а разобрать, вывезти и вновь собрать. Пусть все знают, что Фрэнк Барези может позволить себе любые траты!

Нас ждут.

Седовласый джентльмен в ливрее с позументом провожает нас под высокие своды. Ричард и Дженни остаются в холле, а я иду дальше. Да, неплохо устроился вчерашний малолетний босяк

из итальянского квартала Локвуда. Гобелены на стенах, китайский и мейсенский, фарфор, статуэтки из черного дерева. Неплохо!

— Как ты узнал?

Фрэнк Барези торопится мне навстречу.

— Это моя работа, — скромно ответствую я.

— Хорошая у тебя работа! Нужная. И как хорошо, что ты приехал. Какое горе! Я любил его как брата!

— Кого?

— Марко. Дева Мария, зачем он это сделал, несчастный?!

Пять минут спустя я уже в комнате охраны. Она небольшая, в ней только и помещаются, что стол, два стула и оружейная пирамида с помповыми дробовиками.

Стол залит кровью. На столе — револьвер. Пальцы правой руки телохранителя касаются рубчатой рукоятки. Левая рука бессильно свисает. Голова покоится на спинке стула.

Залита кровью и грудь Марко. В крови и крест с сапфирами. Марко выстрелил себе в сердце. Или ему выстрелили.

— Что произошло?

Барези стоит в дверях и смотрит на мертвеца. Страдание искажает их лица — Фрэнка и

телохранителя. Разница в том, что у одного оно наигранное и временное, у другого — неподдельное и навсегда.

— Я зашел сюда, чтобы ободрить Марко. У него неприятности. Так, ничего особенного. Мамаша девчонки, с которой у него было что-то вроде романа, подала на Марко в суд, обвиняя в совращении малолетней. Я удивился, что Марко так расстроен. Он плакал! Я спросил, что с ним, и он ответил: «Хозяин, я любил ее. Никого на свете я не любил так, как мою маленькую Бетси. А она предала меня. Она все рассказала матери». Я стал успокаивать Марко. Я говорил, что все обойдется, все забудется. Но слезы все текли и текли из его глаз. Его руки тряслись так, что когда он попытался закурить, у него ничего не получилось — спичка погасла. Именно это его и доконало. Так бывает, что пустяк, сущая безделица становится той самой каплей, что переполняет чашу терпения, стойкости. Не так ли?

— Так, — соглашаюсь я, хотя мне претит пафос Барези и оскорбительны его дешевые фантазии. И все же любопытно: что он наплетет дальше?

— Марко закричал, вцепился в волосы. Глаза его вылезали из орбит. Я сделал шаг, но он воскликнул: «Не приближайтесь ко мне, синьор.

Не марайте руки о слабака, недостойного вашего уважения. Но я не так жалок, как кажется, у меня достанет сил свести счеты с жизнью». Он рванул ящик стола и выхватил оттуда револьвер. Я бросился к нему, но и он не медлил. Рука его поднялась, грянул выстрел… О, бедный, бедный Марко!

— Позвольте… — прошу я, обходя сначала Барези, потом стол, а под конец — отставленную ногу телохранителя в ортопедическом ботинке.

Я достаю связку ключей и самым большим из них (он от дверей нашей конторы, но это так, между прочим) подцепляю ручку и тяну ящик стола на себя.

В ящике россыпью лежат канцелярские скрепки и патроны к «Смит-энд-Вессону» 32-го калибра, из которого, несомненно, и вылетела пуля, оборвавшая грешную жизнь телохранителя Фрэнка Барези.

— Видишь? — Мафиози заглядывает мне через плечо. — Патроны!

Я пожимаю плечами и иду к двери. Там останавливаюсь и говорю:

— Мы давно знакомы, мистер Барези. Право, не ожидал, что вы столь невысокого мнения о моих умственных способностях. Я приехал сю-

да, знать не зная, что Марко встретит меня уже усопшим. Так что комплименты насчет моей прозорливости оставь при себе. Зато твоей информированности впору позавидовать! Когда, от кого ты узнал, что Майк Твистер в больнице и скоро лопнет, как пустой орех, под нажимом полицейских, мне неизвестно. Но ты узнал и на всякий случай решил убрать переговорщика, который имел непосредственный контакт с киллером. Ты убил Марко;! Ты убил его так же легко, как на моих глазах пристрелил другого свидетеля — однорукого Дуче.

Рука Фрэнка ныряет в карман. Но он в пиджаке, а не в плаще, как это было в Вест-Крике, поэтому я надеюсь, что пистолета в кармане нет.

— Чем докажешь? — щурит глаза Барези. С него слетает вся шелуха: ни тебе печали — лицо закаменело, ни многословия — слова срываются губ, как камни с обрыва. Сейчас он тот дон Барези, к которому я успел привыкнуть за эти годы. Расчетливый и хладнокровный негодяй.

— Ну, это просто. Если бы все произошло так, как ты описал, то ящик стола был бы открыт. Все ясно? Но ты не волнуйся, смерть твоего «солдата» меня нисколько не волнует, объясняться тебе придется со следователями из полицейского

управления. Разумеется, они не поверят, что твой хромоногий «солдат» самостоятельно ушел из жизни, но уличить тебя в обратном тоже не смогут. Однако и до этого мне дела нет. Ты знаешь, Фрэнк, я сегодня только тем и занимаюсь, что выкладываю доказательства и открещиваюсь от личного интереса к некоторым событиям. Но это мои проблемы. Приехал я к тебе совсем с другим — с предупреждением. Скоро полиции, а значит, и последней собаке в Локвуде, станет известно, что это ты нанял человека для убийства Лучано Тафарелли. Получается, ты пошел против всех — и здесь, и в Нью-Йорке. Тебе это вряд ли простится. И это уже твои проблемы, Фрэнк. Хочу лишь напомнить о договоре, некогда заключенном нами. Я брал на себя обязательства по мере сил помогать тебе как частный детектив. Думаю, тебе не в чем меня упрекнуть.

— Ошибаешься, — цедит мафиози. — Ты до сих пор не выяснил, кто учинил бойню на моем заводе.

— Это вопрос дней.

— Поторопись, Гарри. Мое терпение не безгранично. Мне нужно прижать Кроче! Сейчас мне это нужно, как никогда прежде.

— Я постараюсь, Фрэнк.

— Очень постарайся!

— Я очень постараюсь.

— Теперь уходи. — Мафиози опять начинает машинально шарить по карманам пиджака.

Я ухожу. Сатрапы минувших веков, тираны и короли-самодуры, как правило, казнили гонцов, приносивших дурные вести. Фрэнк Барези не того чина-звания, но апломба и жестокости ему не занимать. С него станется отдать приказ охране, и та с удовольствием и сноровкой нашпигует свинцом сотрудников «Детективного агентства Балдмэна». Посему — поспешим.

Колмен и Дженни уже заждались.

— Отбываем, — говорю я так, что Ричард понимает — мешкать небезопасно.

Из-под колес поднимается веер гравия. Кипарисовая роща, чей покой мы нарушили ревом мотора, возмущенно шелестит нам вслед. Хлопают подрезанными крыльями фламинго.

Створки ворот открыты. «Форд» выскакивает на дорогу, идет юзом, Ричард выравнивает его.

— Все нормально? — спрашивает Дженни.

Я поворачиваюсь к ней. Моя отважная секретарша весьма мила в своем кантри-костюме.

— Вы как-то обмолвились, мисс Хоуп, что Джованни Кроче лучше дрессирует своих людей, чем

Барези. Вот сейчас и сравним.

Глава 8
Старшая сестра

Балдмэн по обыкновению недоговаривал, но я понял: финал близок. Иначе мы бы не рванули к Барези, а оттуда — к Джованни Кроче. Мой начальник решил пришпорить события. То ли запыхался на марафонской дистанции, то ли получил соответствующие инструкции.

До владений Кроче я домчал минут за двадцать — с вычетом того времени, что мы провели на бензоколонке. Бак был полон, но шеф все равно сказал: «Остановись». Ну, надо так надо. Выяснилось, что ему необходимо позвонить. Разговор не занял много времени, после чего Балдмэн опять плюхнулся на переднее сиденье «Форда», а я укрепился во мнении, что шеф согласовывает с кем-то свои действия. Весь вопрос — с кем? С местным мафиози, которого выбрал в качестве любимчика? С криминальными синьорами из Нью-Йорка? Или — с Уилфредом Дженкинсом? Или даже с кем-нибудь из госдепартамента?

По окружной дороге мы обогнули Локвуд и попали в райские кущи, ничем не уступающие

тем, где обитает Барези. Здесь тоже были особняки, рощи, бассейны и охрана у ворот. После обязательного звонка — или самому хозяину, или начальнику стражи — нас пропустили на территорию поместья.

По аллее, обсаженной пальмами, я подъехал к сооружению из бетона, стекла и стали. Идеи Корбюзье[16] — в жизнь!

— Вы пойдете один?

Я спросил для проформы, зная, каким будет ответ шефа. И ошибся.

— С тобой, Ричард. А ты, Дженни, садись за руль. Если через десять минут мы не появимся, заводи мотор и улепетывай отсюда.

— Я вас не брошу!

— Что?! — в голосе Гарри Балдмэна зазвучал металл.

— Н-ничего, — пролепетала Дженни.

Мы вышли из машины.

— Прошу сюда, — сказал импозантный мужчина во фраке и белых перчатках. Ох, уж эти нувориши! У Ба-рези дворецкий в ливрее, у Кроче — во фраке. По-людски не могут, гордыня не позволяет.

---

[16] Примечания: 16

Ле Корбюзье — французский архитектор, практик и теоретик конструктивизма.

Стеклянные двери разъехались при нашем приближении — раньше такое я видел только в аэропортах. А оранжерею, подобную той, в какой мы оказались сразу за порогом, — только в ботаническом саду. Вдоль прохода умелой рукой садовника были расставлены кадки и керамические вазы с тропическими растениями. Но обычной для оранжерей липкой духоты не было, ее изгоняли укрепленные на треногах вентиляторы и чуть слышно урчащие кондиционеры.

— Зачем я вам понадобился, шеф? — спросил я, когда дворецкий, попросив обождать, скрылся за дверью, ведущей во внутренние покои.

— У тебя револьвер с собой?

— Конечно.

— Сними с предохранителя.

Исчерпывающий ответ. Ничего не сказано, но все ясно. Почти все.

Я достал «Магнум» из наплечной кобуры, опустил флажок предохранителя и сунул револьвер в карман. Чревато отстрелом некоторых и весьма важных фрагментов тела, но в заботе о жизни в целом, можно рискнуть частностями.

— Гарри?

Кроче был как всегда вальяжен, снисходителен, расчетлив в движениях. Если бы я не видел, как

лихо управляется он с кастетом, никогда бы не подумал, что этот лощеный денди способен удержать в руке что-нибудь тяжелее лопаточки для препарации лангустов или «Ротринга»[17] с пером из восемнадцатикаратного золотого сплава.

— Нужно поговорить.

— При нем? (Это обо мне.)

— При нем можно.

— Что-то важное?

— Иначе я бы не приехал.

— Слушаю…

— Это Фрэнк «заказал» Тафарелли.

— Точно? Хотя я это подозревал. Больше некому.

— Точно, Джованни, точнее некуда. Киллер, который выполнил заказ, сейчас находится в больнице Локвуда.

— На него покушались?

— Бык. Этот опереточный «ковбой» участвовал в родео и попал под копыта.

— Его охраняют?

— Еще как!

— Он расколется?

— Обязательно. Полицейские вытрясут его до

---

[17] Примечания: 17
Знаменитая фирма по изготовлению авторучек.

донышка.

— Значит, Барези конец?

— Не совсем.

— Почему? Теперь на него все ополчатся.

— Потому что ты тоже замазан.

Шеф достал платок, снял шляпу и промокнул лысину. Только это свидетельствует о том, что он взволнован. Хотя, с другой стороны, он вытирает свою плешь и тогда, когда спокоен.

— Джованни, у полиции имеются показания двух француженок, которые изобличают тебя как организатора налета на завод в Вест-Крике.

— Но они мертвы!

— Их успели допросить. Скоро полицейские начнут действовать.

— А почему они до сих пор не спешили?

— Не знаю.

— Гарри, ты лжешь!

— Зачем мне тебя обманывать?

Балдмэн смотрел на Кроче с безмятежностью праведника, хотя отчаянно блефовал. Я подумал, что его указание насчет револьвера и предохранителя было очень своевременным.

— Не знаю — зачем, но я тебе не верю.

— Не верь. Твое право. Я лишь сообщил то, что знаю. На этом позволь откланяться.

Балдмэн коснулся пальцами полей шляпы, обозначая уважение к собеседнику, и сказал:

— Пойдем, Дик.

— Ни с места! — резко, как удар кнутом, прозвучало за нашими спинами.

Я обернулся и не поверил своим глазам.

— Руки за голову!

Женщина с пистолетом, стоявшая у кадушки с цветущим олеандром, была настолько похожа на убийц, схваченных в госпитале имени Хопкинса, а позже застреленных по пути в тюрьму, что их общее родство было очевидным.

— Не могу, — сказал Балдмэн. — Не могу поднять. У меня артрит.

Интересно, при артрите действительно так плохо с телодвижениями или шеф продолжает блефовать? Кстати, раньше я не слышал, что он страдает этим недугом.

Сам я руки поднял. А что делать? Прежде чем я достал бы свой револьвер, дама напротив не раз и не два успела бы нажать на спусковой крючок.

— Тогда я застрелю вас прямо так — с опущенными руками, и прямо сейчас.

— Я не спешу, — предупредительно улыбнулся Балдмэн.

— Зато мне не терпится поставить точку в ва-

шей карьере. Вы — виновник смерти моих сестер. Моих любимых младших сестер. Красавиц!

— Вы тоже хорошо выглядите, — сделал комплимент шеф.

— Что?!

— Люсьен. — Кроче приложил руки к груди. — Я тебя умоляю!

— Молчи, Джованни! О чем ты собираешься меня молить? Чтобы я пощадила человека, который отнял жизнь у самых близких мне людей?

— Но…

— Вспомни, Джованни, что ты мне говорил, когда по твоей просьбе я прилетела сюда из Квебека. И прилетела сразу, хотя у меня в Канаде осталась масса дел. Но ты объяснил, что тебе нужна помощь, и в память о юности, о горячих денечках, когда мы на пару «бомбили» закусочные в Канзасе и Миннесоте, я примчалась в Локвуд. Уже здесь ты сказал мне, что тебе нужны «чистильщики» со стороны и что для моих сестер, с их-то квалификацией, приехать в Америку и кое-кого тут убрать, будет не сложнее, чем прокатиться из Парижа на Ривьеру. Я доверилась тебе и позвонила сестрам во Францию. И чем все кончилось?

— Я не виноват, Люсьен, что одна из них свалилась в ущелье Злых Духов. Удержи она машину

на дороге, все сложилось бы иначе.

— Ты виноват в другом, Джованни. И знаешь что, подними-ка руки. Вот так… Выше! У меня были замечательные сестры. Они знали, что такое честь и ответственность перед заказчиком. Они обе готовы были расстаться с жизнью, но это — они! Ты организовал нападение на тюремную машину, ты мог спасти их, но тебе было выгоднее, чтобы они замолчали навсегда.

— Как такое пришло тебе в голову, Люсьен! — возмутился мафиози. — Они погибли в перестрелке с полицией.

— Это я раньше так думала, но теперь понимаю, что так и было задумано.

— Простите, — подал голос Балдмэн. — Значит, виновник гибели ваших сестер все-таки не я.

Женщина направила пистолет на шефа.

— Час назад я выяснила, кто сделал так, чтобы моя младшая сестра попала в этот госпиталь. Это сделали вы, ничтожный частный сыщик! А девица, которая лежала с сестрой в одной палате, — ваша сотрудница. Достаточно?

— Для чего?

— Для вывода. Сейчас вы умрете — все. А я уеду в Канаду, только напоследок еще поквитаюсь с вашей подчиненной.

Дженни легка на помине. Уже минуту я с трудом удерживался от того, чтобы не следить за ее действиями. И все же косил глазом… Вероятно, Балдмэн и Кроче, как люди опытные, занимались тем же — удерживались.

Когда дверь оранжереи открылась, я подумал, что это или дворецкий во фраке, или еще кто-нибудь из окружения синьора Кроче. И возликовал: союзник в тылу врага — бесценная услуга тому, кто находится на мушке.

Но это была мисс Дженифер Хоуп. Она мигом сориентировалась в происходящем, потому что не издала ни звука. Дженни обвела глазами оранжерею, будто хотела найти вазу наподобие той, которую она так удачно разбила о голову лжемедсестры, однако ничего похожего не обнаружила.

И все-таки она двинулась вперед. Если бы Дженни была в привычных туфлях-«лодочках», стук «шпилек» о мраморные плиты пола выдал бы ее, но ковбойские полусапожки позволяли не тревожить пространство.

Около куста роз Дженни нагнулась и сняла с крючка на стенке ящика с рододендроном большие садовые ножницы. Лично я с таким оружием против пистолета выступить бы не посмел, разве что в самой критической ситуации. Наверное, и

Дженни не посмела бы.

— Опомнись, Люсьен, — сказал Кроче. — Их — ладно, не жалко, но меня… Нас так много связывает!

— Опомнитесь, мадам, — сказал Балдмэн. — Его, дружка вашего бывшего, — ладно, бог с ним, но насчет меня вы ошибаетесь.

— А я тут вообще никаким боком, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать, наполнить эфир словами. Дженни была совсем близко от канадки, и та могла услышать или шорох ткани, или скрип ремня, или просто — дыхание.

— Я медлю потому, что думаю, с кого начать: с бывшего друга или…

Женщина с пистолетом не договорила. Видно, что-то почувствовав, возможно, ощутив дуновение воздуха, она стала поворачиваться…

Дженни метила в правое плечо и промахнулась, не сумев изменить траекторию, подстроившись под движение канадки. Но промахнулась она удачно: лезвия ножниц вспороли рукав жакета Люсьен, вероятно, располосовали и кожу, во всяком случае, пальцы ее разжались и пистолет вывалился из них.

Я прыгнул и навалился на чуть присевшую от боли канадку. Она попыталась вывернуться, но я

был настороже и не позволил ей этого. Колени ее окончательно подогнулись, и мы упали на пол.

Тут прозвучал выстрел.

Женщина подо мной вздрогнула и обмякла.

— Теперь командую я, — сказал Кроче.

В руке у него был пистолет. Какой расторопный, успел поднять его первым.

— Встать!

Я поднялся. Канадка на полу была неподвижна. Еще бы, с пулей-то в сердце. Как еще Кроче меня не зацепил…

— Мы же заодно, Джованни, — укоризненно проговорил Балдмэн.

— Были, — ощерился мафиози. — Не люблю, когда меня подставляют. А с госпиталем ты меня подставил, Гарри. Не люблю, когда работают еще на кого-то, вместо того чтобы служить только мне. А ты все время смотришь на сторону! Не люблю, когда не понимаю, какой у человека интерес, чего он добивается. А ты для меня загадка! Не люблю свидетелей, которые знают обо мне то, что знать не следует. А вы слишком много знаете, мистер Балдмэн. И вы, и ваши люди. Наконец, я не люблю пронырливых частных детективов. Я их вычеркиваю!

— Ты пожалеешь об этом.

— Когда-нибудь, может быть, и пожалею, — кивнул Кроче. — Или нет. А ну, выходите!

— Зачем тянуть? Стреляй здесь.

— Еще чего! Начнете биться в конвульсиях, хвататься за что ни попадя, цветы мне попортите.

— Она ничего не испортила, — сказал шеф, имея в виду, естественно, Люсьен, а не нашу Дженни.

— Но могла! — Мафиози покачал пистолетом. — Удачно получилось. Вообще-то она всегда норовила оказаться пробкой в каждой бутылке[18]. Рано или поздно это должно было кончиться пулей. Ну, пошли, пошли…

Первой к выходу направилась Дженни.

— Не туда, — остановил нас Кроче.

— Там у тебя тоже цветы? — усмехнулся Балдмэн.

— Тоже. А еще люди, для которых вы просто исчезнете.

— Вот так вошли в дом — и пропали? — спросил я с издевкой, вторя шефу.

— Смотрите-ка, молодой человек отверз уста! — засмеялся мафиози. — Какая редкость. А я уж подумал, что он только и умеет — руками махать и женщин по полу возить. Эх, надо было пришить

---

[18] Примечания: 18

Эта американская пословица идентична русской про затычку и бочку.

тебя тогда, парень. Сейчас лежал бы на дне морском рядом с Кардовским — и никаких забот. Да, а что это у тебя в кармане? Никак «пушка»! А ну, давай ее сюда, только чтобы без эксцессов.

— Даже не пытайся, Ричард, — тихо сказал Балдмэн.

Не отводя глаз от мафиози, я медленно достал «Магнум».

— На пол его, — приказал Кроче. — Вот так, молодец. И два шага вперед. А теперь все — вон в тот угол.

В углу оказалась дверь, полускрытая буйной оранжерейной растительностью. За дверью — освещенный редкими лампочками узкий коридор. Узкий настолько, что меня посетила такая мысль: если остановиться, то идущие передо мной Дженни и Балдмэн станут крайне неудобными мишенями для готового пустить оружие в ход мафиози.

— Не делай глупостей, — бросил через плечо шеф.

Я рассердился: «Ну что это такое? То нельзя, это нельзя. Сюда не ходи, это не трогай, даже собственной жизнь пожертвовать — и то не имею права. Можно подумать, Гарри Балцмэн купил мою судьбу. По дешевке».

Переступив порог, я споткнулся — разумеется, специально, и тут же получил по загривку. Да что он себе позволяет, этот Балдмэн!

В следующую секунду я уже летел головой вперед. Как шефу удалось сделать мой полет таким целенаправленным, об этом я не думал. Я лишь хотел укрыться от пуль, дырявящих дверь, которую шеф каким-то чудом сумел захлопнуть перед самым носом дона Кроче. Да еще и щеколду задвинул!

Я упал на что-то мягкое.

— Осторожнее! — охнула Дженни.

Потом на нас упал Гарри Балдмэн, и мы охнули вдвоем.

— Ползите, — прорычал шеф.

И мы поползли, вжимаясь в пол и благословляя Джованни Кроче за то, что он берет слишком высоко.

Выстрелы смолкли. В обойме кончились патроны. Мы вскочили и побежали. За нашими спинами ломились в дверь.

— Она долго не выдержит, — сказал я.

— Эта тоже. — Дженни стояла у двери, за которой уже не было коридора, но виднелись ступени, уходящие вниз, в темноту. — У нее и запоров-то нет.

— Спускайтесь, — подтолкнул нас в спины Балдмэн.

Если бы он сделал это чуть сильнее, мы бы покатились кубарем, а так — стали спускаться, касаясь руками влажных стен. Кто бы сказал — не поверил, что в таком экстрамодном конструктивистском сооружении могут быть такие средневековые подземелья!

Я насчитал тридцать семь ступеней, с каждой из которых мог свалиться и свернуть шею, прежде чем очутился на горизонтальной поверхности — небольшой площадке перед третьей дверью, тех же размеров, что и предыдущие. Но у нее было одно важное отличие — она была металлическая, с россыпью заклепок и ручкой-скобой.

— Похоже на темницу, — сказала Дженни, оглядев помещение в котором мы оказались.

— На камеру для пыток, — внес свою лепту я.

— Совсем не похоже, — сказал шеф. — Вы что, видели застенки, где двери закрывались бы изнутри? Помоги мне, Ричард.

Мы навалились на дверь, а потом совместными усилиями задвинули внушительной толщины засов.

— Тут можно отсидеться.

Балдмэн мне не ответил, он изучал наше убе-

жище. Или, если угодно, узилище. Много времени это не заняло: абсолютно пустое, приблизительно пять на пять метров и с крохотным окошком под потолком, под самым ненормально высоким потолком.

— Тупик, — изрек Гарри Балдмэн.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Дженни. — Когда они еще взломают дверь… Она из железа.

В дверь ударили и раз, и другой, но она даже не дрогнула. Затем все стихло: синьор Кроче отправился за подмогой.

— Они швырнут в окно гранату, — заметил я. — И нас размозжит.

— Зачем так мрачно, Дик?

— Уж больно место мрачное.

— Все равно.

— Прости, но я не вижу выхода.

Дженни хлюпнула носом.

— А ну прекратить! — прикрикнул на нас Балдмэн. — Выход всегда есть. Есть окно! Будем строить «пирамиду». Ричард, я встаю на твои плечи, Дженни — на мои.

Легко сказать — удержать оказалось труднее. Когда Балдмэн, отдуваясь, фыркая и обдирая щеки — мои щеки! — подошвами своих ботинок,

вскарабкался на меня, я еле устоял на ногах, а мои ладони наверняка вмялись в камень стены. Но это еще было ничего, терпимо, однако тут очередь дошла до мисс Хоуп, и я чуть не взвыл. Вот не ожидал, что Дженни, такая стройная, миниатюрная, изящная до невозможности, и столько весит!

— Ну что там? — прохрипел я, когда «пирамида» стала трехэтажной.

— Поднимись на носки, Дик, — донеслось сверху.

— Что?!

— На носки.

— Ты в своем уме?

— Сантиметра не хватает, всего сантиметра!

Я понял, что сейчас мешком осяду на пол и выдавил:

— Спускайся, Дженни.

Путь вниз занял у нее куда меньше времени. Потом спрыгнул Балдмэн. Я привалился к стене и сполз по ней. Перед глазами плавали красные кольца, сердце упорно стремилось вырваться из грудной клетки и добраться до горла. А нога у меня и раньше болела!

Как сквозь гуттаперчевые затычки я слышал, что говорила Дженни:

— Я почти дотянулась. Совсем почти.

Собравшись и сцепив зубы, я отогнал пламенеющие круги и посмотрел на окно. Оно не было зарешечено, и если бы Дженни смогла уцепиться за край, подтянуться, ужом ввернуться в отверстие, добежать до ближайшего телефона, позвонить в полицию, дождаться патрульной машины… Вот тогда у нас появилась бы надежда через годы опочить в собственной постели, окруженными безутешными родственниками, а не безвременно и в этом подвале. Но мисс Хоуп не дотянулась, не ввернулась, не добежала… Ну, и так далее. Поэтому надежд у нас не было никаких.

— Можно прорыть подземный ход, — сказала Дженни, усаживаясь рядом со мной.

— А можно и не прорыть, — через силу и боль в истоптанных Балдмэном плечах откликнулся я.

— Не успеем, — добавил шеф.

Мы помолчали.

Первой не выдержала Дженни:

— А все-таки, зачем Джованни Кроче эта дыра?

Я осмотрелся и вновь не нашел, за что зацепиться взглядом. И высказал предположение:

— Он здесь медитирует. Пустота очищает. Нет, правда, я читал где-то. Вот и дон Кроче очищается. Войдет, полюбуется на потолок, на окошко,

поразмыслит о сущем, о бренном, и так ему легко станет, так свободно, что…

— Ричард, хватит молоть чушь, — оборвал меня Балдмэн.

— Шеф, хотел бы я взглянуть на чушь, которую можно перемолоть, например, в пыль. И развеять ту пыль по ветру. Ибо…

— Я сказал — хватит!

— Это нервное, — бросилась на мою защиту Дженни. — Неконтролируемое словоизвержение свидетельствует о надломе психики, при котором человек пытается обманчиво простым способом заделать трещину в сознании и привести личное «Я» в привычную гармонию с окружающим миром. Однако облегчение краткосрочно и обычно заканчивается срывом, взрывом, паникой, депрессией, истерикой. Шеф, мы будем биться до последней капли крови!

— Конечно, Дженни, — сказал я. — И обязательно до последней.

— И желательно — дона Кроче, — заключил Гарри Балдмэн. — Так, ребята, повеселились, а теперь давайте поломаем головы, как нам отсюда испариться.

И мы стали ломать над этим головы. Я и Дженни — сидя, Балдмэн предпочел мерить подземелье

шагами. Узникам, говорят, это помогает не сойти с ума. А еще говорят, что помогает не всем.

Мне лично поставленная задача казалась неразрешимой. Разве что… Разве что… Дженни сказала, что ей не хватило сантиметра, ну, двух. А если составляющие элементы «пирамиды» расположить по-другому? Балдмэн, Дженни, я. Или так: Дженни, Балдмэн, я. Главное, чтобы наверху был я. Потому что у меня конечности длиннее! Потому что мои ручищи отличаются от ручек Дженни так же, как лапищи орангутанга от лапок мартышки. Может, это и не самое удачное сравнение, учитывая неземную красоту мисс Хоуп, но емкое.

Я вскочил, готовый объявить о своем открытии товарищам по несчастью, и… проглотил все слова до единого. Дженни не удержит меня и Балдмэна. Сомневаюсь, что она удержит и одного меня, а Балдмэн — меня и мисс Хоуп. Короче, все — бред и чушь, которую шеф давеча запретил молоть.

— Ты что, Дик? — спросила Дженни.

— Так…

Тут я заметил, что она внимательно смотрит на меня. Очень внимательно. Будто ощупывает глазами.

Я перевел взгляд на шефа. Он делал то же са-

мое — ощупывал, измерял, причем совершенно бесцеремонно.

— Ты не выдержишь, Дженни, — опередил я ее предложение.

— Надо попробовать, — сказал Балдмэн, остановился под окном, широко расставил ноги и уперся в стену руками, а для дополнительной устойчивости еще и своей лобастой плешивой головой.

Дженни поднялась, подошла к нему и собралась было начать восхождение, но тут где-то наверху, где солнце, цветы и пальмы, загремели выстрелы.

Палили от души, не жалея патронов, с каким-то остервенением. Так стреляют, когда на кону — жизнь.

В нашем каземате, и в полдень знавшем лишь полумрак, стало совсем темно. Кто-то лез в окно. Я опустился на колено и стащил с ноги ботинок. Балдмэн сделал то же самое, но с одним отличием — он снял оба.

Когда в оконном проеме появилась макушка «ползуна», я метнул ботинок. И попал.

— Ой! — совсем по-детски ойкнули наверху. — Это ты, Колмен? Мерзавец! Ты знаешь, что полагается за нападение на полицейского? Те-

перь тебе не отвертеться!

Клянусь, я сразу узнал этот голос. Он принадлежал копу, из-за которого погибли сестрички-француженки и который донимал меня у железной дороги. Но какой же приятный, богатый, красивый у него голос! Да и сам он ничего, ну, туповат малость, так это пустяки, зато решительный, отважный. Из таких получаются отличные друзья.

— Друг, ты что, за нами? — окликнул я полицейского.

— За кем же еще? — пропыхтел коп. — И какой я тебе друг…

В дверь вежливо постучали.

— Гарри, это Уилл, открывай.

Балдмэн зашнуровывал ботинки, поэтому засов отодвинул я.

— Все целы? — осведомился Уилфред Дженкинс. — Значит, успели. Ну что, Гарри, похоже, всем тайнам конец. Или я ошибаюсь?

Он не ошибся.

Глава 9
Слуга трех господ

Дженифер Хоуп печатала быстро. Уже исписанные листы, на полях которых красовался штамп с надписью «Строго конфиденциально», ровной стопочкой лежали справа от пишущей машинки.

Молодой человек в неброском и не слишком дорогом сером костюме, находившийся в той же комнате и с нарочито скучающим видом сидевший у окна, иногда поглядывал на девушку за машинкой и тут же отводил глаза. Он не хотел, чтобы эта выскочка Хоуп перехватила его взгляд и прочитала в нем острую зависть. Ну как же, только-только с академической скамьи, ей бы пару лет посидеть в «полевом офисе»[19] в каком-нибудь богом забытом уголке, поднабраться канцелярского опыта, а уж потом претендовать на агентурную работу. Так ведь нет, повезло девчонке, подключили к операции — и не простенькой, проходной, а специальной, находившейся под

---

[19] Примечания: 19

Неофициальное название местного подразделения Федерального бюро расследований.

присмотром самого директора! Теперь перед ней все дороги открыты. А за какие, спрашивается, достижения? Операция-то, считай, провалилась. Ну, не провалилась, конечно, результат достигнут, но все шло не совсем так, как планировалось, как предсказывали «яйцеголовые»[20] из аналитического отдела. Чем же тут гордиться?

Чиновник зря опасался, что его взгляд будет пойман и расшифрован. Дженифер Хоуп не обращала на него ни малейшего внимания. Ну, предписано инструкцией, чтобы при составлении отчета рядом с агентом был кто-то из чиновников штаб-квартиры, так и пусть сидит, главное, чтобы не мешал: не цыкал зубом, не хрустел леденцами и не зевал со скуки.

Дженни выдернула из каретки исписанный лист, вставила другой, и пальцы ее снова запорхали по клавишам. Оставалось совсем немного — рассказать об их чудесном спасении из подземелья Джованни Кроче и дать оценку собственной роли в происшедшем.

«Гарри Балдмэн, — писала она, — позвонил главе полиции Локвуда с бензоколонки. Видимо, шеф предчувствовал, что события могут пойти по

---

[20] Примечания: 20
Пренебрежительное прозвище интеллектуалов в США.

несколько иному сценарию. Конечно, он не мог знать о третьей — старшей — сестре, проводившей собственное расследование обстоятельств пленения убийц-француженок, однако интуиция его не подвела. Уилфред Дженкинс, у которого, как выяснилось впоследствии, были личные контакты с мистером Балдмэном, отреагировал немедленно, стянув к поместью Джованни Кроче все имевшиеся на тот момент в его распоряжении силы, в том числе дорожную полицию и сотрудников Главного управления. Выждав оговоренное с Балдмэном время, он распорядился начать штурм под предлогом освобождения людей, которых Кроче удерживает против их воли. Охрана оказала ожесточенное, но кратковременное сопротивление. В доме полицейские обнаружили труп женщины, ход в подвал и следы поспешного бегства владельца поместья. Мы были освобождены из заточения и после протоколирования наших показаний отпущены. Полагаю, о дальнейшем полнее расскажет мистер Балдмэн, поскольку сама я не обладаю достаточной информацией.

Анализируя собственные действия, я прихожу к выводу, что моя неопытность не слишком мешала мистеру Балдмэну в проведении операции,

а в отдельных случаях мое непосредственное участие было даже на пользу. Впрочем, мнение мистера Балдмэна тут имеет определяющее значение, а в его объективности я не сомневаюсь, поскольку за время нашего знакомства и, позволю себе смелость так выразиться, совместной работы, узнала его как опытного оперативника *и* человека исключительной порядочности.

В заключение хотела бы остановиться на личности Ричарда Колмена, против воли ставшего нашим коллегой. Мистер Балдмэн фактически спас его от смерти, в дальнейшем, очевидно, намереваясь либо вывести его из игры, либо задействовать на незначительных делах «гражданского» характера, держа при этом в неведении относительно нашего основного задания. Однако жизнь распорядилась так, что необходимость подключения Ричарда Колмена к операции стала очевидной. Не задавая лишних вопросов, но, очевидно, о многом догадываясь, Колмен проявил себя с наилучшей стороны. Уверена, было бы целесообразным использовать его и в дальнейшем, хотя предвижу тут немалые трудности, поскольку наряду со смелостью, сообразительностью и другими положительными качествами, Ричард Колмен излишне строптив и вспыльчив».

Дженни перечитала последний абзац. Достаточно ли она официальна и суха? Не слишком ли откровенна? Не слишком ли хвалит Дика? Нет, не слишком!

Она напечатала: «Готова к выполнению нового задания. С уважением — Дженифер К. Хоуп, агент Вашингтонского отдела Федерального бюро расследований». Число, подпись…

— Готово!

Молодой человек оторвался от созерцания пейзажа за окном, встал, собрал листки, пересчитал их, пронумеровал, ставя аккуратные цифры рядом со штампом, сложил в папку, каким-то непонятным устройством моментально прошил их нитками, залил нитки сургучом, приложил к сургучу печать.

«Архивная крыса!» — подумала Дженни. Не зло подумала, а с презрительной жалостью, с какой всякий истинный оперативник относится к погрязшему в бумагах аппаратчику. Потом она вспомнила, как сама день за днем наводила порядок в картотеке «Детективного агентства Балдмэна», и устыдилась.

— Просто мне повезло, — сказала она.

Молодой человек вспыхнул, но удержался от резкости и сказал спокойным, бесцветным го-

лосом:

— Подождите здесь. Вас вызовут.

Дженни осталась одна.

Но ей не было одиноко. Она знала, что совсем недалеко, в этом здании, есть люди, которые видят в ней не рядового агента, каких тысячи, а верного товарища. Ей хотелось верить, нет, она верила, что Гарри Балдмэн относится к ней именно так, пусть и не без некоторой снисходительности. Что же касается Дика, тут она рассчитывала и на большее… Вот почему она не одинока, вот почему спокойна настолько, что даже предстоящая встреча с «великим и ужасным» директором ФБР Джоном Эдгаром Гувером ее не слишком волнует. Ну, поговорят, так что?

— Что ты хочешь сказать, Гарри?

Балдмэн достал сигару и стал освобождать ее от целлулоидной оболочки.

— Я хочу уйти. По-моему, я ясно выразился.

— Ты хорошо подумал?

Джон Эдгар Гувер провел рукой по столу, точно хотел смахнуть с него пылинку. Невидимую и несуществующую. Этот непроизвольный жест был хорошо знаком Гарри Балдмэну, он означал, что директор раздражен и готов учинить подчиненному разнос.

— Господин директор, позвольте напомнить, планируя операцию в Локвуде, мы говорили и о том, что это будет моим последним заданием. Все-таки возраст, силы не те…

— Не прибедняйся, ты еще не старик, ты еще крепок, ты…

— Да у меня волос-то не осталось, — перебил Балдмэн, думая, стоит ли закуривать сигару или это будет вопиющим нарушением субординации. — Песок сыплется. Выпить толком не могу, враз скисаю.

— Пить тебе не обязательно, — сказал Гувер. — Пить вообще вредно.

Гарри Балдмэн рассмеялся про себя. Ему было прекрасно известно, как Джон Гувер стяжал себе славу трезвенника. Со времен «сухого закона» он ни разу не появился на фото в газетах с бокалом в руке. Фотографам нестрого запрещалось снимать его в неформальной обстановке. И никто не посмел ослушаться… На деле же Гувер любил божоле и в узком кругу посвященных слыл тонким ценителем вин.

О нем, о Джоне Эдгаре Гувере, вообще мало кто и мало что знал. Число посвященных исчислялось единицами. Ну, первый помощник и поверенный во всех делах Клайд Толсон; ну,

Мелвин Пурвис, некогда «правая рука» директора ФБР, уничтоживший «преступника № 1» — грабителя и убийцу Джона Диллинджера; ну, еще Гарри Балдмэн, с которым Гувер познакомился во времена неутихающих войн с бутлегерами[21], когда он еще только грезил о тотальном контроле над всем и всеми.

Сейчас Гувер был на вершине власти. Коренастый, коротконогий, весом под сто килограммов, упрямый как буйвол, переживший не одного президента и некоторых — в первичном смысле слова, он восседал на Олимпе, и ничто не могло изменить его главенствующее положение. Потому что основу его пьедестала составляли бесчисленные досье едва ли не на треть населения Соединенных Штатов. А кто без греха?

Балдмэн не сомневался, что в недрах штаб-квартиры, в архивах, спрятанных глубоко под землей, есть картонная папка, на которой выведено и его имя. Довольно пухлая папка, и в ней найдется немало того, что при желании легко поставить ему в вину, более того, за что можно упрятать за решетку лет эдак на восемьдесят. Хотя этого он не боялся. Он этого никогда не боялся, потому что

---

[21] Примечания: 21
Торговцы спиртным в годы «сухого закона».

ни прежде, ни теперь не метил в начальники и потому что у него была личная причина хранить верность ФБР. Давным-давно гангстеры из шайки «Чикаго блэк догз» расправились с его семьей в отместку за арест их главаря, и он поклялся, что положит жизнь на то, чтобы извести их под корень в как можно большем количестве. Человек же, поставивший себе такую цель, руководству не опасен.

— Дело не в том, чтобы пить или не пить, — сказал Балдмэн. — А в том, чтобы иметь возможность напиться не когда позволяет обстановка, а когда тебе этого захочется. К тому же, господин директор, последнее дело я провалил.

— Это не так, — нахмурился Гувер, не терпевший провалов. — Это не совсем так. В конце концов Джованни Кроче в тюрьме без права на помилование, а Фрэнк Барези в аду. Локвуд, считай, очищен от мафии.

— Но замысел-то был другой, — не согласился Балдмэн. — Мы хотели перессорить Кроче и Барези, спровоцировать войну, в которой бы они уничтожили друг друга. А что получилось? Кроче схватили в борделе в Рино и отдали под суд за убийство гражданки Канады, благо доказательства были неопровержимыми. О его руководстве

«семьей» во время разбирательства никто и не заикнулся. Оставшиеся без дона «солдаты» тут же разбежались по другим бандам, где их и передавили подручные Барези.

— Но война все-таки началась, — усмехнулся Гувер.

— Это была не война — избиение! Что такое Фрэнк Барези против нью-йоркской коалиции? А Лучано Тафарелли они ему не простили. Ну, и стерли в порошок со всем окружением. Ничего не помогло: ни покаяние, ни ложь…

— Они взорвали его, — проявил осведомленность директор ФБР.

— И его, и завод в Вест-Крике, который Фрэнк превратил в настоящий форт. Был завод — и нет его, одни развалины. Был Барези — и нет его, одно воспоминание. Но наша-то в чем тут заслуга?

— Да, Гарри, ты прав, вышло не очень складно. Особенно если учесть, что человечка, который сообщил нам, а я — тебе, о миссии Миротворца, мафиози вычислили и наказали обычным для расправы с болтунами способом: перерезали горло и вырезали язык. И все же операцию я считаю успешной, опыт — полезным. Я рассчитывал на тебя, потому что был уверен: в следующий раз ты ошибок не допустишь.

— Их было непозволительно много. Я исправно служил Кроче, Барези и вам, господин директор. Я старался как можно быстрее довести температуру до точки кипения, но у меня мало что получалось. И мой визит к Кроче — это не что иное, как показатель бессилия: я устал ждать и решил все поставить на блеф. Дешевый прием! А что все закончилось благополучно, так это исключительно благодаря стечению обстоятельств и помощи моих сотрудников — мисс Дженифер Хоуп и мистера Ричарда Колмена. Поэтому, господин директор, я прошу об отставке.

Джон Эдгар. Гувер задумчиво смотрел на подчиненного. Он не привык, чтобы ему перечили, но сейчас был не тот случай, чтобы гневаться. И не в том вопрос, что он знал Балдмэна не один десяток лет, а в том, что Гарри принес ему лишнюю толику славы. Не найдется ни одной газеты, которая не расписала бы в подробностях, ни одного телеканала, который не выдал бы десяток восторженных репортажей о том, как посланцами директора ФБР был очищен от нечисти, подобно авгиевым конюшням[22], прежде во всех отношениях неблагополучный город Локвуд. Но

---

[22] Примечания: 22
Один из подвигов Геракла.

сколько еще таких городов?!

— Нам будет не хватать тебя, — сказал Гувер.

— Не могу ответить тем же, — признался Балдмэн. — Я устал. И все мои мечты — это маленький домик на берегу озера, стакан неразбавленного виски и удочка в руках. Чтобы я никого не трогал, и чтобы никому на свете, даже ФБР, не было дела до меня.

— Этого я никому не обещаю, — улыбнулся Гувер.

— Для вас, господин директор, я сделаю исключение. Но у меня к вам встречная просьба.

Джон Эдгар Гувер нахмурился. Он не помнил, чтобы о чем-то просил Гарри Балдмэна. Он его информировал! Поэтому ни о какой «встречной просьбе» и речи быть не может.

— Даже две, — сказал Балдмэн.

Гувер свел брови к переносице.

— Слушаю.

— Направьте в Локвуд парочку нормальных агентов, не карьеристов, не лентяев, не тупиц. И пусть не заносятся, не смотрят свысока на местную полицию, а помогают по мере сил. Уилфред Дженкинс — приличный человек, и ему придется нелегко, когда гангстеры начнут делить ставший ничьим пирог. И второе: если вам нужен сотруд-

ник, готовый занять мое место слуги трех господ, у меня есть подходящая кандидатура.

— Ты о Ричарде Колмене?

— Да.

— Ты с ним уже говорил о такой перспективе?

— Нет.

— Но ты уверен, что он согласится.

— Парню нужен адреналин, а тут его вдосталь. Такая работа — сладкий яд. И Колмен уже отравлен!

Джон Эдгар Гувер побарабанил пальцами по девственно пустому столу и наконец объявил:

— Я хочу взглянуть на него.

Наверное, это тщеславие — сродни той его разновидности, что заставляет людей выстаивать часы у театров и концертных залов, чтобы взять автограф у знаменитости и тем приобщиться — хоть краешком, хоть чуточку — к его популярности. А потом тешить себя долгие годы, глядя на фото с росчерком: «Я был рядом со звездой. Я сам почта звезда!»

Стыдно-то как, недостойно свободно мыслящего индивидуума, обладающего здоровым чувством собственного достоинства. Дик Колмен это сознавал, и все-таки ему очень хотелось оказаться в обществе директора ФБР. Оправдывал

себя он тем, что уникальная все же фигура, историческая!

Не в последнюю очередь поэтому он отправился с Балдмэном и Дженни в Вашингтон. Хотя не в первую и даже не во вторую. Начать с того, что его попросил об этом Гарри Балдмэн, уже не шеф, но и не посторонний человек. Потом с той же просьбой обратилась Дженни, а ради этой девушки Дик готов был поехать не только в столицу США, но и куда-нибудь в Тимбукту.

Естественно, для приличия Колмен поупрямился, давая понять, что обида не забыта, а если они рассчитывают, что он растает от их комплиментов, то напрасно. Могли бы и пораньше все рассказать, кто они и откуда, все-таки столько вместе пережито.

— Я уверена, ты сам обо всем догадался! — воскликнула Дженни, когда он с оскорбленным видом сказал ей об этом.

— Никакой благодарности! — проворчал Гарри Балдмэн. — Вот и спасай всяких сосунков от смерти.

— Чтобы потом послать под пули, — парировал Колмен.

— Тебе это было на пользу.

Балдмэн вытер пот и при этом едва не прожег

дырку в носовом платке. В последние дни он просто не вынимал сигару изо рта. Нервничал.

— Да? — удивился Ричард. — Что же я приобрел? По лицу меня били, ногами топтали — сплошной ущерб. А приобрел-то что?

— Профессию!

В этом Балдмэн был прав: за короткое время недоучившийся студент превратился в перспективного частного детектива. А сыщики всегда нужны. И везде.

По приезде в Вашингтон они прямо с вокзала отправились в штаб-квартиру Бюро.

— Мне-то там что делать? — спросил Ричард. — Я лицо частное, никому не подотчетное.

— Подождешь нас внизу, — сказал Балдмэн. — Тебе трудно?

Колмену не было трудно. Даже совсем наоборот, все складывалось удачно, он еще на шаг стал ближе к мистеру Гуверу.

— Ладно, подожду, — с маской неудовольствия на лице произнес он.

В холле Ричард развалился в кресле неподалеку от охранника, которому Гарри Балдмэн сначала предъявил свое удостоверение, а затем что-то сказал, показав на Колмена. Наверное, объяснил: дескать, не беспокойтесь, этот развязный юноша

здесь не для того, чтобы покуситься на жизнь директора или кого-нибудь из агентов.

Дженни помахала ему рукой и скрылась за дверью из бронированного стекла. За ней последовал Балдмэн.

Мимо сновали люди, но никого даже отдаленно похожего на Джона Эдгара Гувера среди них не было. Притомившись исследовать незнакомые лица, Ричард взял со столика рядом с креслом последний выпуск «Нэшнл джиогрэфик».

Он прочитал журнал насквозь, уделив внимание даже рекламе велосипедов для женщин преклонного возраста. Он вдоволь налюбовался прекрасными снимками венецианских каналов и фотографиями обнаженных красоток из племени масаи. А Балдмэна и Дженни все не было. Его стало клонить в сон. Колмен не стал противиться потребности и желанию, смежил веки и заснул.

— Вставай, Ричард!

Глаза пришлось открыть. А сон был так хорош! В нем он и Дженни бежали по бесконечному пляжу и смеялись. Бежали и смеялись. Смеялись и бежали…

— Ричард, вставай!

Глаза пришлось открыть снова. И встать.

— Пошли, — сказал Балдмэн. — Вот твой про-

пуск.

— Чего я там не видел? — привычно заартачился Колмен.

— С тобой хочет познакомиться директор.

Вот это номер! Сон отлетел как не бывало. Ричард глубоко вздохнул и направился к стражу у входа.

Пока поднимались на лифте, пока шли по коридору, Гарри Балдмэн хранил молчание и лишь в приемной Гувера сказал:

— Я хочу, чтобы ты занял мое место, Ричард. Если ты, конечно, ничего не имеешь против.

Этого Колмен не ожидал. Но ни ответить, ни осмыслить сказанное Балдмэном он не успел, потому что дверь кабинета открылась и он увидел Джона Эдгара Гувера, мило беседующего с мисс Дженифер Хоуп.

Она была прелестна в элегантном платье того же цвета, что и ее голубые глаза. Белые «лодочки», белая сумочка, а на груди, в золотой петельке из витого шнура, маленький ангелочек из ваты. Она была прекрасна!

— Здравствуйте, Колмен.

— Здравствуйте, господин директор.

Несмотря на грузность и явный избыток веса, шаг у Джона Гувера был легкий. Он протянул

руку, и Ричард с чувством пожал ее.

— Благодарю вас, Колмен. Содействие, которое вы оказали агентам Федерального бюро расследований в проведении секретной и чрезвычайно ответственной операции, по словам мистера Балдмэна, просто неоценимо.

— Шеф преувеличивает, — заскромничал я.

— Шеф? Вы по-прежнему считаете его своим боссом?

— Привычка, сэр, — отчеканил я совсем по-армейски, хотя армии в свое время благополучно избежал. Официально у меня язва, даже справка есть. Она мне недешево обошлась.

— Значит, его мнение для вас не пустой звук.

— Разумеется, сэр.

— Гарри Балдмэн посоветовал мне присмотреться к вам. Он считает, что вы нам вполне подходите.

— Кому — вам? Сэр.

— Нам — это мне! — отрезал Гувер. — Мне многие ставят в вину, что я уделяю недостаточное внимание привлечению к ответственности воротил криминального мира. Мои недоброжелатели убеждены, что у меня на уме только похождения голливудских вертихвосток и либеральные воззрения университетских профессоров. Да, я

занимаюсь и этим, поскольку не желаю, чтобы возмутительная беспечность первых и безответственные высказывания вторых нанесли вред престижу нашей страны. Но организованной преступностью я тоже занимаюсь, просто об этой сфере нашей деятельности не всегда целесообразно рассказывать журналистам, тем более что иногда мы вынуждены действовать вне рамок федерального законодательства. Да, Колмен, есть дела, которые надо проворачивать тихо, предавая огласке только их результаты. Так было и с заданием мистера Балдмэна и мисс Хоуп.

— Я понимаю, сэр.

— Это замечательно. Я уважаю понимающих людей, хотя опасаюсь понимающих все. Потому что не бывает, чтобы — все. Значит, от вас что-то утаили. Вам я тоже не стану говорить всего, но скажу достаточно. Итак, мистер Балдмэн очень лестно отозвался о вас, и я хочу сделать вам предложение.

— Я согласен, сэр.

— Согласны? С чем? Гарри, ты успел его предупредить?

— Нет, — сказал Балдмэн. — Он догадался.

— Что ж, догадливых я тоже уважаю, но не догадливых чрезмерно. Колмен, вы когда-нибудь

бывали в Мидл-сити?

— Нет, сэр.

— Дрянной городишко. И преступники там совсем распоясались. Как вы посмотрите на то, чтобы отправиться туда основателем и единственным сотрудником «Детективного агентства Колмена»?

— Отрицательно, сэр.

Гувер метнул испепеляющий взгляд в Балдмэна. Мимоходом зацепил Дженни, и та против обыкновения не покраснела, а побледнела. Потом уставился горящими глазами на Колмена:

— Повторите!

— Отрицательно, сэр. Без помощницы мне не справиться. Уверен, вдвоем с мисс Хоуп мы быстренько приведем Мидл-сити в божеский вид.

— Вы сговорились? — потребовал ответа Гувер, повернувшись к девушке.

— Нет, сэр, — прошептала Дженни, бледность шек которой стремительно уступала место румянцу. — Но я не против.

— И я не возражаю, — сказал Гарри Балдмэн и закурил сигару, даже не подумав испросить на то разрешения у директора Федерального бюро расследований Джона Эдгара Гувера. Могущественного, но не всесильного.

Перевел с английского Сергей Борисов

Александр ЮДИН

КАЛЛИКАНЦАРЫ

Александр ЮДИН

КАЛЛИКАНЦАРЫ

Эту удивительную, совершенно невероятную историю портит лишь одно: произошла она не со мною. Более того, услышал я ее, что называется, не из первых уст, поскольку очевидцев описываемых в ней событий в живых к тому времени уже не осталось. И тем не менее я имею к ней известное касательство.

Представьте: Кипр, Ларнака, июнь. Я уже четвертый день как прилетел и поселился в одном из отелей в северной части города. Отель, хотя и пятизвездочный, от побережья расположен далековато. Меня, однако, это мало тревожит, поскольку на остров я прибыл по делу. Вечер четвертого дня застал меня где-то в туристическом пригороде Ларнаки в ресторанчике под названием «To Dovkato». В ожидании заказа я коротал время за бокалом сладкой коммандарии и чтением «Повести о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры. Любой согласится, что более подходящего питья и чтения для такого случая просто не сыскать. Вы скажете, что десертное вино в начале ужина не вполне уместно? Возможно, однако такая мне пришла блажь. А желаниям своим я привык потакать, потому как убежден, что всякие правила да нормы придуманы специально для людей ограниченных. Льщусь надеждою, что

не принадлежу к их числу.

Так вот, сижу я в полутемном зале, оформленном в псевдоготическом стиле, совершенно один, и жду, когда хозяин этого заведения, он же официант и повар в одном лице, принесет мне клефтико. Дегустирую кипрское вино, смакую деяния кипрского короля Пьера I Лузиньяна, слушаю доносящиеся со стороны ларнакского залива бесконечные переливы сиртаки — в общем, отдыхаю после плодотворного трудового дня, умиротворенный и сам собою довольный.

Мне как раз принесли долгожданную баранину, когда в зал вошел тучный господин с некрасивым, но располагающим лицом. Я сказал хозяину «спасибо», а посетитель, признав во мне соотечественника, с видимым удовольствием поздоровался. Я ответил ему тем же и пригласил за свой столик (не то чтобы я такой любитель общения, скорее наоборот, но в данный момент мною двигало не одно только радушие). Мы обменялись рукопожатием и познакомились. Сотрапезника, моего звали Тимур Айдарович (фамилии мне сейчас уже не вспомнить), был он служащим нефтяной компании и на Кипре, куда приехал впервые, — отдыхал с женой.

Поначалу разговор вертелся вокруг острова

Афродиты, местных красот и достопримечательностей.

— А как вы находите Средиземное море? — поинтересовался Тимур Айдарович. — Я почему спрашиваю: мне доводилось отдыхать на Черном и Азовском, на Балтике; бывал и на Каспийском (правда, по делам), и даже на Арале. А вот на Средиземном — первый раз.

— Каждое море замечательно по-своему… хотя замечу, что Черное, например, сильнее… гм… морем, что ли, пахнет. Знаете, только подъезжаешь к побережью, еще и мо-ря-то самого не видно, а уж запах чувствуешь: насыщенный такой, йодистый. Может, все дело в водорослях?

— Да, да! Вы правы. А я еще вот чего приметил: цветущих растений — прежде всего кустарников — здесь изобилие; даже разделительные полосы на дорогах ими оформлены. А цвета какие яркие — глаз режет! Правда, исключительно культурные насаждения. М-да… а вот аромата от них особенного не исходит. Обращали внимание? Нюхаешь, нюхаешь… — Тимур Айдарович для наглядности повертел головой и, поднеся кончики пальцев к ноздрям, втянул в себя воздух. И неожиданно сменил тему: — Кстати, раз вы киприот со стажем, не посоветуете, что мне зака-

зать из традиционной кухни?

— Сефталию пробовали?

— А что это за блюдо?

— Рубленое тушеное мясо, приготовленное в свином желудке. Если не пробовали — очень рекомендую.

— Свинину — увы! — не ем.

— Что ж… тогда, пожалуй, стифадо. Оно из говядины делается. В винном, знаете, уксусе, со специями разными и лучком. Весьма!

Пока он делал заказ, я решил задать вопрос, действительно меня интересующий. Свой ужин я закончил и потому от ответа на этот вопрос зависело, стоит ли мне еще задерживаться или можно уже откланяться.

— Вы, Тимур Айдарович, в каком отеле отдыхаете, не в «Гранд Бич»?

— Да, там, — кивнул он. — А как догадались?

— Так это ближайший… Позвольте еще поинтересоваться: номер ваш на каком этаже?

— На пятом, — пожал он плечами. — А какая разница?

Я внутренне подобрался: второе совпадение подряд — весьма неплохо. Уже можно говорить об удаче. Значит — и дальше повезет. Если, конечно, не теряться, а резко брать эту капризную

дамочку — удачу — за задницу.

— Да! — спохватился я. — Под стифадо водочки, замечу, неплохо. Или тоже не употребляете?

— Почему же? Употребляю.

— Нет, я просто подумал, раз свинины не признаете…

— Ну, всему свой предел разумный быть должен.

— Очень правильное замечание! — горячо согласился я. — Очень! Тогда я закажу бутылочку зивании.

— Зачем же вы? Я сам.

— Нет, нет! Я предложил, мне и…

— Ну, вот еще новость!

— Тимур Айдарович!

— Даже слушать не желаю!

— Тимур Айдарович!

— Ну, раз вы так вопрос ставите… а «зиванию» эту из винограда, что ли, гонят?

— Ага. Вроде грузинской чачи или болгарской ракии.

После третьей рюмки, когда разговор неизбежно приобрел более доверительный характер, я рискнул продолжить свои расспросы.

— А что, россиян в вашем отеле много?

— Гм… человек двадцать, думаю, наберется.

— Небось, скучный все народец?

— Отчего же? Разный… Порой, весьма колоритные типы встречаются.

— О, даже так? Тогда, может, поделитесь какой-нибудь любопытственной историйкой?

— Гм… однако странно, что вы интересуетесь.

— Готов объяснить свой интерес. Дело в том, что я журналист. Да, да! И вот не далее как сегодня мне позвонил главный редактор и попросил срочно выслать рассказ из жизни, так сказать, отдыхающих. Зачем такая спешка и почему именно эта тематика — не знаю. Редакционная политика, знаете… — я неопределенно покрутил вилкой.

— Как это, должно быть, интересно! Значит, вы здесь в творческой командировке? То-то я смотрю, у вас эдакая особенная… острота, что ли, во взгляде присутствует. И на подробностях фиксация. Не спорьте, не надо ~ я ведь вас еще днем приметил. Когда вы с обслугой в нашем отеле беседовали… А знаете, у меня есть для вас *нечто.*

— Так, так! — подбодрил я собеседника. ~ Я весь внимание.

— И даже более чем нечто. Совершенно потрясающий случай. Только я не знаю… то есть немного опасаюсь… не выйдет ли мне предание гласности, а тем более опубликование… как-ни-

будь того… боком. Случай, повторяю, дичайший.

— Давайте договоримся: вы сейчас поделитесь, а если у меня возникнут хоть малейшие сомнения в этом плане — все останется между нами. Я порядочный человек, уверяю вас. Не папарацци какой-нибудь. В конце концов — отель, имена, время действия — все это можно изменить.

— Что же… на таких условиях… по рукам! Тем более меня самого буквально распирает.

Тимур Айдарович выпил еще рюмочку зивании и начал так:

— Я с моей Геляночкой здесь две недели уже отдыхаю, так что завтра — назад в Элисту. Ну да я это говорил, кажется. Когда мы только въехали, в соседнем с нами номере жил один русский парень. Знаете, с такой характерной внешностью: крепыш, загривок вот эдакий… голова бритая и вся в шрамах. Короче, чистый зверопотам. Да еще на левом плече наколка — «СЛОН». Что с вами? Поперхнулись? По спине постучать?

— Кх! ничего, ничего… кхе! кхо! Просто не в то горло попало. Продолжайте!

— Ага. Я и говорю… общения, понятно, между нами никакого не происходило. Только на второй день нашего приезда — мы как раз из Пафоса с экскурсии вернулись… Кстати, вы сами бывали

в Пафосе? По-моему, очень миленький городок, не правда ли? Там еще колонна есть, к которой святого Павла — ну, апостола — привязывали, знаете об этом? А? Видели ее?

— Далась вам эта колонна! Вы лучше дальше рассказывайте…

— Нет, ну все-таки… самого апостола Павла! Привязывали — и плетьми, плетьми! Разве не впечатляет? Струн душевных не трогает?

— По-моему, обыкновенный обломок… торчит себе из земли. Ничего в нем особливо сакрального, даже напротив: напоминает облизанный временем и ветрами фаллос. Так, значит, вы вернулись из Пафоса — и что?

— Хе-хе! Фаллос! Хе-хе-хе! Облизанный! Вы прямо поэт. Я же говорю: журналиста, его сразу видно. М-да… ага, вернулись из Пафоса, устали и поэтому почти сразу после ужина завалились спать. Только часов около двенадцати по местному времени — стук в дверь. И настойчивый такой. Пришлось вставать; открываю — стоит этот наш сосед, ну, зверопотам который, с ноги на ногу переминается. Я ему: «Чем обязан?» А он: «Извиняюсь, — говорит, — вы, ведь, русский?» Да уж, отвечаю, не грек. Он крякнул и опять мнется. Вижу, смущен человек. Чем могу помочь, спра-

шиваю его снова. Ну, он вздохнул и заявляет, не хочу ли я, дескать, выпить с ним, причем у него в номере. Я прямо опешил. Извините, говорю, не хочу. Только он уходить и не думает, напротив даже, ломится через порог, берет меня вот эдак за плечо и доверительно гундит в самое ухо: «Да ладно, братан, посидим часок, пузырек раздавим…» Тут уж я немного занервничал. «Какой же я вам, — говорю, — братан, когда в папы гожусь? И потом, вы знаете который теперь час?..» Думаете, срезал? Как бы не так! Брателло этот только тоном выше взял: «Ну че те, западло с соотечественником чуток потрендеть? Раз прошу, значит, дело у меня до тебя!» Чувствую — не отвяжется, да тут еще супруга проснулась: «Тима! Кто там пришел?» Ладно, говорю, пойдемте в ваш номер, там объясните, что за дело, только пить с вами я все одно не стану. Он обрадовался, как ребенок, я же успокоил жену, сказал, что скоро вернусь, ну и пошел к этому питекантропу. К тому же, если честно говорить, он меня слегка заинтриговал, а я от природы чрезвычайно любопытен… Жена говорит — любопытный, как крыса, хе-хе-хе!

Так вот, заходим в соседний номер, присели. Осматриваюсь — батюшки! — в номере икон

— точно в церкви! И на двери, и над кроватью, и на тумбочке. В сувенирных лавках здесь этого добра много. Только, думаю, зачем ему столько? Понятно, если человек ценитель, но эти-то доски с наклейками — барахло, новодел. Да и какой из него, микроцефала, ценитель? С одной стороны, это подогрело мой интерес. А с другой, заронило зерно сомнения в его… психической адекватности. (Я, знаете, полагаю, что чрезмерная религиозность свидетельствует либо об известной умственной ограниченности, либо о болезненной экзальтированности натуры. Но это так — реплика в сторону.) А еще, смотрю, на столике у него рядом с полной уже одна пустая бутылка водки стоит. Тьфу ты, думаю, как я сразу не разглядел, что он датый? Хотя, конечно, у таких хряков алкоголь пока по всей комплекции разойдется… Присмотрелся я тогда повнимательней к нему самому и вижу — явно не в себе человек: бледный, потный (а кондиционер-то — на полную мощность!), губы трясутся. Но только все это не с перепою, нет — от страха! Да, да, сосед мой очевидно пребывал в состоянии, что называется, панического ужаса. Тут уж я окончательно заинтриговался.

«Ну, что за вопрос ко мне?» — спрашиваю. А

он знай заладил свое: «давай выпьем», «давай хлопнем», «вмажем», «клюкнем», «крякнем», «вздрогнем»... короче, все около да вокруг, а к сути дела приступать не спешит. Тогда я поднимаюсь и — к выходу; он меня за рукав цап и чуть не со слезами: «Пить не хочешь, хоть так посиди». — «Чего сидеть-то, — спрашиваю, — когда ночь на дворе — я спать хочу». Ну, он повздыхал, покрякал еще и говорит, что *её-то,* дескать, и боится. «Кого ее?» — удивляюсь. «А вот ночи этой самой», — отвечает. Я — как так? Он — да, уж вот так... и поэтому ему беспременно компания нужна. До самого утра. Посиди, говорит, со мной; не хочешь пить — не пей, просто сиди, телевизор смотри. Только не спи. Каково?

Тут я подымаюсь и решительно заявляю: ну вот что, говорю, любезный соотечественник, либо ты сейчас же мне все начистоту рассказываешь — что у тебя за проблема (если, конечно, таковая вообще имеется) и чем я помочь могу в ее решении, или я немедленно, сию секунду прямо, ухожу! Потому как он мне не внучек, а я ему не дедушка, чтобы за ручку держать и уговаривать темноты не бояться. Не темноты, говорит он мне, я боюсь, а того, что в *ней.* Здрасьте, отвечаю, приехали! Ни в каких стрелках-разборках я тем более

участвовать не желаю. И что он себе думает — я ему телохранитель? Нет, просто я проживаю в соседнем номере и сюда, кстати, приехал отдыхать, а не приключений искать на свою… ну, и далее в таком духе.

Он набычился было, потом накатил себе полный стакан водки (видно, для храбрости), выпил единым духом, махнул рукой: а ладно, говорит, все расскажу, слушай… только сам после не пожалей.

И действительно, любой разумный человек на моем месте после первых же слов последовавшего рассказа заткнул бы уши и убежал без оглядки. Но я, честно признаюсь, поначалу решил, что мой случайный знакомец колокол льет. А после поздно было… м-да. Ну так вот что поведал мне сей весьма колоритный типус:

— Влип я, папаша, в историю… вообще говоря, мне не впервой: три ходки за плечами, это тебе не хрен собачий. Так что, по жизни, чтоб ты знал, я блатной. Не из козырных правда, а так… боец. Атлет, по-нашему. А сюда, на остров, меня заслал один авторитетный человек (о котором тебе знать не обязательно), чтобы убрать — догоняешь, о чем я? — другого человека. Чем тот другой ему досадил, фиг знает. Да мне и не за знатье

башляют, а за работу. А работу свою я хорошо понимаю и трудностей всяких не боюсь. При моей теперешней профессии страх — гиблое дело. Он мне и раньше, страх-то этот, вовсе знаком не был. До последнего дня я и знать не знал, не понимал даже, как это так — бояться. Случалось, с одной заточкой на вертухаев хаживал. Наколочку-то мою видал? То-то! Так вот, я и говорю — не впервой. Только сейчас все не по понятиям вышло, полный душняк, короче…

Нет, так не пойдет! И я толком объяснить не смогу, и ты не въедешь. Придется в подробностях… Оно, конечно, стремно, по-косячному как-то выходит… да и я привык за метлой следить… только ты мне сразу приглянулся: больно у тебя лицо того… этого… короче, очень ты на батюшку похож, которому я исповедуюсь (а ты как думал? мы не беспредельщики, у нас тоже в душе Бог имеется), ну прямо один в один! Располагаешь к себе… ну, а если что… кто тебе поверит? Да и мне, кажись, все равно уже…

В общем, на дело я всегда с напарником хожу. Нас с ним на самый крайняк задействуют, только если у других — у фраеров-одиночек, значит, — не выгорело. Бригада «Скорой помощи», как Стас, напарник мой, шутил, бывало. Вот и в этот раз

поручили нам мочкануть сложного клиента, который сюда недавно перебрался. Из России. Купил дом в Лефкаре (знаешь, верно — деревня здесь такая, а по мне, так город городом, пусть и маленький; дома-то все сплошь каменные) и зажил. Знал, видно, что охота за ним идет, вот и решил в загранке переждать, в тепле да уюте. Благо средства позволяли. Он у нас-то ведь колдовством на хлеб с икрой зарабатывал. Я тебе говорю! Не экстрасенс, нет, а именно что колдун. Как это в рек-ламе-то, в газетах про него писали? А' «Потомственный колдун-некроман, кадет белой и черной магии, служащий Гекаты Кантемир Лихой» — во как! Я наизусть запомнил, потому в нашем деле все важно и мелочей не бывает. Видать, немало бабла настриг этот кадет-некроман, раз двухэтажный дом на Кипре осилил, как думаешь? Что? Адепт-некромант? Ну я так и говорю. Ладно, не о том базар.

Приехали мы сюда со Стасом как отдыхающие, все чин-чинарем, по путевке от турфирмы на неделю. А ты как думал? Здесь же не Москва, где сделал дело, стволы скинул, прыг в тачку — и ищи ветра в поле! Тут вон остров. Поэтому, план был такой: после всего мы еще пару-тройку дней, пока срок не выйдет, в отеле живем, а потом, как

все прочие, чартерным рейсом — домой. Прикольно, правда? Зачем сразу когти рвать, если основные проверки пойдут именно в аэропортах, когда местные мусора труп обнаружат. Жмурик кто? Русский. Значит, первые подозреваемые кто? Они же. А тут, смотрят, приехали двое и в день убийства вдруг назад заторопились. Подозрительно? То-то. А мы — нет, мы как отдыхали, так и продолжаем. Попробуй вычисли нас! Если не наследить, так нипочем. Это Стасик придумал, он у нас вообще мозговой центр. А юморной какой был… эх! Совместим, говорит, приятное с полезным.

Поначалу так все и выходило. А чего? Море, телки; в номере, вон, бар — бухалово всегда холодное — все наше. Чем не условия? Для работы, для жизни. Два раза съездили на экскурсию в эту Лефкару (первый раз вдвоем, а во второй Стас один ездил, меня с собой не брал), все путем обсмотрели. Выяснили, что колдун наш не один в доме живет, а с двумя мужиками, вроде как телохранителями, — сторожится, значит, ага. Впрочем, это мы и так знали, кое-какой информацией о клиенте нас, понятно, заранее снабдили. Ну, о том, что кроме как во двор никуда не выходит, все необходимое — жрачку там и прочее — ему шестерки

приносят; что сам на втором этаже живет, а те двое — на первом; все дела, короче.

Стас еще на досуге как следует в деталях обмозговал все, спланировал; машину напрокат мы в первый день взяли — чтобы успеть приноровиться, движение-то здесь левостороннее. Накануне вечером ушли на пляж, а в номер обратно не вернулись (здесь никто на это внимания не обращает, а ключи мы не сдавали). Во-от. Как совсем стемнело, мы — в машину и в путь. Дороги тут хорошие, так что доехали в момент. В саму деревню въезжать не стали, машину на обочине, за стожком каким-то, оставили и — пешочком. Подходим к дому, смотрим — из-за ставен на первом этаже — свет, а в окнах второго темно. Привернули глушители, я собрался было дверь высадить, только Стас меня остановил, толкнул ее пальчиком, а она — не заперта! Влетаем, а те двое за столом сидят, в нарды играют. Короче, они и охнуть не успели: мы — пук-пук! — лежат. Лады. Прислушались — тихо. Значит, хозяин дрыхает, не разбудили мы его. Обсмотрели на всякий пожарный весь первый этаж.

Да! Перед тем как наверх подыматься, у меня вдруг — предчувствие и пот аж прошиб. Веришь, никогда такого со мной не бывало, а тут — все как

по маслу и — на тебе! Я Стасу шепчу: а что, если некромат этот нас как-нибудь того… зачушканит. Колдун все же. Он меня на смех: свинота ты, типа, необразованная, никакого колдовства нет, а одно шарлатанство и мистифисти… фуфло, короче. Я враз успокоился, потому как Стас насчет науки мужик авторитетный — сказал фуфло, значит, фуфло и есть.

Дальше так: поднялись сторожко по лесенке, там — дверь, уже запертая. Мы — *тук-тук!* Оттуда: «Георгий, ты?» Стас покашлял для невнятности и отвечает, да, мол, я. Как только клиент замочком щелкнул, я дверь ногой настежь и две маслины ему — одну в живот, вторую — в грудину. Того аж через всю комнату обратно на кровать отбросило. Заходим не спеша (куда торопиться?), Стас примеряется контрольный в голову сделать — так уж заведено у нас; конечно, с дыркой в брюхе да в груди он и без того труп, однако порядок есть порядок. Стасик «контролем качества» это называл. Я ж говорю, приколист еще тот был… ага. Навел, значит, Стас пушку и… Вот с этого момента все у нас наперекосяк пошло. Я гляжу — труп-то живой! Да не просто дышит — это бы куда ни шло, — а на кровати приподнялся, руку одну вот так поднял и булькает (легкие-то

пробиты): «Обождите! Скажу чего…» Мне занятно стало — надо какой живучий! — и Стасу, видно, тоже, потому как ствол опустил и говорит: «Ну!? Только скоренько!» Тогда он и спросил: признайтесь, мол, перед смертью, кто вас послал, не Дон ли? Стас только усмехнулся, прощай, говорит, дядя, до встречи в аду (это он всегда так говорил — в фильме каком-то услыхал и понравилось ему страшно). Тот снова булькает: ладно, мол, и так знаю, что Дон, потому больше некому; теперь последняя просьба умирающего: скажите хоть, как вас самих звать? Или боитесь меня? Стас совсем развеселился: сообщи там, смеется, кому следует, что звать меня Стасом, а этого вот — и тычет в мою сторону пушкой — Гоблином кличут.

И началось! Кантемир глаза яйцами выкатил да как заревет: «А-а-а! Так я за ним, Доном-гондоном дутым приду! О-о-о! А вас, ублюдочное семя… вас… за то, что посягнули… У-у-у! Обрекаю вас *КАЛЛИКАНЦАРАМ!!!*» А кровь-то из дырок, что я в нем понаделал, — из груди особенно, — так и хлещет, так и свищет! Да что хлещет! — фонтаном бьет, ровно из пробитого огнетушителя! Прикинь: стены, потолок, мы сами — в секунду все в кровище было! Как на бойне. И откуда в нем ее, крови то есть, столько? Дальше — больше:

вскочил он с кровати и давай руками махать, глаза пучить и верещать. Притом брюхо у него с натуги лопнуло (калибр-то у моей пукалки не детский), и все кишки, словно клубок серых змей, наружу вывалились! А он знай бормочет какую-то несуразицу, что-то, типа: «Агарат-Махалат-Наама! Тебя призываю, Куцодаймон, пожри его плоть! Агарат-Махалат-Наама! Пропори ему брюхо, о Куцодаймон!» Да таким заунывным, протяжным голосом — ровно собака воет. Ну, полная хренотень, короче! Только тут Стасик мой наконец опомнился и шмальнул некроману этому прямо в лобешник — у того мозги по стенке… да. Но — веришь ли? — бля буду, он и тогда не враз откинулся: считай, полголовы ему снесло, а он секунд с пять еще глазищами ворочал. И даже (мамой клянусь, сам видал!) руку левую приподнял и пальцем, мелко-мелко так, нам погрозил, точно участковый бакланам…

Когда он затих, я к Стасу поворачиваюсь, чтобы вместе подивиться — дескать, вот это кипеж так кипеж! — гляжу, а он сам на измене весь: белый стоит, как простыня, едва зубами не клацает. Я ему: ты че, мол, шарлатанство, ведь? Он только головой мотнул: уходим! Ага, ладно…

Вернулись мы к отелю, машину на стоянку,

а сами, понятно, не в номер пошли — на пляж; там прямо в одежде искупались, заодно и кровь смыли. Только Стас мужик основательный: все равно, говорит, шмотки оставлять нельзя. Какие никакие следы крови остаться могут, поэтому сейчас пойдем вон на тот пустырь и там их прикопаем. А сами в отель в плавках вернемся — типа, мы до завтрака искупнуться ходили. Я ему: чем прикопаем, когда там глина одна (здесь кругом глина, где красная, где желтая, хорошей земли нет) — без лопаты никак; может, лучше спалить? А он: эх ты, гоблин бестолковый! Костер, если не из отеля, так с дороги увидать могут. А ведь, по ней и патрульные машины иной раз проезжают. Не получится зарыть, бросим так — хрен кто найдет.

Короче, отправились мы, пока затемно, на тот пустырь — знаешь, что за ограждением отеля начинается. Там дикий пляж с километр, наверное, до соседнего отеля тянется, а от пляжа и до самой дороги — заросли сухого бурьяна, не густые, но довольно высокие. Идем, значит, идем… А меня жуть такая проняла: прикинь, темень кругом, хоть глаз выколи (ночи-то здесь, сам знаешь), луны не видно, только звезды с неба мерцают; под ногами похрустывает чего-то, словно косточки

какие мелкие — в общем, мандраж. Да колдун этот никак из головы нейдет. Я Стасу говорю: хватит уже, давай прямо здесь. А он — нет, подальше, чтоб надежней, значит…

Забрались в самую середину пустыря, решили — здесь. Остановились. Только хотели одежду скинуть, вдруг слышу: шр-шр-шр… шр-шр-шр… — шуршание какое-то понизу. Стас тоже просек — слышь, шепчет, Гоблин, шебур-шит будто что-то? Может, собаки бродячие, говорю. Сам думаю, откуда им взяться? За трое суток ни одной не видал. А тут со всех сторон уже: шр-шр-шр… клик-клак! Шр-шр-шр… клик-клак! И темень вокруг загустела — чисто гудрон, а не темень. А еще ни с того ни с сего холодно сделалось, как в морге… Стас ко мне оборачивается: ну их в жопу, говорит, не будем закапывать; кидаем прямо здесь и уходим. А у самого изо рта — пар, ей-богу!

Только сказал — из-за кустов появляются *они*… Чего — «кто?». Калликанцары, конечно, которыми нам Лихой грозил. Почему догадался? А ты слушай, какие они из себя: ростом с локоть, сами голые, тощие до невозможности, а головы такие… бледные, раздутые, ровно тыквы; рты — от уха до уха — и зубки в них мелкие, но острые-острые! типа акульих. Ну чего? Не похожи на греков? На

турок тоже… Они вовсе на людей не походили. Да! И все — верхом на крысах с хор-рошую кошку величиной; крысы, значит, серые, а глаза у них красные, как у альбиносов, — и светятся!

Стас едва дернулся, как один из этих уродцев прыг ему на грудь и — зубами в горло! Он было в крик, да — какое там! — когда дымоход пере-кушен, одно «ххр-хрр» вышло. Я поворотился бежать, а погань эта на крысах уж и сзади, и с боков… в кольцо, короче, взяли. Что делать? Пушки-то мы, как положено, еще там, в доме, скинули. Стас тем временем ту тварь, что в него впиявилась, от горла отодрал, швырнул обратно в бурьян, сам на колени осел, шею порватую руками зажал и хрипит мне: «Гоблин! Помоги…» А чего я могу? У самого ноги ватные, только что не обделался; стою, крещусь да молитву вспоминаю.

Тут кольцо калликанцаров раздалось и в круг вступил… о-ох! вспоминать даже тошнотно! Эдаких отморозков я и в кино не видал: мне по пояс, одна нога короче другой, на грудп горбыль, а уж голова! — во-от такущая голова! И язык красный на горбину свисает. Я сразу догнал, что он самый Куцодаймон и есть. Походняк, и все движения у него шустрые, до неуловимости, но вместе с тем

какие-то… дерганые. Как если бы заржавело у него что внутри. И при каждом шаге это самое «клик-клак» раздавалось… Чего? Чего ты хмыкаешь-мымыкаешь?! Думаешь, типа, заливает Гоблин, да? Я тебе не Гоголь Лев Николаевич — языком мести да байки плести не мастак. Но и не фуфлыжник! Это, может, на словах по-косячному выходит, а когда бы лы своими глазами… Такой душняк! Глянул он на меня — и задубел я чисто чурка, не шелохнуться. Ты когда-нибудь в канализационный колодец заглядывал? Тьма без дна, и дохлятиной пахнет. А еще — типа, есть там чего-то, которое давне-енько тебя поджидает. Вот такой у него взгляд!

Доковылял он, значит, до Стаса, ткнул в него пальцем (а на пальце-то коготь дли-и-инный, желтый!) и говорит: «каа-лис…пэ-э. ра!» Все прочие тварюги в момент на Стасика сиганули, облепили по самую макушку и давай его натурально жрать! Хрустят, чавкают да попискивают. До сих пор тот хруст в ушах стоит. А Стас — ни звука. Наверное, неживой уже был. Я ойкнуть не успел, как они его до костей объели… Вдруг главный их отморозок, Куцодаймон, опять что-то по-своему вякнул, и остальные нехотя отлезли от Стаса. А горбун поднял палец, замер и голову эдак

наклонил, типа прислушивается к чему; потом ощерился и ну на них шипеть — те так и прыснули в разные стороны, как тараканы. Секунда — и нет никого…

Пришел я маленько в себя, огляделся, смотрю — небо раскумарилось, ночь, значит, кончается, вот-вот рассветет… А что дальше? Вырыл кое-как ямку (руками, чем же еще? На удивление легко копалось, хотя и глина), спихнул в нее Стаса — ну, то, что от него осталось, — шмотье наше, и пошкандыбал на пляж. И все это — ровно в полусне каком, то есть почти без мыслей, как пришибленный. Чувство такое было, точно не со мной это происходит… Выкупался. Тут и солнце взошло.

Воротился в отель, вернее сказать — в бар; весь день до вечера квасил. Поэтому, как отрубился, не помню… только очнулся среди ночи от холода, поднялся, чтобы кондиционер убавить, глюку — а с балкона ко мне в окно харя Куцодаймона заглядывает! Ага, прямо, привиделось! Я его и с прошлой ночи навеки запомнил, а в этот раз луна светила ярко, так что, будь спок, разглядел в деталях: морда морщинистая, синюшная, глаза с вертикальными зрачками как два желтых фонаря горят, а с красного языка слюна капает… Ух, я и подскочил! В коридор выбежал и уж больше

не спал — ходил взад вперед; если чего, думаю, в другие номера стучаться стану… Во-от. Это вчерашняя ночь была, а сегодняшняя — последняя. Завтра утром улетаю отсель к ядреней фене. Так ты мне, папаша, пособи последнюю-то ночку перекантоваться… лады? Такая история…

— «Такая история», — сказал он, прикрыл глаза, уронил голову на грудь и захрапел. Видимо, прошлую ночь действительно не спал и за рассказом целую бутылку водки один вылакал — вот его и сморило. Я тихонько — чтобы не разбудить — поднялся, открыл балкон (накурено было страшно) и на цыпочках — к себе в номер.

Закончив повествование, Тимур Айдарович умолк, испытующе глядя мне в глаза.

— И это все? — спросил я. — Все? Тогда, мой вам совет: выкиньте эту байку из головы. Совершенно очевидно, что сосед ваш тяжело больной человек. Вы еще легко отделались, ведь он мог запросто вас и вилкой ткнуть! Кстати, куда он потом делся? Уехал?

— А знаете, я тоже так решил. Ну, что он не в себе или вообще шизоид. Только…

— Что только?

— Некоторые дальнейшие события мою уверенность в этом поколебали.

— Вот как? Очень интересно! Тогда что же случилось потом?

— А вот слушайте: где-то во второй половине ночи, на самом ее излете, меня разбудил приглушенный шум, доносившийся из соседнего номера. Мычание какое-то и возня; потом раздался звук падения, хрипы… и глухие такие удары, скорее даже, шлепки… хотя нет — все-таки удары; знаете, как если бы мясо деревянным молотком отбивали… В общем, очень похоже на шум борьбы. Минут десять эта возня продолжалась, потом стихло все… и только время от времени тишину нарушали какие-то… то ли всхлипы, то ли подвывания.

— И что же вы предприняли?

— Да ничего не предпринял! Может, думаю, у человека белая горячка? А что тут удивительного? Вы вон из одного рассказа такой вывод сделали, а я-то с ним полночи провел и видел — очевидно неадекватная личность. То есть или допился до чертиков, или на солнце перегрелся, или же от рождения такой… ушибленный; а скорее всего, и то, и другое, и третье одновременно. Поэтому перевернулся я на другой бок и уснуть постарался. Но как тут уснешь, когда из-за стенки все: «И-и-и-и…» да «и-и-и…»!

Еле-еле утра дождался, встал, выхожу в коридор — решил, дай, проведаю соседа, может, ему медицинская помощь требуется? Только собрался в дверь постучать, как он сам ее передо мною распахивает, едва по физиономии не заехал! Смотрю: ну и видок у него! Одежда — футболка, шорты — порвана, клочьями висит, а шея вся синяя, точно его душил кто. Глаза стеклянные, совершенно бессмысленные, выкатил на меня; вижу — не узнает. Я — задком, задком — в свой номер пячусь. Ну его, думаю! Но тут он взгляд на мне сфокусировал: «А-а! — говорит, — папаша, на кого ж ты меня оставил?» И голос хриплый такой, будто сейчас только из петли вылез. Я ему: «Вам доктор нужен. Обождите, я попробую вызвать…» — а сам продолжаю отступление. Он на мои слова ноль внимания и все сипит по-своему: дескать, чего-то он там «форшманулся» и колдун его все ж таки «зашкварил». Ну и прочее в таком роде — я в этой «блатной музыке» не шибко силен. А потом вдруг схватил мою руку и прижал к своему животу: *«Оно* там… во мне! — говорит. — Чуешь, шевелится? Чуешь?!» Я глянул — мать честная! — брюхо у него, как у роженицы на восьмом месяце и — так и ходит волнами, так и ходит! Словно садок с живой рыбой. Я говорю: «У вас, наверное,

газы. Вам непременно к врачу надо…» А он только головой трясет; потом вдруг взвизгнул, обхватил живот обеими руками и — бежать. Я глазом не успел моргнуть, слышу, он уже вниз по лестнице — топ-топ-топ!

Хотел было я за ним, а потом думаю — и чего? М-да… честно говоря, в тот момент как-то не по себе мне стало, жутковато. В общем, вернулся я в свой номер, смотрю, жена, слава Богу, спит; вышел на балкон — и наблюдаю следующую картину: сосед мой уже по пляжу бежит, а живот все так же руками придерживает, точно расплескать боится. Добежал до моря и, не останавливаясь, — в воду; сначала так шлепал (брызг от него!), а как глубина позволила — вплавь. Прямиком к буйкам. Тут Геляна моя проснулась: «Тима! Ну как сосед? Познакомился? Он приличный человек?» Я отвлекся, чтобы соврать ей чего-нибудь (ну, не пересказывать же ей в самом деле всю эту бредятину), а когда снова на море посмотрел, Гоблина нигде видно не было: то ли назад вернулся, то ли заплыл так далеко?

Во-от… Однако это не конец истории. Еще нет. Слушайте, что дальше было: соседа в этот день я больше не видел, хотя, правду сказать, специально его и не разыскивал. Решил — не мое дело.

Вот так. Я на отдыхе, в конце концов! И ответственность несу прежде всего за свою супругу… Вечером на ужин не пошел, решил по пляжу прогуляться — он в это время пустынный, — потому как аппетита не было да и обдумать все хотелось. Хожу, брожу, дышу морским воздухом. Вдруг наблюдаю, как в районе дикого пляжа, за территорией отеля у самой кромки воды народ кучкуется, фонариками светит, то есть суета какая-то. Я — туда. Подхожу ближе, а там служащие из администрации отеля и люди в форме местной полиции вокруг некоего продолговатого предмета столпились; руками машут, тараторят между собой по-гречески. Поскольку уже порядком темно было, они не сразу меня заметили. А когда наконец заметили, я уже успел разглядеть, чего они на берегу рассматривали… На мокрой от прибоя гальке лицом вверх лежал мой сосед — Гоблин. Мертвый, разумеется. Почему разумеется? А потому, что живот у него от грудины до паха разорван был… Тут они меня увидели, руками на меня замахали: «сигноми!» да «паракало!» — уходите, мол, уходите! Я и ушел…

— Постойте, Тимур Айдарович! — перебил я своего собеседника. — Как же так? Ведь я только сегодня разговаривал со служащими вашего оте-

ля и они мне ни о чем подобном не рассказывали. Хотя я достаточно конкретно спрашивал…

— Нужна им такая слава! Ко мне, вон, на следующее утро целая делегация заявилась. С сувенирами разными, презентами. И с единственной просьбой: чтобы об увиденном на пляже не распространялся. Это, говорят, трагическая случайность — турист был сильно нетрезв, заплыл далеко за буйки, попал на сильную волну, и она швырнула его об острые камни. Несчастный случай, представляете! Но я-то видел…

— Может, так и было?

— Ну да, конечно! А как вы объясните, что Гоблин лежал не просто с распоротым животом — он был выпотрошен! Да-да! Так хорошая хозяйка треску потрошит — брюшная полость вся пустая и чистенькая, ни одного внутреннего органа! Будто их ему кто выел. Это вам как?!

— Да-а уж…

— Вот именно, что — да уж! — усмехнулся Тимур Айдарович, явно довольный произведенным эффектом. — Ну и как вы находите мою историю?

— Весьма. Прямо мистический триллер. Жаль, я не работаю в этом жанре. Но все равно — спасибо за незабываемый вечер.

— Это как же? Надо понимать, для вашего журнала она не годится?

— Гм… не знаю, что и сказать.

— Может, вы полагаете, я все это придумал, а?

— Ну что вы, Тимур Айдарович! Такое выдумать невозможно…

— Хе-хе-хе! Согласен. А думаю, это и к лучшему. Как говорится, все к лучшему в этом лучшем из миров… ого! смотрите-ка, за разговором бутылочку-то мы с вами уговорили! Что же? Пора прощаться, так?

— Как можно?! — почти искренне возмутился я. — А на посошок!

— Но бутылка — пуста. И хозяин куда-то запропастился…

— Нет-нет! Давайте перед расставанием выпьем по бокалу пива — и все!

— Почему бы нет? — раззадорился Тимур Айдарович. — Давайте. Хозяин! Хо-озяин!

— Не трудитесь, — остановил его я, — он, наверное, на кухне — не слышит. Сейчас я к нему сам схожу. Заодно выберу самое лучшее, из местных сортов.

Я отправился в подсобную часть ресторана, отыскал там хозяина — он порывался обслужить нас сам, но я убедил его не беспокоиться — и

быстро (слегка только замешкавшись у барной стойки) вернулся назад, неся в каждой руке по бокалу. Поставил пиво на столик и рядом с каждым бокалом положил по десертной ложечке, какие обычно используют для мороженого, — их я тоже прихватил на кухне.

— М-м-м! — обрадовался Тимур Айдарович моему возвращению. Он порядком уже осоловел от выпитого. Пожалуй, завтра с трудом вспомнит о нашем разговоре. — Янтарем наполним взбитым запотелое стекло! Как называется сей пенный напиток?

— Он называется «Кео». Замечу, что перед употреблением его принято размешивать. Вот так. — Я взял одну из принесенных ложечек и быстро помешал в своем бокале.

— Забавно! Никогда о таком не слышал… А! Это, вероятно, чтобы пену убрать, да? Так я ее сейчас просто сниму…

— А вот этого делать не стоит! — заволновался я. — Эдак вы самый смак снимете. Нет, следует именно перемешать, вместе с пеной. Давайте, покажу. — Я перегнулся через стол. — Вот так, вот так!

— Спасибо, я понял, понял! Действительно, так вкуснее… И все же, есть, по-вашему, в истории

Гоблина правда?

С минуту я помолчал, обдумывая свой ответ, вернее, определяясь, до какой степени могу быть откровенен со своим собеседником. А потом решил: какого черта?

— Если желаете, я готов изложить вам свою версию случившегося.

— Нуте-с, нуте-с!

— Извольте. Полагаю, что обстоятельства, касаемые заказа на устранение Кантемира Лихого, последовавшее за этим убийство и сопутствующие детали — все это отвечает действительности. Тем более что о насильственной смерти Лихого я уже слышал, причем из других источников. Относительно же мистической составляющей рассказа Гоблина скажу следующее: волей случая мне кое-что известно об этом злополучном Кантемире Лихом. В частности, я достоверно, практически на личном опыте, знаю о его недюжинных гипнотических способностях. Кстати, до своей карьеры колдуна, он был психиатром и работал в институте имени Сербского, лечил гипнозом пограничные психические расстройства — тяжелые психозы, фобии и прочее; по отзывам коллег, весьма успешно. Поэтому, думаю, дело было так: непосредственно перед

ликвидацией Лихой успел каким-то образом загипнотизировать примитивный мозг Гоблина и дать ему жесткую установку на устранение своего подельника (как его — Стас, да?). Гоблин поступил в строгом соответствии с полученными «инструкциями», но впоследствии, осознав, как выражаются юристы, всю тяжесть содеянного и наступивших последствий, ужаснулся, психика его не выдержала и он подвинулся рассудком, впав в эдакий болезненный фантазм. Иначе говоря, мозг отказался признать, что смерть Стаса — его, Гоблина, рук дело. Отказался, стал искать себе оправдания и нашел это оправдание в замене субъекта преступления — дескать, во всем виноваты некие уж-ж-жасные «калликанцары», а никак не он.

— Невероятно!

— Однако, согласитесь, менее невероятно, чем помстившийся Гоблину ужастик.

— Гм… но тут вот еще что. Нечто похожее и мне приходило в голову. Однако, думал я, странно, что Гоблин с его, как вы заметили неразвитым умишком, а соответственно, и воображением, измыслил совершенно фантасмагоричных существ — калликанцаров, а не каких-нибудь банальных чертей-леших. Вот я и позвонил своей дочке

— она в Москве в МГУ учится, студентка филфака — и попросил ее справиться в соответствующих словарях-энциклопедиях, существует ли вообще подобное понятие.

— Весьма интересно! Что же из этого вышло?

— Хе-хе! А вот слушайте: оказывается, греческому фольклору такие существа известны! Это демоны, и они действительно ростом с ребенка, а начальником у них Куцодаймон. Любопытно, что обличье у них примерно такое же, как его описал Гоблин. Правда, по народным поверьям, ездят они на хромых курицах, а не крысах, да и появляться в мире людей должны на Рождество. Демоны эти вредоносны: любят мочиться в открытые емкости с водой или в очаг, до прочих пакостей тоже охочи. Но худший и наиболее опасный из них — Куцодаймон. Он насилует девиц и протыкает животы беременным.

— Поистине, достойно удивления… но это никоим образом не подрывает моей версии.

— То есть?

— Значит, наш «некромант» внушил киллеру не только необходимость убийства напарника, но и этих калликанцаров с их Куцодаймоном.

— Позвольте! Да когда бы он все это успел за пару мгновений до рокового выстрела в голову?!

— Как-то вот успел… Я же говорю — талант, неординарная личность. Потом, Тимур Айдарович, у вас имеется другое объяснение? Уж не верите ли вы, в самом деле…

— О нет! Это, разумеется, совершенно невероятно.

— Про что и речь. Давайте уже отвлечемся от гоблинов с их калликанцарами и займемся нашим пивом.

— Согласен!

— Перед расставанием, Тимур Айдарович, позвольте один совет.

— Приму с благодарностью.

— Никому больше не рассказывайте эту историю, — для значительности я даже понизил голос. — Во всяком случае, пока не вернетесь в Россию. Зачем вам разбирательства с местными правоохранительными органами? Вы же, считай, свидетель по делу.

— Спасибо. Я так и поступлю.

— Ну тогда, как говорят здесь, на Кипре: «Я мас»!

— Что в переводе означает — «на здоровье»! Это я уж все знаю… хе-хе! Я мас!

Распрощавшись со своим собеседником, я решил немного прогуляться, чтобы утрясти

съеденную пищу и полученную информацию. Сегодняшним днем я был весьма доволен. Профессионализм плюс удача всегда равняются успеху. Теперь, поскольку на Кипре меня более ничего не задерживало, я решил улететь завтрашним же рейсом. А пока, возвращаясь пешком в свой отель, вкушал на десерт томную прелесть южной ночи.

Воистину, сладкая страна — Кипр! А климат какой благодатный: подумать только — триста тридцать солнечных дней в году; с апреля по ноябрь — лето. У нас бы так. Ну, пускай не восемь, пускай хотя бы шесть месяцев. А то оглянуться не успеешь, как зима катит в глаза… Природа местная тоже соответствует… Естественной растительности, правда, маловато. Когда-то, говорят, Кипр был богат лесами. Кипарисовыми, сосновыми, кедровыми. Но семь тысяч лет человеческой эксплуатации не проходят бесследно. Теперь только в районе Троодоса настоящие леса остались. Да и те, по нашим, российским меркам… жидковаты.

Свернув с дороги, я вышел к морю; присел на камень у самой кромки прилива и закурил; ленивая волна, сморщив широкую лунную дорожку, добежала до моих ног и схлынула. Раскинувшееся в истоме Средиземное море, словно женщина

после бурной ночи любовных утех; безлюдный, пустынный пляж — все располагало к неспешному размышлению и вдумчивому анализу.

Итак, я выяснил все, что хотел: Кантемир Лихой мертв (это, впрочем, мне было известно), Стас с Гоблином тоже… Конечно, обстоятельства их гибели не вполне ясны, но… главное, что они не попали в руки полиции. Стасика жаль: славный паренек был; бесшабашный немного, отчаянный, но этим и брал — удалью, лихостью своей… А вот кого совсем не жалко, так это Гоблина. Животное, оно и есть животное! Правильную Стас кликуху ему придумал. Это ж надо — чуть поприжало, и первому встречному всех сдал, даже заказчика! Из-за него пришлось ликвидировать хорошего человека. Он мне даже понравиться успел. И рассказчик исключительный.

А вы как думали?! Естественно, Тимура Айдаровича нельзя было в живых оставлять — слишком о многом ему стало известно. А все из-за болтливости и суеверной трусости Гоблина.

Интересно, наверное, как и когда я это сделал? Ну, правильно, там, в ресторане «To Dovkato». Я ему в пиво порошок фаллоидина подсыпал. О-о! Это отрава замечательная, просто исключительная по своим свойствам. Если называть вещи

своими именами, так фаллоидин не что иное, как истолченная Amanita phalloides — бледная поганка, в переводе с латыни. Исключительность же ее состоит в том, что, попав в организм, токсины грибочка этого в течение длительного времени не вызывают никаких заметных симптомов; и лишь через полтора, а то и двое суток появляются первые признаки отравления: головокружение там, тошнота… возможно нарушение зрения. Потом наступает временное облегчение — часа эдак на два. А затем — по новой: желчная рвота, понос, судороги, жгучая боль в желудке; конечности холодеют, пульс падает… Это ж как удобно! Мало ли где и что в течение латентного периода — до появления первых симптомов — человек кушал? Вот взять моего Тимура Айдаровича: в отеле утром покушает? — покушает, в самолете тоже, да и дома наверняка перехватит. Ну и как определишь, где он гадости этой наглотался? Немыслимо! Да ее немного и надо — тридцать миллиграммов всего. Этакая капелюшечка в любое блюдо попасть может. Но прелести фаллоидина этим не исчерпываются! Самое главное, что ко времени появления первых симптомов он успевает вызвать необратимые изменения внутренних органов: некроз печени, почек, пол-

ное перерождение тканей селезенки и сердечной мышцы. То есть спасти человека уже невозможно — смертельный исход неминуем! А? Каково?! Да-а… сколько живу, а все не перестаю удивляться чудесам природы.

Хочу, кстати, похвалиться — порошочек этот я своими руками приготовил. Такое тонкое, ответственное дело лучше никому другому и не доверять… Когда ж это было? Ну, точно! Года два назад, в подмосковном, помнится, истринском, лесу собирал грибы (люблю это дело!), вдруг вижу: на поросшем вороньим глазом и листьями земляники холмике стоит *она,* Amanita phalloides, собственной персоной! И ничего в ней на вид особенного, обычный, заурядный даже, гриб: ножка белая, шляпка внизу пластинчатая, а поверху шелковистая, зелено-оливковая… А вот, поди ж ты, сразу ее опознал. Аура у нее какая-то… злокозненная… и будто некие вредоносные флюиды источаются. Что говорить? Родство душ, полагаю. Взаимопроникновение чувств…

Вот, дьявол, я, кажется, отвлекся! Воспоминания такая штука: цепляются друг за дружку, точно канцелярские скрепки… Не запутал я вас? Ну, ничего, дабы окончательно прояснить ситуацию, скажу, что, излагая Тимуру Айдаровичу

свои соображения о произошедшем на острове Афродиты, я нисколько не кривил душой и ничего не утаил. За исключением одной малости… Хотя вы, наверное, сами догадались, что никакой я не журналист. Разумеется, догадались. На самом деле я являюсь советником Дона, того самого о котором Гоблин проболтался, помните? Вообще, по профессии я адвокат, а по должности — советник. Что за должность такая, спросите. А вы «Крестного отца» Марио Пьюзо читали? Ну, фильм-то уж точно смотрели. Так вот, там, у них, это называется «консильори».

Кто такой Дон? Экие вы, однако, любознательные! Что ж, даю историко-биографическую справку: Донат Гордеевич Термидоров, для своих просто Дон, недругами же обзываемый Гондоном, происходит (теперь, на момент написания этих строк, точнее будет сказать — происходил) из старинного купеческого рода Помидоровых, потомственных старообрядцев беспоповского толка. Отец его, единственный наследник мужеска полу первого шарьинского промышленника, Гордей Пантелеевич, после октябрьского переворота принужден был рядом значительных обстоятельств сменить фамилию на иную, хотя и созвучную прежней. Сам ли он решил, что такое

ее звучание более соответствует духу времени или кто ему посоветовал, семейная история о том умалчивает, только с тех самых пор Помидоровы стали зваться Термидоровыми. Интересующий же нас представитель этого уважаемого рода, Донат Гордеевич — унаследовав пристрастие предков к предпринимательству, также занялся производством, только не мануфактуры, как его дедушка, а синтетических наркотиков… Впечатляет? Вот так вот, учитесь, господа, — о поверенном своем следует знать всю подноготную!

Вам еще наверняка интересно, зачем Дону было заказывать какого-то Кантемира. Ну, с этим все просто до банальности. Один из коллег-конкурентов Доната Гордеевича нанял упомянутого «служителя Гекаты», чтобы тот сорвал моему шефу некую крупную торговую сделку. И Кантемир Лихой вроде бы в сем деле преуспел. Вообще, люди этого круга (я Дона имею в виду), стоит только зайти речи о магии-религии и прочем шаманизме, становятся такими суеверными, что просто — хоть святых выноси! Справедливости ради надо отметить, что Лихой не являлся рядовым шарлатаном. Многим внушал доверие и даже внешностью обладал подходящей: наполовину одесский грек, наполовину украинский поляк,

был он мелкого, хотя и жилистого сложения, с непропорционально крупной головой; волосом и лицом черняв; нос имел короткий, крючковатый, напоминающий клюв хищной птицы. Прибавьте еще немигающий взгляд глубоко запавших глаз — ну чем не гоголевский колдун! Он в самом деле получил ученую степень доцента и одно время работал в институте имени Сербского. Правда, как я выяснил, ушел оттуда не своей волей, почти со скандалом. Психопатов да эпилептиков гипнозом излечивать ему показалось мелким. Увлекшись всякими колдовскими практиками, он возомнил себя новым Алистером Кроули или российским Ла Вэем и организовал в институте нечто вроде секты. Благо имеющийся человеческий материал сему благоприятствовал. Когда все это открылось, Лихому пришлось покинуть институт, и он пополнил собой многочисленную когорту магов-целителей — тех, что обещают нашим малоумным гражданам (особенно гражданкам) снять венец безбрачия, навести порчу, вернуть жену-мужа, сглазить разлучницу, а деловым людям — обеспечить верный успех коммерческого предприятия.

Всю эту информацию о Кантемире Лихом я разузнал заблаговременно, однако, честно говоря,

не очень поверил в его гипнотические таланты. Выходит — зря.

Как бы то ни было, вызвал меня однажды Дон и распорядился: так и так, мол, кончать надо с этим Лихим. Надо так надо. Направил я к нему человека — опытного бойца, чтобы он под видом клиента в кантемирову контору проник и шлепнул того по-тихому.

Только по-тихому не вышло.

В этот же день возвращается мой боец с задания и заявляется не куда-нибудь, а прямиком к Дону. Я даже в смущение пришел, поскольку у нас так не принято — с бойцами Донат Гордеевич никаких дел не имеет, а только со мною. Совершенно понятно. Этот же еще ко всему странный какой-то вернулся, глаза оловянные; обкуренный, что ли, думаю? Тем не менее спрашиваю его, все ли в порядке? А он на меня и не смотрит, к Дону обращается: «Тебе Кантемир велел весточку передать». И тянет из-за пазухи рабочий инструмент…

Ну, там кроме меня еще человека два было — изрешетили, конечно, перевертыша — он и предохранителем не успел щелкнуть. Так что, видите, и в части гипнотических талантов Лихого я тоже никоим образом не погрешил против

истины.

Следует отметить, что мой шеф имел по жизни темперамент гадюки, иначе говоря весьма холоднокровный. Но уж если кто наступал ему на хвост! А это был как раз такой случай, и потому взъярился он не на шутку: «Из моих ребят зомбей делать?!» Дальнейшее развитие событий очевидно: мне в категоричной форме было поручено распылить Кантемира до молекулярного состояния.

Правда, Кантемир после своего неудавшегося «удара возмездия» сразу на Кипр выломился. Понял: раз нахрапом решить проблему не удалось и Дон жив — не оставит его в покое. Видимо, надеялся, что у Дона руки коротки через Средиземное море до него дотянуться. Напрасно. Обнаружить его укрывище было делом техники. Оставалось решить, кого заслать к нему с ответной весточкой от Доната Термидорова.

Мой выбор на роль «вестников» Стаса с Гоблином не был, естественно, случаен. Я как рассуждал? Во-первых, раз они вдвоем, всегда приглядят друг за дружкой; не сможет же в самом деле этот новоявленный Алистер Кроули двоих зараз соображения и воли лишить? Во-вторых, я умышленно направил именно эту бригаду,

поскольку более несходных, противоположных даже людей, чем Стас с Гоблином, сыскать было трудно. Гоблин имел ум неразвитый, почти зачаточный, соответственно малоподверженный всяким опасным фантазмам; такого не вдруг зомбируешь. Стас же, тот сам кого хочешь в транс ввести мог, не хуже Кашпировского. Упрямый, злой, как конвойная овчарка, и, несмотря на некоторый пофигизм, обладавший решительным, целеустремленным характером.

Так что в Стасе я был совершенно уверен. И сейчас, по здравому размышлению, полагаю — это я с Гоблином промахнулся. Потому — неразвитый интеллект сродни детскому. А дети как раз в категорию повышенной внушаемости и входят.

И ведь четкие инструкции дал стервецам: ни в какие разговоры с Лихим не вступать. Ну да что теперь казниться попусту? И на старуху бывает проруха.

Тут, правда, какой еще нюанс: по приезде в Москву, поднял я досье Гоблина, справки навел. Оказалось, он с детства состоял на учете в ПНД, психоневрологическом диспансере то есть. Это уж прямой огрех в моей работе, ничего не попишешь… Но меня с толку сбило, что он был трижды судим. Как же его всякий раз вменяемым-то при-

знавали? Ума не приложу.

Когда я в Москву вернулся, меня ожидал еще один «сюрприз»: буквально через сутки Дон откинулся. Причем при весьма странных, если не сказать, загадочных обстоятельствах. Однако, чтобы привнести в эти обстоятельства относительную ясность, я вынужден вновь сделать небольшое отступление.

Донат Гордеевич у себя дома, в центральной гостиной, нечто вроде зимнего сада соорудил: пальмы да юкки в кадках, какаду по веткам порхают, на головы гадят; террариумы с всевозможными гадами источают экзотические миазмы. И среди прочей причудливой фауны имелся у него аквариум. Большой — литров на пятьсот. Только жили у него в этом аквариуме не рыбки, и не рептилии, и даже не лягушки, а (экая мерзость!) жуки-плавунцы. Ну, те что в болотах и прудах обитают. Что характерно, он в этих насекомых прямо души не чаял — очень они его забавляли. Бывало, кинет им горсть головастиков, а эти твари торпедами черными метнутся — аж вода вскипает! — и своими челюстями их — хрям-хрям — напополам! Однажды, чтобы похвалиться здоровым аппетитом и хорошей спортивной формой своих любимцев, он при мне

в аквариум взрослую лягушку бросил. Зрелище, доложу вам, преотвратное, не для слабонервных: они бедной квакше сначала брюхо вспороли, а после в буквальном смысле на куски раздербанили! Меня едва не стошнило. Но Донату Гордеевичу нравилось… А того, старый бармалей, не додумал, что при его коммерции нельзя кого-либо близко к сердцу допускать. Даже и жуков.

И вот, на следующий день после моего приезда охранники находят Дона мертвым. В собственной ванной. Опочил и опочил, что ж такого, спросите? Действительно, он уже не молод был — седьмой десяток разменять успел; да и образ жизни оставлял желать… В общем, все естественно и гармонично. Но изюминка, я бы даже сказал, пикантность ситуации заключается в том, что ванна, в которой его грешное безжизненное тело в гидромассажных струях колыхалось, кишмя кишела этими любезными его сердцу плавунцами!

Помер-то он, понятно, не от их укусов — сердце не выдержало, это и результаты вскрытия подтвердили. Но вот что странно, вот какой вопрос не дает мне до сих пор покоя: кто мог в денно и нощно охраняемом доме такую развеселую шутку с Донатом учинить? Не сам же он, в самом деле, с жуками решил джакузи принять?

Однако, как заметил покойный Тимур Айдарович, все к лучшему в этом лучшем из миров. Благодаря перечисленным событиям, дело Дона перешло ко мне. Вполне естественным образом, на безальтернативной основе, поскольку детей у Доната Гордеевича не имелось. Таким образом, с его смертью пресекся славный род Помидоровых-Термидоровых. Кстати, строки эти я пишу в его (теперь уже бывшем) доме, в той самой роскошной гостиной. От аквариума с жуками я, совершенно понятно, избавился…

Ладно, притомился я что-то, хватит, пожалуй, на сегодня мемуаристикой заниматься. Тем паче что воспоминания мои не на современников рассчитаны, а на каких-нибудь отдаленных потомков. По причинам, думаю, весьма очевидным. Да и время позднее… Ягр, мой трехмесячный лабрадор, и тот уже возмущение выказывает: вон, забился под кресло, шерсть вздыбил и рычит. Ах ты, дурашка эдакая!

И еще меня окончательно достало непонятное шуршание, уже битых полчаса доносящееся из-за входных дверей. Собака, что ли, какая приблудилась, в дом просится? А куда охрана смотрит? Деньги я за что им плачу, за крепкий сон? Эх, грехи мои тяжкие, придется выбираться из по-

койного кресла и идти самому смотреть, в чем там дело. Иначе никаких нервов не хватит слушать это: «Шр-шр-шр… клик-клак! шр-шр-шр… клик-клак…»

INFO

1 (300)

2004

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Редактор
Александра КРАШЕНИННИКОВА
Художник
Александр ШАХГЕЛДЯН
Технолог
Екатерина ТРУХАНОВА

Адрес редакции
125017, Москва,
ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции 285-4706
Телефоны для размещения рекламы 285-4706; 285-39-27
Служба распространения 285-59-01; 285-66-87;
E-mail iskatel@orc.ru
mir-iskatel@mtu.ru

Учредитель журнала

ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета Российской Федерации
по печати о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.

Подписано в печать 25.12.2003. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная Усл. печ. л. 10,08.
Тираж 12000 экз. Лицензия № 06095. Заказ № 34778.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Молодая гвардия»
103030, г. Москва, Сущевская ул., д. 21

ИСКАТЕЛЬ

.....

Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
С 2004 года журнал **«ИСКАТЕЛЬ»**
выходит в новом оформлении.
Кроме того, его объем увеличился
на один печатный лист
и составил 192 страницы.
При этом цена за один экземпляр
практически осталась прежней.

**Подписаться на все наши журналы
вы можете с любого месяца
и на любой срок**

подписные индексы

«ИСКАТЕЛЬ» — 70424, 40940, 42785
«МИР ИСКАТЕЛЯ» — 40920
«ДЕТЕКТИВЫ «ИСКАТЕЛЯ» — 38304
детский журнал «КОЛОКОЛЬЧИК» —
79035 («Пресса России»), 26089 (Роспечать)

**Эти издания можно приобрести в редакции
или заказать по почте**

